

Н. П. Таньшина

par
vus
libellus

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ:

МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ И ЛЕГЕНДОЙ



е в р а з и я



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Наталия Таньшина

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ
Между историей и легендой



Санкт-Петербург
2020

ББК 63.3(4)5
УДК 94(44)"18"
Т18

Таньшина Н. П.
Т18 Наполеон Бонапарт: между историей и легендой. — СПб.: «Евразия», 2020. — 224 с.
ISBN 978-5-8071-0468-7

Наполеон притягивает и отталкивает, завораживает и вызывает неприятие, но никого не оставляет равнодушным. В 2019 году исполнилось 250 лет со дня рождения Наполеона Бонапарта, и его имя, уже при жизни превратившееся в легенду, стало не просто мифом, но национальным, точнее, интернациональным брендом, фирменным знаком.

В свое время знаменитый писатель и поэт Виктор Гюго, отец которого был наполеоновским генералом, писал, что французы продолжают то показывать, то прятать Наполеона, не в силах прийти к окончательному мнению, и эти слова не потеряли своей актуальности и сегодня. Он сам начал создавать свою легенду, он — главный архитектор этой конструкции; он, можно сказать, первый пиар-менеджер в истории. И легенда — основа его культа, почитания и памяти.

Как формировался этот культ? Как происходило развитие мифа и антимифа? Какова роль ветеранов Великой армии и литераторов эпохи романтизма в формировании наполеоновского культа? Как французские власти на разных этапах относились к имени и наследию Наполеона? Какова позиция современных властей Франции? Как французы отпраздновали 200-летие Первой империи и 250 лет со дня рождения Наполеона Бонапарта? Что об этом думают современные историки и как они оценивают причины популярности Наполеона во всем мире? Все эти вопросы поднимаются на страницах этой книги.

Рецензенты:
Доктор исторических наук А. Г. Браницкий
Доктор исторических наук А. А. Орлов

© Таньшина Н. П., 2019
© Юрченко К. А., дизайн обложки, 2019
© Оформление, ООО «Издательство
«Евразия», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	5
Глава 1. Реставрация (1814–1830): между «черной» и «золотой» легендами	14
Глава 2. «Наполеоновская легенда» как часть официальной идеологии Июльской монархии (1830–1848)	37
Глава 3. Наполеон в политической культуре Франции: от Луи-Наполеона до Эммануэля Макрона	144
Вместо заключения. Феномен Наполеона: что об этом думают историки?	200
Основные источники и литература	216

Вместо предисловия

Наполеон притягивает и отталкивает, завораживает и вызывает неприятие, но никого не оставляет равнодушным. Наполеон – это феномен, «который больше не повторится, и который сам по себе есть целый мир нравственный и политический»¹. Эти слова принадлежат графу Шарлю-Андре Поццо ди Борго, другу юности, а впоследствии кровному врагу Наполеона Бонапарта. Франсуа Рене де Шатобриан, современник Наполеона и его убежденный противник, был одним из создателей не только «черной легенды», «анти-мифа», но и творцом его культа, или «золотой легенды». В 2019 году исполнилось 250 лет

¹ Слонимский Л. З. Франко-русская политика в начале столетия // Вестник Европы. 1891. № 2. С. 823.

со дня рождения Наполеона Бонапарта, и его имя, уже при жизни превратившееся в легенду, стало не просто мифом, но национальным, точнее, интернациональным брендом, фирменным знаком.

В свое время знаменитый писатель и поэт Виктор Гюго, отец которого был наполеоновским генералом, писал, что французы продолжают то показывать, то прятать Наполеона, не в силах прийти к окончательному мнению, и эти слова не потеряли своей актуальности и сегодня. Он сам начал создавать свою легенду, он — главный архитектор этой конструкции; он, можно сказать, первый пиар-менеджер в истории. И легенда — основа его культа, почитания и памяти.

Как формировался этот культ? Как происходило развитие мифа и антимифа? Какова роль ветеранов Великой армии и литераторов эпохи романтизма в формировании наполеоновского культа? Как французские власти на разных этапах относились к имени и наследию Наполеона? Какова позиция современных властей Франции? Как французы отпраздновали 200-летие Первой империи и 250 лет со дня рождения Наполеона Бонапарта? Что об этом думают современные историки и как они оценивают причины популярности Наполеона во всем мире?

В центре внимания книги — годы существования во Франции режима Июльской монархии (1830–1848) и время правления последнего короля французов Луи-Филиппа Орлеанского. Именно в это время происходит формирование официального наполеоновского культа. И так получилось, что Луи-Филипп, не являясь сторонником Наполеона, сделал очень многое для прославления его памяти и формирования его культа. Именно при Луи-Филиппе была вновь водружена статуя Наполеона на Вандомской колонне; именно при нем в 1836 г. было окончено строительство Триумфальной арки, где были запечатлены все наполеоновские победы; именно Луи-Филипп в 1837 г. превратил Версаль в национальный музей Франции, где создал Галерею Сражений, прославляющую и битвы наполеоновской эпохи; именно тогда останки Наполеона были перевезены со Святой Елены и 15 декабря 1840 г. торжественно погребены в Отеле Инвалидов. Именно на годы существования Июльской монархии происходит взлет развития романтической литературы, и именно поэты и писатели этой поры: Альфред де Виньи, Стендаль, Адыфред де Мюссе, Жорж Санд, Проспер Мериме, Виктор Гюго, Оноре де Бальзак, Беранже — наряду с ветеранами

Великой армии стояли у истоков наполеоновской легенды.

Кроме того, в книге прослеживается эволюция наполеоновского культа и трансформация исторической памяти о Наполеоне в дальнейшем, на протяжении XIX–XXI столетий.

Источниковую базу книги составили, прежде всего, документы неофициального происхождения. Это публицистические работы, мемуары, воспоминания современников, а также произведения художественной литературы.

Наполеоновская историография безгранична, и, по подсчетам известного наполеоноведа Жана Тюлара, каждый день появляется новая работа о Наполеоне². При написании этой книги были использованы работы целого ряда ведущих специалистов по наполеоновской проблематике: Жана Тюлара, бывшего директора Фонда Наполеона; его нынешнего руководителя Тьерри Ленца, сотрудника Фонда Пьера Бранда, историка и журналиста Артура Шевалье и ряда других.

² Обзор наполеоновской библиографии см.: *Caldwell R. J. The Era of Napoleon. A bibliography of the History of Western Civilization, 1799–1815.* New York, London, 1991. Т. 1–2.

Вместо предисловия

В том, что касается непосредственно «наполеоновской легенды» и исторической памяти о Наполеоне, то были использованы работы последних лет, опубликованные во Франции и Великобритании. Это книга доктора новой истории Университета Поль Валери-Монпелье-III Эмиля Керна «Наполеон. Двести лет легенды. История памяти Первой империи», опубликованная в 2016 г.³ В течение долгого времени автор посещал места наполеоновских битв и реконструкций, места наполеоновской памяти. История «наполеоновской легенды» — это тема докторской диссертации Э. Керна. Книга состоит из трех частей. В первой рассматриваются основные моменты жизни Наполеона и легенды, создаваемой им самим; во второй части речь идет о создании легенды на протяжении двух столетий, как «золотой», так и «черной»; в третьей части анализируется образ Наполеона в социокультурном и медийном пространстве начала нынешнего столетия.

Поскольку для англичан Наполеон является «предпочитаемым врагом» (он враг достойнейший, и они смогли его победить),

³ Kern E. Napoléon. Deux cents ans de légende. Histoire de la mémoire du Premier Empire. P., 2016.

интерес представляет английский взгляд на Наполеона. В 2008 г. в Париже была опубликована книга Судхира Хазарисингха, английского историка индийского происхождения под названием «Легенда Наполеона»⁴. Для автора история Наполеона – глубоко личностная, корнями уходящая в его детство на острове Маврикий, который до 1814 г. был французским. В семье был настоящий культ Наполеона. Он, по словам историка, был не просто семейной «интеллектуальной вселенной», а ежедневно присутствовал в жизни семьи. В гостиной была эпинальская картинка⁵, представляющая Наполеона в Булонском лагере, награждающего солдат орденом Почетного легиона. Каждый член семьи носил имя одного из маршалов Наполеона. У автора книги было имя Нея, отец

⁴ Hazareesingh S. La légende de Napoléon. P., 2008.

⁵ «Эпинальскими картинками» (Image d'Epinal) назывались иллюстративные листки с познавательными сюжетами на самые разные темы, изготавливавшиеся в печатном ателье Ж.-Ш. Пеллерена (1756–1836) из городка Эпиналь (Лотарингия). Техника печати была такова: деревянная гравюра раскрашивалась в несколько цветов с помощью трафарета.

именовался Мюратом, а мать — самим Наполеоном⁶.

Доктор истории, известный теле- и радиоведущий Ксавье Модюи в 2015 г. опубликовал книгу с броским названием: «Наполеон. Человек, который хотел все. Блеск и пропаганда»⁷. По его словам, «момент Наполеона — это важнейшая глава национального романа»⁸.

Еще одна из книг, представляющая интерес — это работа Жоржа Пуасона «Авантюра возвращения останков», опубликованная в 2004 г.⁹ В центре внимания автора — история перезахоронения «праха», точнее, останков Наполеона, предпринятая королем Луи-Филиппом в 1840 г. Автор прослеживает эволюцию славы Наполеона как нового Прометея, узника Святой Елены, чемпиона идей 1789 года и национальных движений, будораживших Европу весь XIX век. Жак Демужен в 2005 г. опубликовал книгу «Наполеон, легенда»¹⁰; в 2013 г. вышла работа Сильвиана

⁶ Hazareesingh S. Op. cit. P. 17.

⁷ Mauduit X. L'Homme qui voulait tout. P., 2015.

⁸ Ibid. P. 283.

⁹ Poisson G. L'Aventure du Retour des cendres. Préface de Jean Tulard. P., 2004.

¹⁰ Demougin J. Napoléon, la légende. P., 2005.

Паже «Наполеоновский миф»¹¹. Как видим, книги издавались к юбилеям: либо провозглашения Первой империи, либо ее краха. Хотя в данном случае не так важно, когда публиковались работы: книгам о Наполеоне обеспечен если не успех, то читательский спрос. Если посмотреть на полки как французских книжных гигантов, таких, как «Жибер Жозеф», так и маленьких магазинчиков, то книги о Наполеоне уступают, может быть, только работам о Второй мировой войне и войне в Алжире. Помимо общих биографий Наполеона и его окружения, существует множество книг о каждом этапе его жизни, работы о военных кампаниях и битвах.

По словам Ксавье Модюи, каждая новая публикация о Наполеоне важна, по крайней мере, тем, что поддерживает эту необыкновенную книжную статистику и добавляет несколько миллиметров к километрам императорской библиографии¹². Надеюсь, что моя небольшая книга внесет свою скромную лепту в безграничную наполеоновскую историографию.

¹¹ *Pagé S. Le mythe napoléonien. De Las Cases à Victor Hugo. P., 2013.*

¹² *Mauduit X. Op. cit. P. 7.*

Вместо предисловия

Считаю своей приятной обязанностью поблагодарить за помощь и моральную поддержку моих российских коллег А. В. Чудинова и В. Н. Земцова; иностранных коллег Тьерри Ленца, Пьера Бранда, Алана Форреста, Ромэна Буклона за бесценные личные беседы, в ходе которых я в очередной раз убеждалась, насколько безгранична наполеоновская проблематика, а также моих французских друзей Жака Шарлона и Тьерри Коллежя, сопровождавших меня на юбилейных торжествах в Аяччо.

Работа над книгой осуществлялась при финансовой поддержке по гранту Правительства РФ в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

Глава 1

Реставрация (1814–1830): между «черной» и «золотой» легендами

После окончания Наполеоновских войн все французские режимы использовали память о Наполеоне для собственной идентификации. Точнее, они принимали то, что им импонировало в его наследии и отказывались от всего неподходящего.

Режим Реставрации (1814–1830) во главе сначала с королем Людовиком XVIII (1814–1824), а потом с Карлом X (1824–1830) наполеоновское наследие отрицал, он и возник как его антитеза, хотя культ начал формироваться именно тогда. Точнее, параллельно происходило формирование двух легенд, «черной»¹³ и «золотой». Если «золотая ле-

¹³ О «черной легенде» см., например: *Tulard J. L'Anti-Napoléon: la légende noire de l'Empereur / présentée par Jean Tulard. P., 1965.* Из наиболее критических работ о Наполеоне см: *Grubnerg G.*

генда», о которой речь впереди, формировалась тайно, подпольно, то «черная» развивалась вполне легально, ведь Бурбонам нужно было укрепить свою власть, противопоставив себя Наполеону. В период Ста дней, начиная с высадки Наполеона в бухте Жуан, во французской прессе и публицистике распространялись такие эпитеты, как «роковой чужеземец», «узурпатор», «молох»¹⁴.

У истоков «черной легенды», или «анти-мифа», стояли литераторы, властители дум, занимавшие два фланга либеральной мысли: с одной стороны, это Франсуа Рене де Шатобриан (его относят к «аристократическому либерализму»), с другой — Бенжамен Констан, принадлежавший к группе так называемых «независимых», то есть либералов более левого толка.

Весьма символично, что имя Шатобриана было связано с формированием как «черной», так и «золотой» легенд. Читатели «Замогильных записок», опубликованных в 1848 г., вероятно, были весьма удивлены

Napoléon Bonaparte. *Le noir génie*. P., 2015; *Jospin L. Le Mal napoleonien*. P., 2014; *Jourdan A. L'Empire de Napoléon, 1799–1815*. P., 2008; *Petiteau N. Les Français et l'Empire, 1799–1815*. Avignon, 2008.

¹⁴ Pagé S. *Op. cit.* P. 36.

эволюцией образа Наполеона у прославленного писателя. В «Замогильных записках» мы видим восхваление нового Александра; в работе «Бонапарт и Бурбоны» — жесткую критику «ошибок глупца» и «преступника».

Уже на следующий день после капитуляции Парижа, 31 марта 1814 г., парижане могли прочитать на афишах: «“Бонапарт, Бурбоны и необходимость присоединиться к нашим легитимным принцам для счастья Франции и Европы” Ф. Р. де Шатобриана, автора “Гения христианства”. Эта работа появится завтра или послезавтра...»¹⁵ Существует легенда, будто Людовик XVIII признавал, что эта брошюра была ему более полезна, чем стотысячная армия¹⁶.

В предисловии к своей работе Шатобриан подчеркивал, что благодаря Провидению Франция не погибла: «Нет, я вовсе не считаю, что пишу на могиле Франции. На смену дням мести придет день милосердия. Античное отечество христианнейших королей не может быть уничтожено: оно отнюдь не погибло, римское королевство восстанет из руин...»¹⁷

¹⁵ Chateaubriand F. R., de. Buonaparte et des Bourbons. P., 2004. P. 5.

¹⁶ Ibid. P. 6.

¹⁷ Ibid. P. 15.

По его словам, только Провидением можно объяснить тот факт, что не прошло и 15 месяцев, как Наполеон был в Москве, а теперь русские вступили в Париж. Он сравнивал империю Наполеона с морским потоком, который сначала захлестнул Европу, а потом резко отхлынул назад¹⁸.

Работа Бенжамена Констана «Дух завоевания и узурпации в их взаимосвязи с европейской цивилизацией»¹⁹, опубликованная в ноябре 1814 г., носит совсем иной характер. Имя Наполеона в этой книге, насчитывающей более двухсот страниц, не упоминается ни разу. Но сразу понятно, что книга, направленная против войны и деспотизма, которые несовместимы, по словам Констана, с современной цивилизацией²⁰, имеет антинаполеоновскую тональность. По его словам, если в прежние времена иногда войны были оправданными, то современные нации нуждаются в спокойствии и процветании, развитии промышленности, а война, по мнению Констана, этому не способствует. То есть

¹⁸ Ibid. P. 15–16.

¹⁹ *Constant B. De l'esprit de conquête et de l'usurpation dans leur rapports avec la civilisation européenne*. P., 1814.

²⁰ Ibid. P. 192.

война не выгодна в материальном аспекте: по словам Констана, даже победоносная война не покрывает все расходы, она убыточна, и, кроме того, ей больше не присущ благородный шарм²¹.

Однако современная Франция наводит Констана на печальные мысли: «Без сомнения, зрелище, которое представляет сегодня Франция, лишает нас всякой надежды. Мы здесь видим торжествующую узурпацию, опирающуюся на самые страшные воспоминания, являющуюся наследницей всевозможных преступных теорий, обосновывавших справедливость всего, что происходит, освящающих презрение к людям и пренебрежение разумом»²².

Только в конце текста мы видим прямые отсылки к Наполеону, но без упоминания его имени, просто «он». «Тот, который, двенадцать лет назад заявил, что его предназначение — завоевать мир, должен взять свои слова обратно. Его заявления, демарши и акты являются более весомыми аргументами против системы завоеваний, чем все те, которые я смог привести»²³.

²¹ Ibid. P. 8, 11.

²² Ibid. P. 199.

²³ Ibid. P. 205. Из современных авторов позиция Б. Констана наиболее активно разделяется

Действительно, на следующий день после отречения Наполеона Францию охватило чувство облегчения и свободы. Мир, достигнутый ценой поражения, означал и конец военной службы. Граф д'Артуа, раньше своего брата, короля Людовика XVIII, вернувшийся во Францию, повсюду заявлял: «Нет больше военного призыва!» Наполеону приписывали ужасные слова: «Я могу пустить 300 тыс. человек в расход». О военном наборе говорили как о «пушечном мясе» и утверждали, что Наполеон расходовал «цвет нации». Действительно, статья 12 Конституционной хартии, октроированной 4 июня 1814 г., упразднила

французским политологом Жераром Грюнбером. В работе «Наполеон Бонапарт. Черный гений» автор подчеркивает, что годы правления Наполеона – это эра несравнимого национального величия Франции, но достигнутого необоснованно высокой ценой. По его словам, абсолютный антилиберализм Наполеона стал тормозом на пути модернизации Франции, и эту цену страна продолжает платить по сей день. Несмотря на неоспоримые позитивные аспекты наполеоновского наследия, в целом его влияние на развитие Франции было негативным, – делает вывод исследователь. См.: *Grubnerg G. Op. cit. P. 226.*

набор, который Наполеон во время Ста дней не рискнул восстановить²⁴.

Во Франции появляются антинаполеоновские памфлеты, на которые правительство смотрело явно не без удовольствия. Одни авторы видели в Наполеоне «корсиканский ячмень», другие его разоблачали как Антихриста, сравнивая с Апокалипсисом св. Иоанна. Ж.-Ж. Лакретель, прозванный младшим, брат бывшего депутата группы фейянов эпохи Революции, обратил в недостатки все достоинства Наполеона, будто вывернул наизнанку его одежды: он отказывался видеть в императоре талантливого военного деятеля, ему, по его словам, не хватало блеска, его деятельность была бесцельной, он был лишен проницательности²⁵.

В книгах распространялись самые абсурдные домыслы: якобы Бонапарт вел Итальянскую кампанию с войском, состоявшим из каторжан, набранных из банд Тулона; якобы он предложил Людовику XVIII сделку: он обеспечит ему трон, если тот устроит ему брак с дочерью Людовика XVI. Автором одного из самых удивительных памфлетов был аббат Доминик Дюфур де Прадт, которого

²⁴ *Demougin J.* Op. cit. P. 6.

²⁵ Цит. по: *Ibid.* P. 8.

Наполеон сделал последовательно епископом Пуатье, архиепископом Малинским, посланником в Великом герцогстве Варшавском. Он писал: «Его гений одновременно годился и для мировых подмошток, и для сцены балагана; он носил королевскую мантию, накинутую на костюм арлекина... Изощренный софист, способный кардинально менять позицию, он был сделан совсем из другого теста, нежели обычные люди. Добавьте к этому головокружение от успехов, привычку пить из кубка победы, приходить в состояние опьянения от ладана вселенной, и вы поймете его сущность...»²⁶

По мнению Ж. Демужена, «наполеоновская легенда» приняла очертания и получила распространение благодаря двум категориям французов, имевшим на императорскую эпопею весьма разные точки зрения: это ветераны Великой армии и незанятая молодежь, которая, согласно формуле Альфреда де Виньи, «всегда имела перед глазами обнаженную шпагу и ждала момента, когда Франция вновь вложит ее в ножны Бурбонов»²⁷.

²⁶ Цит. по: *Ibidem*.

²⁷ *Vigny A., de. Servitude et grandeur militaire. P., 1835. P. 9.*

Именно солдаты и офицеры Великой армии стали главными творцами «золотой легенды». В конце Наполеоновских войн насчитывалось примерно 1,1 млн солдат, вернувшихся во Францию²⁸. Приверженцами Наполеона были, прежде всего, сельские жители, ремесленники, рабочие, а также мелкие буржуа. С установлением режима Реставрации демобилизованные солдаты оказались в положении маргиналов; жертвы экономической стагнации, они были без работы и всяких жизненных перспектив, а их нынешняя безрадостная жизнь так контрастировала с той жизнью и тем миром, которые они узнали благодаря Наполеону²⁹. Во время «белого

²⁸ О положении ветеранов Великой армии после 1814 г. см.: *Petiteau N. Lendemain d'Empire. Les Soldats de Napoléon dans la France du XIX e siècle.* P., 2003.

²⁹ Точнее, «золотая легенда» начала формироваться уже самим Наполеоном, не случайно его называют первым менеджером в истории. При его жизни ее создавали, как писал Жан Тюлар, газеты во время Итальянского похода. Легенда расцвела вместе с официальным культом императора, навязанным имперским катехизисом, с праздниками Святого Наполеона и бесчисленными Днями благодарения. Но оконча-

террора» летом и осенью 1815 г. наполеоновские ветераны преследовались, были даже случаи убийств. По мере того, как роялистский режим укреплял свою власть, его враждебность по отношению к ветеранам только усиливалась. Причина была проста: как сообщал один местный чиновник в 1821 г., самая активная поддержка наполеоновскому делу провозглашалась жителями деревень и бывшими солдатами³⁰.

В маленьких провинциальных городках и деревнях легенда создавалась благодаря бесконечным рассказам солдат, следовавших за Наполеоном по дорогам и полям сражений Европы. Некоторые из них были связаны с Наполеоном на протяжении четверти века его кампаний. Воспоминания о 1793–1794 гг. перемешивались с воспоминаниями об Аустерлице, Йене, превращая скучную и тягостную солдатскую жизнь в невероятную авантюру. Крестьяне, никогда не покидавшие пределов своих деревень, увидели Европу от Лиссабона до Фридлянда и Москвы, воодушевленные энергией одного-единственного

тельно она сложилась лишь после 1815 г. См.: *Тюлар Ж.* Наполеон, или миф о «спасителе». М., 2012. С. 344.

³⁰ *Hazareesingh S.* Op. cit. P. 289–290.

человека, требовавшего от них невозможного, и откликавшиеся на его призыв с открытым сердцем. Когда они вспоминали о своих невероятных страданиях и победах, благодаря которым они побывали во всех европейских столицах, они видели в этой эпопее и в их повелителе нечто сверхъестественное. От этих рассказов у очарованной аудитории просто захватывало дух, о чем прекрасно написал Бальзак в своем «Сельском враче».

Эти ветераны, или «старые ворчуны», как их не без симпатии называли, стали весьма уважаемыми людьми в своих местностях. Учителя, ремесленники, владельцы харчевен или мелкие земельные собственники, постепенно, с большим или меньшим успехом, они смогли интегрироваться в мирное общество³¹.

Если выделять этапы развития «наполеоновской легенды», то в годы Реставрации она формировалась в виде «народного бонапартизма». По словам французского историка Б. Менаже, автора книги «Наполеон народов», «народный бонапартизм» появился на следующий день после Ватерлоо. Забыв войны империи и усталость от них, французы

³¹ *Poisson G. Op. cit. P. 59.*

в большинстве своем не симпатизировали королю, прибывшему в «иностранный фургон» с целью реставрации, по их мнению, Старого порядка. Наполеон казался тогда спасителем и наследником Французской революции. «Народный бонапартизм» при Реставрации был идейно близок к левому политическому флангу. Как полагает Менаже, бонапартизм — иррационален; отказ допустить смерть Наполеона — это тоже пример иррациональности³². По словам французской исследовательницы Анни Журдан, многие солдаты не желали верить в его смерть, полагая, что он скрывался в Испании, Соединенных Штатах или Италии. Префект Верхней Марны доносил, что жители деревень и маленьких городков говорили, что они не поверили бы в смерть Наполеона, если бы газеты об этом не сообщили, а когда новость об этом появилась, они утверждали, что ее сфабриковали враги Бонапарта и что, если это все-таки правда, то его убили англичане или французское правительство³³. У Бальзака старый солдат был уверен, что

³² *Ménager B. Les Napoléon du peuple. P., 1988. P. 355.*

³³ *Jourdan A. Mythes et légendes de Napoleon. P., 2004. P. 55.*

Наполеон не умер на Святой Елене: «...он живет этим воспоминанием и надеждой на возвращение Наполеона, никто не убедит его в том, что император умер; он уверен, что Наполеон томится в плену по милости англичан»³⁴.

Само известие о смерти Наполеона в целом не произвело большого эффекта во французском обществе³⁵. В Париж новость пришла 7 июля 1821 г. и была анонсирована в проправительственной газете «Le Journal des Débats». Тон задал Шарль-Морис Талейран, заявивший, что это больше не событие, а просто новость. Парижская газета «La Foudre» («Молния»), специализирующаяся на литературе, спектаклях и искусстве, 20 июля сообщала: «Его естественная смерть была такой же обычной новостью, как и любая другая. Об этом поговорили дня два-три, как о дожде или хорошей погоде. Сегодня об этом уже не думают»³⁶.

³⁴ Бальзак О., де. Сельский врач // Собрание сочинений в десяти томах. М., 1995. Т. 8. С. 489.

³⁵ О реакции на смерть Наполеона см. недавнюю работу Тьерри Ленца: *Lentz T. Bonaparte n'est plus! Le monde apprend la mort de Napoléon. Juillet-septembre 1821.* P., 2019.

³⁶ La Foudre. 1821. 20 juillet.

По словам мадам Адель де Буань, хозяйки влиятельного литературно-политического салона в годы Реставрации и Июльской монархии, известие о смерти Наполеона на острове Святой Елены не произвело сенсации и потрясения во французском обществе. Она писала: «5 мая 1821 г. Наполеон Бонапарт испустил свой последний вздох в скалах посреди Атлантики. Судьба приготовила ему самую поэтическую из могил. Размещенная в удаленности от Старого и Нового Света, принадлежащая только имени Бонапарта, Святая Елена стала гигантским мавзолеем этой колоссальной славы; но эра его посмертной популярности еще не началась во Франции. Я слышала, как разносчики газет кричали на улицах: “Смерть Наполеона Бонапарта за два су! Его слова генералу Бертрону за два су! Разочарования мадам де Бертран за два су!”, и это производило на улицах эффект не больший, чем сообщение о потерявшейся собаке»³⁷.

Англичане, находившиеся в Париже, были удивлены, что сообщение о смерти Наполеона было воспринято столь холодно: «Новость о смерти императора Мадагаскара была бы

³⁷ *Boigne E.-A. Mémoires de la comtesse de Boigne. T. 1–2. P., 2005. T. 2. P. 67–68.*

встречена с тем же безразличием». При дворе Людовика XVIII только генерал Рапп, адъютант императора Наполеона, выразил некоторое волнение. Императрица Мария-Луиза, жившая в Парме, узнала о смерти своего мужа из «Пьемонтского журнала». Она объявила о трехмесячном трауре в своем principate и заказала мессу в память о Наполеоне. «Хотя у меня никогда не было подлинного чувства по отношению к нему, — писала она одной из своих подруг, — я не могу забыть, что он отец моего сына, и что, далекий от того, чтобы плохо со мной обращаться, как об этом думали, он всегда меня уважал, а это единственное, на что можно рассчитывать в политическом браке»³⁸. Сыну Наполеона, Римскому королю, герцогу Рейхштадтскому, проживавшему в Вене, вдали от своей матери, о смерти Наполеона сообщил его гувернер капитан Форести, и мальчик оплакивал отца в одиночестве. Парадоксально, но у англичан, заклятых врагов Наполеона, эмоции были более живыми. Французский поверенный в делах в Лондоне, граф Луи Шарль Виктор де Караман, доносил министру иностранных дел Этьенну Дени Паскье, что лондонцы, увидев афиши, извещавшие о смерти

³⁸ *Demougin J. Op. cit. P. 12.*

Наполеона, решили носить траур, отдавая дань таланту и смелости их врага³⁹.

В Париже лишь маленькая бонапартистская газета ограничилась осторожной ремаркой: «Не всегда жизнь великих людей заканчивается их естественной смертью. Судьба Наполеона была предопределена задолго до 5 мая 1821 г., на равнинах Ватерлоо. В любом случае, его посмертная слава еще не настала, и мы даже сомневаемся, что сейчас это время пришло»⁴⁰. Самые наблюдательные парижане, такие, как Шарль де Ремюза, сын одного из приближенных Наполеона, тоже пребывали в некоторой растерянности: «Кроме моей бедной матери, проплакавшей весь день... это событие почти не произвело впечатления на мое окружение... ни мои друзья, ни я сам не думали, что произошло важное событие, и, может быть, нам казалось, что завершение этой эпопеи наконец избавит нас от ее героя. Из этого ничего не вышло. Эта смерть в скалах острова, затерянного в океане, была поэтической»⁴¹. Но эта поэтика тоже будет служить его легенде. Спустя почти двадцать лет Александр

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Ibidem.

Дюма напишет о Наполеоне на Святой Елене: «Наполеон ступил на скалу, которую ему предстояло превратить в пьедестал»⁴².

«Золотая легенда» получила мощный импульс после публикации в 1823 г. «Мемориала Святой Елены»⁴³. Как отмечает Жорж Пуасон, «Мемориал Святой Елены» — это ключевой момент в истории «наполеоновской легенды». Напомним, что «Мемориал Святой Елены» — это журнал, в котором записывалось, день за днем, все, что говорил Наполеон на протяжении 18 месяцев, с 20 июня 1815 по 25 ноября 1816 г. Записи вел Эммануэль Огюстен де Лас Каз. Работа имела большой успех у издателей на протяжении всего XIX в. и была в сердце «наполеоновской легенды». Лас Каз был идеальным секретарем, очень точным и внимательным⁴⁴.

⁴² Дюма А. Наполеон. СПб., 2012. С. 159. Книга вышла в начале 1840 г., а 15 декабря того же года в Париж со Святой Елены были доставлены останки Наполеона.

⁴³ Об истоках «наполеоновской легенды» на Святой Елене см.: *Gonnard Ph. Les origines de la légende napoléonienne. L'oeuvre historique de Napoléon à Sainte-Hélène. P., 1976.*

⁴⁴ *Poisson G. Op. cit. P. 55–56.*

При Реставрации «золотая легенда» формируется тайно, ведь за приверженность идеям Наполеона можно было угодить в тюрьму. Ветераны регулярно собирались для празднования важных дат Империи (2 декабря — день провозглашения Империи; 15 августа — день рождения Наполеона; 5 мая — день его смерти)⁴⁵. В Париже излюбленным местом встреч офицеров, отправленных в отставку после второй Реставрации, было кафе «Ламблен» в Пале-Ройаль. Широкая красная лента в бутоньерке, длинный истертый редингот, трость, сапоги, высокая шляпа с широкими полями, армейские усы — таков типаж офицеров, именуемых «военной богемой». Забывшие о ранах и голоде, об усталости от непрерывной войны, они предавались воспоминаниям, очаровывая своих собеседников⁴⁶. Этим бывшим военным была присуща ненависть к аристократам и клерикалам, ассоциировавшимся с роялистами, и «коммеморативная жестокость», а именно сохранение памяти о наиболее воинственных аспектах наполеоновской эры. Для них «наполеоновская легенда»

⁴⁵ Ibid. P. 59.

⁴⁶ Demougin J. Op. cit. P. 15–16.

была почти исключительно связана с военной славой⁴⁷.

Эти офицеры были политически неблагонадежны, являлись активными участниками многочисленных заговоров, как, например, заговора «Базар франсе», устроенного в августе 1819 г. лейтенант-полковником Мазео, поэтому находились под наблюдением полиции. По словам Ж. Демужена, именно эти ветераны стали подлинными «священниками» императорского культа и пророками возвращения Орла или Орленка, как называли сына Наполеона⁴⁸.

Императорский культ проявлялся и в повседневной жизни. Он начинался буквально с колыбели. Значительное число родителей по всей Франции, прежде всего бывшие солдаты Великой армии, крестили своих детей Наполеонами или по крайней мере пытались это сделать, ведь дело было рискованным, особенно в первые годы Реставрации. В 1816 г. два ремесленника из Бове были арестованы за то, что хотели назвать своих сыновей именами Поль-Жозеф-Бонапарт и Луи-Анри-Наполеон. В Нанте в 1819 г. некий печатник Манжен оказался в неприятной

⁴⁷ Hazareesingh S. Op. cit. P. 291.

⁴⁸ Demougin J. Op. cit. P. 16.

ситуации, желая назвать своего новорожденного сына Виктором-Эме-Эженом-Наполеоном. Один медик крестил свою дочь Марией-Луизой-Наполеонидой, а один крестьянин заявил в таверне, что назвал своего сына Наполеоном, поскольку император царствовал и еще будет царствовать. Ему было невдомек, что тот умер три года назад⁴⁹.

Имя Наполеона было повсюду. Среди детей была популярна игра-маскарад, когда «солдаты» в римских одеждах короновали маленького мальчика королем — это была аллегория с сыном Наполеона, Римским королем. Для детей изготавливали статуэтки Наполеона, в том числе сладкие. В 1817 г. один кондитер был арестован за то, что продавал такие сладости. Другой кондитер, из Руана, в честь нового, 1825-го года, изготовил маленькие шоколадные и леденцовые фигурки Наполеона. Но множество сладостей поменьше и подешевле продавались целый год⁵⁰.

Для взрослых аксессуары были самыми разнообразными. Дома буржуа наполнялись чашками и супницами, хрустальными вазами с изображением Наполеона.

⁴⁹ *Hazareesingh S. Op. cit. P. 111.*

⁵⁰ *Ibid. P. 112–113.*

Самые убежденные фетишисты могли обедать в кафе, где посуда была украшена наполеоновской символикой. Символы присутствовали и в одежде: изображения Наполеона на платках, брюках, шелковых галстуках; буква «N», иногда и с орлом, изображалась на шарфах, и так, чтобы ее было видно. Когда о смерти императора стало известно во Франции, некоторые из молодых лионцев надели траур — очень дорогие черные шелковые жилеты. Такие жилеты продавались в бутиках вплоть до лета 1823 г.

Буржуазный культ был связан с прославлением маскулинности, мужских удовольствий и добродетелей. Для кожи использовались духи «Вода герцога Рейхштадтского», для волос — гель «Либеральное масло». Эти два продукта были в каждом французском департаменте в первые десять лет Реставрации⁵¹.

Некоторые цветы символизировали связь с Наполеоном — фиалки и ромашки, вставлявшиеся в бутоньерки. В Париже все подпольные влиятельные бонапартисты носили фиалки или красную гвоздику на своих головных уборах. Летом 1815 г. происходили даже многочисленные столкновения

⁵¹ Ibid. P. 110–114.

в различных кварталах Парижа между носителями гвоздик и их противниками-роялистами. Порой этих «цветочных бонапартистов» арестовывали⁵².

Бонапартистские вещицы, используемые простым народом, были менее изящными. В ходу были черные броши и кольца с изображением Наполеона. Префект Жиронды отмечал, что такие кольца носили только представители народа. Изготавливалось большое количество пуговиц, предназначенных для ношения в рубашках и жилетах. В Лионе был обычай дарить такие вещи как подарок по случаю дня рождения Наполеона. Была выпущена серия ножей с императорской символикой. Наибольшей популярностью пользовались «именные» табак и алкоголь. Например, продавался ликер «Ватерлоо»; в Лионе можно было приобрести ликер «Эликсир Святой Елены», запрещенный местной полицией в 1820 г. После смерти Наполеона некоторые марки стали называть именем его сына. В конце 1820-х во многих регионах Франции продавался «Эликсир герцога Рейхштадтского». Полиция изымала такие бутылки⁵³. При этом существовала боль-

⁵² Ibid. P. 114–115.

⁵³ Ibid. P. 116–118.

шая разница между буржуазной эстетикой, чувственной и гедонистской, и народной, которая могла перейти в физическую жестокость, что порой случалось в питейных заведениях, особенно после употребления изрядной дозы вышеупомянутых напитков.

Если буржуа носили по случаю траура жилеты, то народ — табакерки с изображением Наполеона. Порой эти табакерки имели тему тайны или были с секретом. Портрет изображали внутри, или табакерка имела двойное дно. Это символизировало еще и такую идею: император был в основе всего. Такие вещицы, особенно в первые годы Реставрации, были еще и знаком протеста против Бурбонов. Поскольку, как уже отмечалось, почитатели Наполеона часто вовлекались в различные антиправительственные акции, это было одной из причин, по которой власть враждебно относилась к предметам наполеоновского культа, используемым народом⁵⁴.

⁵⁴ Ibid. P. 119–121.

Глава 2
**«Наполеоновская легенда»
как часть официальной идеологии
Июльской монархии (1830–1848)**

Луи-Филипп и начало формирования
официального культа

Король Луи-Филипп Орлеанский, занявший престол в результате Июльской революции 1830 г., оказался в весьма непростой ситуации относительно наполеоновского наследия. С одной стороны, его самым горячим желанием было стать равным европейским государям, заставить их забыть о революционном происхождении его власти. С другой — для укрепления режима ему нужна была массовая поддержка внутри страны, охваченной реваншистским пылом. Июльская революция разбередила незаживающую рану, нанесенную национальной гордости французов решениями Венского конгресса 1814–1815 гг. Как отмечал французский исследователь Ф. Дарриула, «Революция 1789 г., прерванная Ватерлоу, возобновила

свой ход, и никто не сомневался, что этот поток готов все смести на своем пути»⁵⁵. Между тем, широкомасштабные внешнеполитические акции были для Луи-Филиппа неприемлемы: с момента вступления на престол он заявил о своем намерении действовать в рамках «европейского концерта», что предполагало проведение компромиссного и миролюбивого курса.

Июльская революция не только оживила идею реванша, но и продемонстрировала укорененность наполеоновского мифа в массовом сознании французов. Более того, после «Трех славных дней» многие сожалели, что на престол взошел не «сын великого Наполеона», а Луи-Филипп⁵⁶. Знаменитый немецкий писатель и поэт Генрих Гейне, в 1830–1840-е гг. проживавший в Париже, писал: «За пределами Франции не имеют никакого представления о том, как еще сильно привязан к Наполеону французский народ. <...> Наполеон — это для французов магическое слово, которое электризует и оглушает их»⁵⁷.

⁵⁵ *Darriulat Ph.* Les patriotes. La gauche républicaine et la nation. 1830–1870. P., 2001. P. 55.

⁵⁶ *Hazareesingh S.* Op. cit. P. 132.

⁵⁷ *Гейне Г.* Французские дела // Собр. соч. в 6 тт. М., 1982–1983. Т. 4. С. 37.

В результате Луи-Филипп решил использовать народную страсть для укрепления собственного режима. Прекрасно чувствующий, по крайней мере в эти годы, ситуацию, он понимал, что, легитимируя Наполеона, он тем самым мог легитимировать свою власть, основанную на баррикадах.

При Луи-Филиппе начинается новый этап развития «наполеоновской легенды»: из тайного культа она становится частью государственной идеологии. Именно в это время «народный бонапартизм» уступает место наполеоновскому культу и официальной императорской легенде.

* * *

Политик весьма прагматичный и искавший популярности у народа, особенно в первой половине своего царствования, Луи-Филипп прекрасно понимал, что его отношение к Наполеону могло сказаться и на отношении французов к нему самому. Помимо того, официальный культ Наполеона позволял Луи-Филиппу дистанцироваться от режима Реставрации, который этот культ подавлял. Можно было воспользоваться «наполеоновской легендой» и для затушевывания насущных проблем, стоявших перед Францией. Все годы царствования Луи-Филиппа таким

нерешенным вопросом была реформа избирательной системы.

После 1830 г., особенно после смерти в 1832 г. Орленка, сына Наполеона, герцога Рейхштадтского, народный бонапартизм всё в большей степени дополнялся официальным наполеоновским культом⁵⁸. Можно сказать, что, по крайней мере внешне, «наполеоновская легенда» стала едва ли не частью официальной идеологии Июльской монархии. Другое дело, что возрождал эту легенду Луи-Филипп с вполне прагматической целью укрепления собственной власти. Сам по себе он не питал теплых чувств ни к Наполеону, ни к Империи. Наполеоновскую эпоху он пережил в эмиграции и к деяниям Наполеона не испытывал ни малейшего пиетета.

Тем не менее, все прежние препоны для рассказов о делах императора были устранены. Начиная с 1832–1833 гг. одна за другой появлялись книги воспоминаний о годах Империи. Кроме того, над развитием легенды трудились писатели-романтики, зачастую находившиеся в оппозиции к новому режиму. С 1815 по 1850 гг. персона Наполеона занимала представителей всех направлений

⁵⁸ *Ménager B. Op. cit. P. 356.*

романтической литературы, о чем речь пойдет впереди⁵⁹.

Кульٹ Наполеона формировали и художники: Орас Верне, Дени Раффе, Николя Шарле и другие. Огромной популярностью пользовались гравюры на дереве, изготавливавшиеся в мастерской семьи Пелерен из Эпиналя⁶⁰. Активная роль ветеранов Великой армии в пропаганде легенды обеспечила им привилегированное положение и в изобразительном искусстве⁶¹. Картины и гравюры служили наглядной иллюстрацией наполеоновской саги и, более того, обеспечивали иконографию псевдорелигиозного культа Наполеона. Характерна знаменитая литография Беланже, на которой изображен крестьянин, с обожанием рассматривающий портрет императора над своим камином и сообщаящий своему кюре, что император был для него «всевышним отцом». Интеллектуалы,

⁵⁹ В 2002 г. фрагменты из книги Дюма наряду с выдержками из сочинений В. Гюго, О. Бальзака и Стендаля вошли в антологию под названием «Наполеоновская легенда»: *La légende de Napoléon vue par Hugo, Dumas, Balzac, Stendal / Choix de textes par Gérard Gengembre*. P., 2002.

⁶⁰ *Hazareesingh S.* Op. cit. P. 78.

⁶¹ *Ibid.* P. 291.

в частности, польский поэт Адам Мицкевич, поддерживали подобный мессианизм⁶².

Не менее популярен был образ Наполеона в театральном искусстве и музыке. В Париже времен Луи-Филиппа шло около девяноста пьес, посвященных Наполеону. В 1830–1840-е гг. композитор Гектор Берлиоз прославил имя Наполеона в своих многочисленных произведениях, в том числе в «Возвращении Итальянской армии», завершающемся кантатой «5 мая, или смерть Наполеона».

С начала 1830-х гг. начинают множиться наполеоновские «места памяти». На протяжении всего «полета Орла» места, связанные с именем императора, стали объектом паломничества его многочисленных приверженцев. Так, владелец таверны «Jacomín de Golfe-Juan», где в марте 1815 г. останавливался император, повесил табличку с надписью: «В моей таверне отдыхал Наполеон. Приходите и вы сюда выпить за него». В 1838 г. этому совету последовал Ф. Р. Шатобриан, а в дальнейшем и Виктор Гюго. В Гренобле ворота, через которые Наполеон вступил в город в марте 1815 г., превратились едва ли не в главную достопримечательность города⁶³.

⁶² Ibid. P. 249.

⁶³ Ibid. P. 250.

Простые люди тоже участвовали в этих коммеморациях, размещая памятные таблички на фасадах своих домов. Старый солдат наполеоновской армии Луи Пети, раненый в 1815 г. в сражении при Линьи, пошел еще дальше: у себя в деревне Сен-Рикье (Сона) построил дом в форме двуголки Наполеона⁶⁴.

В дальнейшем народный культ Наполеона приобретал все новые формы. Повсюду появились изображения императора. К бюстам и статуэткам, рисункам, тарелкам, табакеркам и прочим безделушкам добавились наручные и настенные часы, лампы, бутылки сидра, стаканы, бумага для писем и конверты, календари, целые наборы посуды и многое другое⁶⁵.

В 1831 г. Луи-Филипп подписал ордонанс о восстановлении статуи Наполеона на Вандомской колонне. Когда бывший король Жером, находившийся в Риме, сообщил эту новость матери, уже слепой и немощной, та будто бы заплакала и прошептала: «Император вернулся во Францию»⁶⁶. Предыдущую статую Наполеона работы скульптора

⁶⁴ Ibidem.

⁶⁵ Ibid. P. 249.

⁶⁶ *Poisson G. Op. cit. P. 20.*

А.-Д. Шодэ сняли с колонны после вступления коалиционных войск в Париж в 1814 г., заменив ее королевской лилией. Автором нового монумента стал скульптор Шарль-Эмир Сёрр⁶⁷. На инаугурации, состоявшейся 28 июля 1833 г., присутствовал король.

В 1834 г. произошло еще одно важное событие, вроде бы напрямую не связанное с наполеоновским культом. Согласно ордонансу Луи-Филиппа, Алжир, это «тягостное наследие Реставрации», был объявлен французской колонией. Король прекрасно понимал, что миролюбивый внешнеполитический курс был не по нраву большинству французов; как отмечал Виктор Гюго, осторожная внешняя политика Луи-Филиппа была «навязана» французскому народу, у которого в гражданских традициях было 14 июля, а в военных традициях — Аустерлиц. Осознавая это, король попытался направить неумную энергию французов в русло

⁶⁷ В 1863 г. статуя была заменена на копию оригинальной статуи Наполеона в виде римского императора. Статуя Сёрра была установлена на окраине Курбева. Ее затопили в Сене в 1871 г., чтобы она не попала в руки пруссаков. Потом ее подняли со дна и в марте 1911 г. установили в Доме Инвалидов. — *Mauduit X. Op. cit. P. 259.*

колониальной экспансии. На командные посты были возвращены многие военачальники Империи: Султ, Мортье, Себастьяни, Жерар, Клозель, Савари, Вале, Бюжо, с пиететом относившиеся к культу и славе Наполеона и готовые поддерживать завоевательную политику.

С каждым годом культ Наполеона только усиливался. Литографии Верне и Шарле приобрели необычайную популярность. Гренвиль иллюстрировал полные издания песен Беранже, прославляющие Наполеона. А. де Мюссе создал настоящую апологию Империи в первых главах «Исповеди сына века». В 1836 г. было закончено строительство Триумфальной арки, начатое еще Наполеоном в 1806 г. Арку украсили барельефы с изображением всех побед Наполеона.

* * *

Луи-Филипп вовсе не хотел, чтобы его именовали «королем баррикад», учитывая обстоятельства его прихода к власти. Напротив, его политика была направлена на примирение старой и новой, постреволюционной Франции. Король пытался доказать, что он является не узурпатором трона, «похитившим» корону у малолетнего герцога Бордоского, а достойным преемником великих

французских королей прошлых эпох. Кроме того, Луи-Филипп, сам не желавший воевать и даже получивший прозвище «Наполеон мира», старался польстить национальному тщеславию прославлением французских военных подвигов прошлых столетий, в том числе и побед Наполеона. В 1833 г. Луи-Филипп решил превратить в музей Франции Версаль. Случилось это после того, как Палата депутатов отказалась выделить ему 18 млн для соединения дворца Тюильри с Лувром. Король надеялся, что реконструкция Версаля обойдется дешевле, но ошибся: на этот проект он потратил 23,5 млн франков⁶⁸.

Для начала Луи-Филипп распорядился перенести из Дома Инвалидов в Версаль изображения маршалов Франции и устроить там портретную галерею, а затем продолжил переустройство Версальского дворца, превратив его в исторический и военный музей. Здесь была устроена живописная Галерея Сражений, для нее французские художники написали 33 изображения самых прославленных битв, в которых участвовали французские войска, — от битвы франков с алеманнами при Толбиаке в 496 г. до

⁶⁸ *Martin-Fugier A. Louis-Philippe et sa famille. 1830–1848. P., 2013. P. 106.*

битвы французов с австрийцами при Ваграме в 1809 г. Эта галерея была призвана создать и укрепить представление о национальной общности французов. Изображенных на этих полотнах вождей и главнокомандующих, от средневековых королей до Людовика XIV и революционных генералов, объединяла одна идея: все они приумножали величие Франции⁶⁹. Таким образом, конституционная королевская власть Луи Филиппа символически выражала свое отношение к месту, бывшему средоточием королевской власти при Старом порядке.

Официальное открытие Версальского музея состоялось 10 июня 1837 г. и было приурочено к женитьбе наследного принца, герцога Фердинанда Орлеанского на немецкой принцессе Елене Мекленбург-Шверинской. Луи-Филипп видел в этом глубокий политический смысл.

* * *

Июльская революция оживила не только «наполеоновскую легенду» и память о Бонапарте, но и активизировала деятельность самих бонапартистов. Еще в годы Реставрации, после Ста дней, 1 января 1816 г. был принят

⁶⁹ Ibidem.

закон об изгнании всех членов семейства Бонапарт из Франции. Падение режима Реставрации в 1830 г. возродило у бонапартистов надежды на изменение политической ситуации, однако они не оправдались: 2 сентября Луи-Филипп подтвердил прежний запрет для Бонапартов появляться на французской территории. Поэтому бонапартисты, принимавшие активное участие в Июльской революции, чувствовали себя обойденными при дележе пирога власти, узурпированной, как они считали, Луи-Филиппом и его сторонниками либералами-орлеанистами. После смерти в 1832 г. сына Наполеона I герцога Рейхштадтского⁷⁰ свои надежды на захват власти бонапартисты связывали исключительно с Луи-Наполеоном, племянником императора Наполеона. Поскольку в реалиях середины 1830-х гг. бонапартисты не могли

⁷⁰ Г. Гейне писал о реакции крестьян на смерть сына Наполеона: «Нельзя себе представить, какое впечатление произвела среди низших слоев французского народа смерть молодого Наполеона. [...] Куда бы я ни приезжал, я всюду встречал удивительную скорбь. Люди испытывали чистую печаль, которая коренилась не в корыстолюбии нынешнего дня, а в самых дорогих воспоминаниях славного прошлого». См.: *Гейне Г. Указ. соч.* С. 179–180.

рассчитывать на законный, парламентский приход к власти, они, по примеру итальянских карбонариев, взяли курс на подготовку восстания⁷¹. Попытка захвата власти, организованная в Страсбурге 30 октября 1836 г. провалилась. Как отмечал отечественный историк П. П. Черкасов, «Луи-Филипп, наделенный не только осмотрительным умом, но и добросердечием, не отдал под суд племянника национального героя Франции, а ограничился высылкой его в Северную Америку»⁷². Сообщников принца Бонапарта по письменной просьбе Луи-Наполеона амнистировали и выпустили на свободу.

Вот что писала об этом современница событий, известная писательница и публицист Дельфина Жирарден: «Самые ревностные бонапартисты приняли известие об экспедиции принца Луи с возмущением. “Наш законный император, — гордо восклицали они, — это Жозеф (старший брат Наполеона Жозеф Бонапарт после падения Империи жил то в Америке, то в Англии, и не имел никаких претензий на престол. — Н. Т.)”. Слово законный применительно к любому из Бонапартов

⁷¹ Черкасов П.П. Александр II и Наполеон III. М., 2015. С. 22–23.

⁷² Там же. С. 23.

звучит прелестно! Эти люди, вероятно, не знают, что Наполеон не был королем! Он был героем...»⁷³

Перезахоронение останков Наполеона, или «Монументальная галиматья»

Сразу же после Июльской революции в политических собраниях и прессе стали активно обсуждать идею перезахоронения останков Наполеона. В 1821 г., сразу после его смерти, английское правительство заявило, что рассматривает себя хранителем его «праха» (этот термин использовался самим Наполеоном: «Я хочу, чтобы мой прах покоился на берегах Сены...»). 7 октября 1830 г. вопрос о возвращении останков императора подняли в Палате депутатов: их предложили захоронить под Вандомской колонной. Однако, как гласил протокол заседания, «после короткого обсуждения этого вопроса, палата перешла к текущей повестке дня». В сентябре 1831 г. вопрос был снова поднят в парламенте. Против перезахоронения выступил герой трех революций маркиз М.-Ж. Лафайет, заявивший: «Наполеон подавил анархию.

⁷³ Жирарден Д. де. Парижские письма виконта де Лоне. М., 2009. С. 56.

Нельзя, чтобы его прах вновь ее возродил». Но ему возразил генерал М. Ламарк, более известный своими политическими акциями, нежели участием в военных кампаниях: «Смерть не смогла заморозить останки Наполеона». В 1834 г. Берлиоз написал песню на смерть Наполеона. Таким образом, идея получила широкое распространение: оставалось кому-то отправиться на Святую Елену и привезти «славное тело», чтобы исполнить последнюю волю императора и похоронить его во Франции⁷⁴. С 1830 по 1839 гг. в Палату депутатов было подано более 30 петиций в пользу возвращения останков, однако Луи-Филипп считал эту акцию преждевременной. Несмотря на то что ему импонировало называться «Наполеоном мира», в первые годы своего правления он не хотел заходить так далеко.

Однако за десять лет король укрепил свой трон и 1 мая 1840 г., в день национального праздника Июльской монархии — Дня святого Филиппа, принимая в Тюильри своих министров, обратился к главе правительства: «Г-н Тьер, я желаю вам сделать праздничный подарок. Вы хотели привезти во Францию останки Наполеона. Я согласен.

⁷⁴ *Poisson G. Op. cit. P. 21–22.*

Переговорите по этому поводу с британским правительством...»⁷⁵

Для главы правительства Адольфа Тьера, восторженного поклонника Наполеона, возвращение останков императора во Францию являлось одновременно и политической, и литературной акцией. Как историк, этим шагом он реабилитировал революцию, поскольку считал, что ее наивысшим воплощением стало именно правление Наполеона. Как политик он рассчитывал, что сможет обернуть в свою пользу национальное честолюбие, повысив тем самым свой собственный политический рейтинг. Вот что о Тьере писал Шатобриан: «Господин Тьер может возомнить себя Бонапартом, может думать, что его перочинный ножик не что иное, как продолжение наполеоновской шпаги, может убедить себя, что он великий генерал, может мечтать о завоевании Европы по той причине, что заделался ее летописцем и весьма неосмотрительно возвратил на родину прах Наполеона»⁷⁶. Действительно, вторая попытка Луи-Наполеона захватить власть показала, что Тьер играл с огнем.

⁷⁵ Ibid. P. 32.

⁷⁶ Шатобриан Ф.Р. де. Замогильные записки. М., 1995. С. 558.

Тьер пошел на этот шаг скорее из убеждения, нежели из расчета. Для него Наполеон был героем века, он окончил Революцию, заложил прочный фундамент нового порядка. Его политика ассоциировалась с выражением народных чаяний. Образ Наполеона со временем приобрел новые черты; забыли, как дорого его правление обошлось Франции; не хотели вспоминать, что большинство французов свободно вздохнули, узнав о его отречении. Шатобриан писал: «Триумф нашего сюзерена стоил нам каких-нибудь две или три сотни тысяч человек в год; мы заплатили за него тремя миллионами наших солдат, не больше; сограждане наши отдали ему всего-навсего пятнадцать лет, прожитых в страданиях и неволе, — кому есть дело до подобных пустяков? Ведь поколения, пришедшие после, осеняет блеск славы! А те, кто погиб — что ж! Тем хуже для них! Бедствия, пережитые при республике, послужили спасению Франции, несчастья, перенесенные нами при Империи, принесли пользу несравненно большую — благодаря им Бонапарт стал богом, и этого довольно»⁷⁷. Даже в Марселе, городе, серьезно пострадавшем от войны и континентальной блокады, поэт, близкий

⁷⁷ Там же. С. 323.

к народу, Виктор Желю, славил в августе 1839 г. перед старыми солдатами «великого императора»⁷⁸.

Виктор Гюго больше, чем кто-либо другой благоприятствовал возвращению останков: «Сир, Вы возвращаетесь в свою столицу». Накануне великого дня он отправил Тьеру поэму «Возвращение останков» и письмо: «Настоящая поэма — это та, которую вы только что сотворили, это восхитительная поэма в действии, которая в этот час возбуждает весь Париж, и которая завтра промарширует на глазах у всех от Триумфальной Арки до Инвалидов. Моя поэма — это только одна из тысяч деталей вашей, дополнение, может быть, полезное... Позвольте мне, однако, вам ее подарить как человеку, которого я уважаю и люблю»⁷⁹.

7 мая 1840 г. Франсуа Гизо, посол Франции в Великобритании, получил распоряжение Тьера начать переговоры с главой внешнеполитического ведомства лордом Г. Дж. Пальмерстоном. В тот же день Гизо встретился с английским министром и получил его согласие. «Вот истинно французская просьба, — написал Пальмерстон брату, дав

⁷⁸ Guiral P. Op. cit. P. 164.

⁷⁹ Ibid. P. 165.

понять, сколь опрометчивым считал он этот шаг французского правительства. — Но с нашей стороны было бы нелепо отвечать отказом. Поэтому мы решили дать свое согласие как можно скорее и охотнее»⁸⁰.

В официальной депеше лорду Гренвилу, английскому послу в Париже, Пальмерстон, намекая на национальную вражду между английским и французским народами, отмечал: «Правительство Ее Величества надеется, что если подобные чувства существуют до сих пор, они будут погребены в могиле, в которую будут опущены останки Наполеона»⁸¹.

Почему Пальмерстон так легко уступил французской просьбе? Вероятно, он надеялся отстоять свою позицию в более важном Восточном вопросе, для урегулирования которого Гизо и был направлен в Лондон. «Просьба, — писал Шатобриан, — была выполнена. Какая важность Англии от старых костей?»⁸² К тому же Пальмерстон полагал, что перезахоронение праха Наполеона только ослабит Луи-Филиппа, дестабилизировав внутреннюю ситуацию в стране и создав немалые

⁸⁰ Княгиня Д. Х. Ливен и ее переписка с разными лицами // Русская старина. 1903. № 12. С. 626.

⁸¹ Там же.

⁸² *Poisson G. Op. cit. P. 33.*

затруднения для правительства. По мнению Ж. Пуасона, Пальмерстон уступил, напротив, опасаясь роста во Франции реваншистских настроений. По словам историка, со времен Булонского лагеря Лондон жил в состоянии постоянной тревоги увидеть высадку французов на британский берег, то есть в состоянии страха перед нашествием. Новость быстро распространилась по лондонским салонам и достигла ушей Луи-Наполеона, который будто бы заявил: «Надо возвращать не прах, а идеи Наполеона!»⁸³ Однако англичане дали согласие с рядом оговорок. В частности, Лондон настаивал на том, чтобы церемония на Святой Елене была как можно менее пафосной и чтобы в ходе ее не упоминали об «узнике генерале Бонапарте». Тьер в ответ просил англичан оставаться молчаливыми и бесстрастными свидетелями. И, конечно, в церемонии не должны были участвовать родственники Наполеона. Кроме того, Тьер заявил, что гроб обязательно должен быть вскрыт, чтобы не было разговоров о подмене тела, и во время процесса эксгумации должен быть упомянут императорский титул. 10 мая стороны подписали соглашение, и английский генерал Миддлемор, губернатор

⁸³ Ibidem.

Святой Елены, получил точные инструкции относительно предстоявшей процедуры⁸⁴.

10 мая Гизо сообщал своей близкой подруге княгине Дарье Христофоровне Ливен об успехе своей миссии: «Я провел за три дня переговоры по одному делу, которое наделает немало шума. С лордом Пальмерстоном приятно иметь дело, когда он одного мнения с вами. Он ведет его быстро и без фокусов»⁸⁵. 12 мая 1840 г. английское правительство согласилось возвратить Франции останки Наполеона I.

12 мая министр внутренних дел Шарль Ремюза выступил в Палате депутатов с ходатайством о предоставлении одного миллиона франков для транспортировки останков Наполеона со Святой Елены, назвав императора «легитимным государем»⁸⁶. Свою речь он закончил словами: «Монархия 1830 года является единственной легитимной наследницей всех государей, которыми гордится Франция. Эта монархия, объединившая все постреволюционные силы и сумевшая примириться с наследием Революции, воздвигла статую (Вандомскую колонну — *Н. Т.*) и

⁸⁴ Ibid. P. 34–35.

⁸⁵ Княгиня Д. Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. С. 626.

⁸⁶ *Antonetti G. Louis-Philippe. P., 2002. P. 816.*

свободно чтит память народного героя. Есть одна вещь, которая не боится сравнения со славой — это свобода!»⁸⁷ Что означало подобное заявление? Заинтригованный король спросил у Ремюза об этом после заседания, однако тот ответил, что он и сам толком не понял, зачем это сказал, но отметил, что его слова произвели большой эффект.

Обсуждение вопроса о предоставлении кредита вызвало оживленную дискуссию в Палате депутатов. Наиболее ярко доводы оппозиции были сформулированы видным политиком и поэтом Альфонсом Ламартином. Выступая в Палате 26 мая, он заявил: «Хоть я и являюсь почитателем этого великого человека, я не готов все забыть и не думать о последствиях. Я не являюсь заложником этой памяти. Надо мной не властна эта наполеоновская религия, этот культ силы, который уже начал замещать в душе нации истинную религию — религию свободы. Я не думаю, что бесконечное обожествление войны есть хорошая затея, как будто бы мир, это истинное счастье и слава, может быть постыдным для наций... Мы, всерьез воспринимающие свободу, должны быть умеренными в своих проявлениях восторга. Не следуйте слепо за

⁸⁷ Ibidem.

народным мнением; народ всегда симпатизирует тому, кто его ослепляет своим блеском, нежели того, кто ему служит. Мы не должны собственными руками разрушать и ослаблять нашу новую представительную монархию, основанную на идеях разума и миролюбия. Иначе эта монархия потеряет всякое уважение в глазах народа»⁸⁸. В заключении своей продолжительной речи Ламартин подчеркнул, что акция по возвращению останков Наполеона не должна спровоцировать во Франции «ни войну, ни тиранию... ни новых претендентов (на престол. — *Н. Т.*), ни даже имитаторов»⁸⁹.

Употребив слово «имитаторы», Ламартин пустил «парфянскую стрелу» в адрес Тьера. Дело в том, что перед началом заседания в кулуарах ходило выражение Ламартина: «прах Наполеона не остыл, из него раздувают искры». Тьер попытался отговорить Ламартина принимать участие в обсуждении, опасаясь его воспламеняющих слов. «Нет, — ответил ему Ламартин, — надо обескуражить имитаторов Наполеона. — О! Но кто сегодня может мечтать о том, чтобы его имитировать? — Вы правы, я хотел сказать

⁸⁸ Ibidem.

⁸⁹ Ibid. P. 817.

пародистов Наполеона». Слово облетело Париж, выставляя в невыгодном свете Тьера⁹⁰.

В Палате депутатов была создана комиссия во главе с маршалом Берtrandом Клозелем, предложившим удвоить бюджет. Однако ему отказали и утвердили прежнюю сумму в размере 1 млн франков. 5 июня Луи-Филипп подписал этот закон⁹¹. Из Лондона Жозеф Бонапарт предложил от себя дополнительный миллион, но его предложение отклонили.

Дискуссию вызвал вопрос о месте захоронения останков. Сначала их хотели упокоить под Вандомской колонной. Потом предлагались Марсово поле или церковь Мадлен, которая, по словам Клозеля, «не принадлежала никому и имела полное право принадлежать только ему». Среди других мест называли Пантеон и Сен-Дени. Шатобриан предлагал похоронить Наполеона под сводом Триумфальной арки, но эту идею сочли слишком языческой; Стендаль — в Сен-Клу. В итоге выбрали Собор Инвалидов. По замечанию А. Журдан, этот выбор символизировал то, что военачальник вновь одержал верх над законодателем и императором⁹².

⁹⁰ Ibidem.

⁹¹ *Poisson G.* Op. cit. P. 41.

⁹² *Jourdan A.* Op. cit. P. 78.

* * *

Известие о перезахоронении останков Наполеона произвело на французское общество эффект электрошока, страна пришла в состояние патриотической эйфории; вновь заговорили о победах, завоеваниях и естественных границах.

Княгиня Ливен писала Гизо о реакции во Франции на это событие и выражала опасения, что эта акция может иметь негативные последствия для социального порядка и спокойствия во Франции. Она писала 13 мая: «Воспрепят ли семейству Бонапарта присутствовать при погребении его останков? Это было бы неслыханной несправедливостью. Но дозволить это было бы опасно. Так как эта церемония придется, быть может, на момент новых выборов, то не будет ли это подстроено левой? Словом, все это довольно странно... Я нахожу, что одинаково трудно позволить это и запретить. Несомненно одно — что вы создали себе этим очень большие затруднения»⁹³.

В письме английскому политику лорду Дж. Абердину, который в 1841 г. возглавит внешнеполитическое ведомство, она выражалась в более резком тоне об этой затее, имевшей,

⁹³ Княгиня Д. Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. С. 627.

по ее справедливому замечанию, «огромное политическое значение»: «Хотят возбудить страсти, и никого нельзя ввести в заблуждение, что это просто дань памяти великому человеку». Ливен отмечала, что «это спектакль, недостойный и нации, и героя, которого хотят прославить. После того как с энтузиазмом утвердили проект перемещения, теперь спорят о цифрах! Неделю находятся в возбужденном состоянии и торгуются! Вот вам французское легкомыслие. Стране за это будет стыдно...» Отмечая, что в Париж со всех концов страны прибывают депутации и что «возрождается 1789-й год», княгиня делала вывод, что «все это очень по-французски!»⁹⁴.

Сообщая Гизо о реакции иностранных представителей, она писала 18 мая: «У меня был сегодня утром принц Павел Вюртембергский. Он предвидит всяческие бедствия. Он не понимает, как правительство добровольно ищет повода к смуте и уличным беспорядкам. Он говорил об этом Тьеру и страшно все преувеличивал. Тьер сказал: «Я отвечаю за все, но я один могу сделать это. При всяком другом министерстве это

⁹⁴ *Gordon G.H. The correspondence of lord Aberdeen and princess Lieven. 1832–1854. Т. 1. 1832–1848, London, 1938. P. 141.*

могло бы вызвать революцию». Принц также добавил: «Тьер считает себя кардиналом Ришелье. Ничто не сравнится с его смелостью и самоуверенностью»⁹⁵.

Свои опасения выражал и знаменитый немецкий поэт Генрих Гейне. Он писал 30 мая 1840 г., что «если первое впечатление французов было благоприятным, а дискуссии касались только деталей: где, например, похоронить императора, то постепенно настроения изменились, по крайней мере в Палате; депутаты анализировали опасности, которые могло спровоцировать торжество, и опасались усиления позиций бонапартистов...»⁹⁶

Только оппозиция восприняла это известие критически. «Несчастные! — писала *Nationale*. — Почему вы пытаетесь изменить историю?»⁹⁷ Бурей разразились и легитимисты. «*La Gazette de France*» писала о том, что Луи-Филипп, держащий в своих руках прах Наполеона — это скандал, вызывающий в памяти слова Екатерины Медичи, сказанные якобы после смерти адмирала Колиньи: «Тело врага вызывает приятное чувство».

⁹⁵ Княгиня Д. Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. С. 627–628.

⁹⁶ *Guiral P.* Op. cit. P. 165–166.

⁹⁷ *Poisson G.* Op. cit. P. 35.

Некий барон Дюкас опубликовал брошюру в весьма ядовитом духе: «Вы намереваетесь воздать честь великому человеку, но великий человек не нуждается в ваших почестях... Вы хотели смыть все свои предательства? Нет и еще раз нет <...> вы снова готовы предать...»⁹⁸

Причем речь шла уже не о Наполеоне Бонапарте, реальном историческом деятеле, а о легенде, образе, порой не имеющем ничего общего ни с реальным Бонапартом, ни с его заслугами и делами. Иллюзии о Наполеоне формировали и представления французов о них самих, о месте и роли Франции, о ее величии и победах, не былых, а самых настоящих. Шатобриан писал: «Если мне удалось передать то, что я чувствую, мой портрет запечатлеет одного из величайших исторических деятелей, но я отказываюсь рисовать то фантастическое создание, чей образ соткан из выдумок, — выдумки эти родились на моих глазах, и вначале никто не воспринимал их всерьез, но с течением времени глупая и самодовольная доверчивость людская возвела их в ранг истин»⁹⁹.

⁹⁸ Ibid. P. 37.

⁹⁹ Шатобриан Ф. Р. де. Указ. соч. С. 321.

* * *

Доставка тела Наполеона была возложена на третьего сына Луи-Филиппа, Франсуа-Фердинанда, принца Жуанвильского. Он уже с 13 лет был моряком, а с 1839 г. командовал одним из самых красивых кораблей французского военно-морского флота, фрегатом «Бель Пуль». Принц был весьма популярен в обществе; о нем говорили, что этого королевского сына народ видел меньше всех принцев, но знал больше других¹⁰⁰. Король сам сообщил сыну о своем решении. Принц так описывал эту сцену: «Если бы я не был в постели, я бы упал, настолько меня поразила разница между военными кампаниями, предпринимаемыми братьями в Алжире, и предлагаемой мне миссией гробовщика в другом полушарии»¹⁰¹. Он без энтузиазма воспринял это решение, однако подчинился воле отца: «Я был солдатом и не мог оспаривать приказ», — писал он в своих воспоминаниях. Он отмечал, что, с одной стороны, Наполеон для него был врагом его династии, убийцей герцога Энгиенского, «который, терпя поражение, оставил Францию разрушенную, расчлененную, вовлекший ее

¹⁰⁰ *Poisson G. Op. cit. P. 44–45.*

¹⁰¹ *Ibid. P. 43.*

в сомнительную азартную игру, где толпы наивных так часто становятся жертвами политических крупье, всеобщего избирательного права». С другой стороны, над этим Наполеоном «возвышался бесподобный военачальник, гений которого, даже в своем поражении, обессмертил наши армии». Принц отмечал, что он примирился со своей миссией, воспринимая возвращение праха Наполеона как «возвращение знамени побежденной Франции, которое мы вновь поднимаем, по крайней мере, мы в это верим...»¹⁰²

7 июля 1840 г. «Бель Пуль» появился на рейде Тулона с принцем Жуанвильским на борту в сопровождении бывших сотоварищей Наполеона по ссылке: Лас-Каза, Бертра-на, Гурго и мамлюка Али. Восьмого (по другим данным шестого) октября «Бель Пуль» прибыл в порт Джеймстаун на Святой Елене. В ходе переговоров с английскими властями принцу Жуанвильскому было заявлено, что процедура передачи останков состоится 15 октября. Ж. Пуасон подробно описал церемонию открытия гроба, в котором Наполеон лежал будто живой: со спокойным лицом, гладким лбом и нежными руками. Казалось,

¹⁰² Joinville, *prince de Vieux souvenirs*. 1818–1848. P., 2008. P. 180.

могила сберегла его молодость, и на него, такого молодого, смотрели его старые, седые, с морщинами на лицах, солдаты¹⁰³.

Если Бонапарт брал с собой в Египет целую группу художников, то Луи-Филипп не послал на Святую Елену даже одного, который смог бы запечатлеть возвращение праха. Правда, сначала туда хотели отправить художника Ари Шеффера, но затем Луи-Филипп отказался от этой идеи, не желая обижать других живописцев¹⁰⁴. Уже была изобретена фотография, и Лас Каз решил взять с собой в экспедицию дагерротипный аппарат, который был приобретен за 1071 франк. Однако в ходе путешествия аппарат вышел из строя, и использовать его не удалось.

* * *

Эффект был усилен событиями разгравшегося Восточного кризиса (конфликта между турецким султаном и пашой Египта, в который оказались вовлечены «великие державы») и сопутствовавшего ему Рейнского кризиса, то есть резкого осложнения франко-немецких отношений. Дипломатическое поражение Франции и ее

¹⁰³ Ibid. P. 163–164.

¹⁰⁴ *Poisson G.* Op. cit. P. 39.

международная изоляция после подписания Конвенции 15 июля 1840 г. без ее участия еще больше воспламенили патриотическое чувство и «наполеоновскую легенду», особенно когда против Франции по сути была образована европейская коалиция. В стране развернулось широкое патриотическое движение за отмену Венской системы и возвращение Франции левого берега Рейна. Это движение было очень широким: его поддерживали республиканцы, часть орлеанистов, в частности левый центр, студенчество, либеральная буржуазия, даже окружение Луи-Филиппа¹⁰⁵. Республиканская газета «La Réforme» привела на своих страницах высказывание старшего сына Луи-Филиппа, герцога Орлеанского, который в тот момент будто бы заявил: «Я лучше умру на берегах Рейна, чем в сточной канаве в Париже»¹⁰⁶. Правда, ровно год спустя вследствие трагического инцидента он погиб буквально в парижской канаве...

В Париже республиканцы и бонапартисты провоцировали правительство на то, чтобы оно не шло на уступки Великобритании.

¹⁰⁵ Broglie G. L'Orléanisme. La ressource libérale de la France. P., 1981. P. 300.

¹⁰⁶ La Réforme. 1843. 15 septembre.

29 июля в связи с празднованием десятой годовщины Июльской революции и перемещения останков жертв восстания 1830 г. к колонне Бастилии, многотысячная толпа устроила шествие, распевала «Марсельезу» и освистывала министров¹⁰⁷.

Самым непосредственным результатом операции по возвращению останков, с помощью которой Тьер рассчитывал укрепить собственное положение, стало возвращение претендента на престол, Луи-Наполеона. В 1837 г. принц вернулся из США, где подрабатывал преподаванием французского языка, обосновался в Швейцарии, а после смерти матери, Гортензии Богарне, переехал в Англию, вынашивая планы нового заговора. Когда принц узнал о решении Луи-Филиппа вернуть с острова Святой Елены прах Наполеона, он решил, что настал самый благоприятный момент для осуществления его замыслов. В опубликованной им в июне 1840 г. в Лондоне очередной брошюре под названием «Наполеоновские идеи» он высказывал мысль о том, что во Францию должны возвратиться не только останки Наполеона, но и его идеи о соединении порядка и свободы.

¹⁰⁷ *Milza P. Napoléon III. P., 2004. P. 122.*

И эти идеи принесет во Францию он, Луи-Наполеон Бонапарт.

Более того, свои права на престол Луи-Наполеон аргументировал тем, что только власть Наполеона была по-настоящему легитимной. «Легитимность» Бурбонов, как он полагал, покоилась только на силе иностранных штыков; «легитимность» Луи Филиппа основывалась лишь на согласии, достигнутом между ним и частью депутатов, оппозиционных Карлу X. По мнению Луи-Наполеона, только Первая империя, наследница Революции, основывалась на истинной легитимности, исходящей из идеи всеобщего избирательного права. Только император «представлял» по-настоящему нацию; король, именуемый «представительным», представлял в действительности только самых богатых налогоплательщиков Франции.

Как отмечал французский исследователь Г. Антонетти, на почве этой легитимности Луи-Наполеон не прекращал напоминать о своем существовании и своей кандидатуре, используя рост «наполеоновской легенды» в качестве политического трамплина¹⁰⁸. Однако Булонский заговор 6 августа 1840 г. потерпел поражение, Луи-Наполеон был

¹⁰⁸ *Antonetti G. Op. cit. P. 817.*

пленен. Процесс над принцем проходил с 28 сентября по 6 октября в Палате пэров и не вызвал особого интереса в обществе. На этот раз Луи-Филипп не был столь же великодушен. По приговору суда принц Бонапарт был осужден на пожизненное заключение в крепости Ам. Король, правда, распорядился, чтобы именитому узнику обеспечили сносные условия заключения, в том числе выписывать в тюрьму любые книги. В состоянии полного безразличия Луи-Наполеон и его сообщники в октябре отправились в тюрьму. Проправительственная газета «Le Journal des Débats» писала по этому поводу: «Сумасшедших не убивают, их сажают в тюрьму». В 1846 г., пользуясь определенной свободой передвижения по территории крепости, Луи-Наполеон смог бежать из нее и через Бельгию перебрался в Англию.

* * *

Между тем 18 октября «Бель Пуль» отправился в обратное плавание. Время возвращения было сознательно приурочено Тьером к моменту открытия парламентской сессии. Однако это ему не помогло: из-за разногласий с королем по поводу вооружений Франции на фоне Восточного кризиса Тьер был отправлен в отставку. 29 октября

Луи-Филипп сформировал кабинет во главе с Николя Сультом, в котором пост министра иностранных дел занял миролюбивый и склонный к компромиссам Франсуа Гизо, фактически ставший реальным руководителем кабинета.

В отличие от Тьера, Гизо отнюдь не находился в плену «наполеоновской легенды». Его восприятие Наполеона и оценка были неоднозначными. Он писал в «Мемуарах»: «С тех пор, как я принял сам участие в государственном управлении, я научился быть справедливым по отношению к императору Наполеону: в высшей степени могучий и деятельный гений, поражавший своей антипатией к анархии, своим глубоким административным инстинктом, своими энергичными и неутомимыми усилиями для воссоздания общественного остова. Но гений этот не поставил себе никаких пределов, не принимал ни от Бога, ни от людей никаких границ своим страстям и воле, и поэтому он был революционером, несмотря на то что постоянно боролся с революцией; отлично понимая настоящие потребности общества, он понимал несовершенно, можно даже сказать, грубо, нравственные потребности человеческой природы и то давал им полное удовлетворение, то с неистовой гордостью презирал и

оскорблял их»¹⁰⁹. В то же время Гизо полагал, что в те годы Франция нуждалась именно в таком государственном деятеле, как Наполеон, поскольку никто лучше, чем он, не мог бы преодолеть состояние анархии в обществе. Однако никто, как Наполеон, «... не питался... такими химерами в отношении будущего; он обладал Францией и Европой, и Европа выгнала его даже из Франции; имя его останется более великим, чем его дела, потому что славнейшее из этих дел, его победы, совершенно и навсегда исчезли вместе с ним»¹¹⁰. Больше всего в наполеоновском правлении Гизо поражали «надменность грубой силы и презрение права, избыток революции и отсутствие свободы»¹¹¹.

Подводя итог своим размышлениям, Гизо так писал о «наполеоновской легенде»: «Опыт показал силу партии бонапартистов или, точнее говоря, имени Наполеона. Это многое значит, быть сразу национальной славой, гарантией революции и принципом власти»¹¹².

¹⁰⁹ Guizot F. Mémoires pour servir à l'Histoire de mon temps. Т. 1–8. Р., 1858–1867. Т. 1. Р. 5.

¹¹⁰ Ibidem.

¹¹¹ Ibidem.

¹¹² Ibid. Т. 2. Р. 203.

* * *

30 ноября «Бель Пуль» бросил якорь в Шербуре. Далее гроб в Гавр повез корабль «Нормандия», где эстафету приняла «Дорада». Последний этап водного пути по Сене от Руана до парижского пригорода Курбевуа останки Наполеона проделали на маленьком речном пароходе, и 14 декабря в три часа пополудни были выгружены на берег. Нос «погребального корабля» украшали трехцветное знамя и католический крест¹¹³.

На всем пути по берегам Сены стояли тысячи людей. Мамлюк Али так описывал это чувство всеобщего энтузиазма: «Император все еще властвовал над Францией и французами. Всем казалось, что его тело... вышло из склепа еще более величественным и ошеломляющим. О, Наполеон, какую бы ты испытал радость, если бы твои глаза увидели все то, что здесь происходит, и, если бы твои уши слышали эти тысячи приветствующих тебя голосов!»¹¹⁴

Ход операции по доставке «смертных останков» Наполеона детально освещался в прессе. В печати подробно описывалось

¹¹³ Ibid. P. 229.

¹¹⁴ *Mameluck Ali. Journal inédit du Retour des Cendres 1840*. P., 2003. P. 212.

пребывание на острове членов делегации, эксгумация, вскрытие всех саркофагов, в которых находилось тело Наполеона, его состояние, перемещение останков императора на побережье острова, а затем с помощью кранов на корабль и путешествие обратно во Францию.

Столичные и провинциальные газеты много писали о проектах сооружения величественного надгробия, которое было бы достойно праха великого человека, и о проекте величественного памятника императору, от которого со временем отказались, вполне возможно, по причине того, что это изрядно превысило бы смету предполагавшихся расходов¹¹⁵.

О церемонии похорон, происходившей в Париже необычно холодным днем 15 декабря (температура ночью опускалась до минус 15 градусов), оставили воспоминания многие свидетели: Виктор Гюго, Дельфина де Жирарден, герцогиня Доротея де Дино, княгиня Д. Х. Ливен, мамлюк Али. Дипломатический корпус в большинстве своем отклонил приглашение короля присутствовать на церемонии перезахоронения одним «узурпатором»

¹¹⁵ *Искуль С.Н.* «Наполеон» А. Дюма: к истории издания // Дюма А. Наполеон. СПб., 2012. С. 9.

другого «узурпатора». Помимо прочего, дипломатам претил титул «император», фигурировавший в приглашениях¹¹⁶. Европа, таким образом, отказывалась признавать культ Наполеона, против которого ранее сражалась. Впрочем, если дипломаты и не присутствовали на церемонии, то внимательно за ней наблюдали, как, например, дипломат граф Рудольф Аппоньи, племянник австрийского посла, прекрасно все видевший с балкона особняка на Елисейских полях.

Доротея де Дино, на протяжении двадцати двух лет жизни — неизменная спутница жизни, секретарь и подруга князя Ш.-М. Талейрана, записала в своем «Дневнике» 9 декабря 1840 г. (в Париже в эти дни ее не было, она находилась в своем замке Рошкотт): «... сейчас, когда Адрес вотирован, все внимание сосредотачивается на “празднике останков”, как это называет парижский народ. Церемония обойдется в миллион. Тысячи рабочих день и ночь заняты приготовлениями, и тысячи зевак целыми днями за ними наблюдают. Какая нелепость вся эта комедия. Прибыть в такой момент! В таких обстоятельствах! Мне кажется, что скалы Святой Елены были более трогательной могилой, и, может быть,

¹¹⁶ *Poisson G. Op. cit. P. 268.*

более надежным убежищем, нежели бурлящий и революционный Париж»¹¹⁷.

14 декабря Доротея записала: «Мне сообщают, что на знаменитой церемонии “останков” королева и принцессы будут в траурных накидках, как на похоронах Людовика XVIII. Похоже, все сошли с ума! Газеты только и пишут, что о похоронном, или, скорее, триумфальном марше и о религиозных почестях, которые повсюду воздаются останкам императора. За истекшие сорок лет Наполеон уже второй раз окажет французам ту же услугу: он их примирит с религией. Очень любопытно видеть коленопреклоненное население, окруженное клерикалами, благословляющими этот “прах”; очень любопытно повсюду наблюдать за этими церковными благословениями народного героя... Мне кажется очевидным: эти знаки почитания прославляют не законодателя, а узурпатора и завоевателя»¹¹⁸.

Княгиня Ливен в это время писала своей подруге Доротее Дино из Парижа: «... больше не говорят об обсуждении Адреса; все это

¹¹⁷ *Dino D.* (duchesse de Talleyrand et de Sagan). *Cronique de 1831 à 1862*. Т. 1–4. Р., 1909–1910. Т. 2. Р. 428.

¹¹⁸ *Ibid.* Р. 432–433.

забыто ради погребения Наполеона. Похороны будут превосходными; я надеюсь, что они не будут ничем иным»¹¹⁹.

Дело в том, что ультрапатриотическая антианглийская риторика, к которой летом–осенью 1840 г. охотно прибегали журналисты, верные Тьеру, оживила в народе память о поражениях двадцатипятилетней давности; парижские простолюдины вспомнили о Ватерлоо и стали вымещать обиду на англичанам, находившихся в Париже, от слуг до дипломатов. Перед церемонией 15 декабря ходили слухи, что толпа намерена разгромить здание английского посольства; известен случай, когда на улице Предместья Сен-Оноре толпа встретила экипаж английского посла во Франции криками: «Долой англичан!»¹²⁰ Об этих настроениях писала Доротея Дино: «Герцогиня Монморанси сообщила мне следующее: “Ходят слухи, что есть намерение отправиться в английское посольство и уничтожить особняк; поговаривают также, что в отеле находятся войска и что леди Гренвил съехала. Полагают, что на церемонии будет порядка 800 тыс. человек”»¹²¹.

¹¹⁹ Ibid. P. 433.

¹²⁰ Жирарден Д. Указ. соч. С. 346.

¹²¹ Dino D. Op. cit. P. 434.

Перезахоронение останков Наполеона вызвало живое любопытство и за пределами Франции. Княгиня Ливен сообщала Доротее Дино: «Вся женская Россия здесь: пять придворных дам в Париже. В Санкт-Петербурге осталось только четыре!»¹²² Что касается реакции дипломатического корпуса, то, по словам всезнающей княгини, «послы заявили, что они не будут присутствовать на церемонии. Для большинства из них, я знаю, это их собственное решение; лорд Гренвил (посол Великобритании. — Н. Т.) делал запрос. После некоторых колебаний ему сказали, чтобы поступал так же, как остальные»¹²³.

«Праздник почившего изгнанника, с торжеством возвращающегося на родину», как образно назвал церемонию Виктор Гюго, состоялся в Париже 15 декабря 1840 г. и, несмотря на опасения, прошел без эксцессов.

На площади перед Домом Инвалидов были устроены подмостки, на которых разместилось сто тысяч человек; по обе стороны аллеи были установлены два ряда колоссальных статуй, изображавших героические фигуры, напротив Дома Инвалидов возвышалась гипсовая статуя императора.

¹²² Ibid. P. 433–434.

¹²³ Ibidem.

Люди стояли вдоль всего пути следования погребальной колесницы; из порта Курбевуа кортеж добрался до Триумфальной арки на площади Звезды, оттуда процессия проследовала по Елисейским Полям до площади Согласия, пересекла Сену по мосту Согласия и направилась к Собору Инвалидов. На всем пути следования колесницы ее приветствовала огромная толпа, стучащая ногами от ледяного холода, чтобы согреться. За гробом шли маршал Никола-Шарль Удино (наполеоновский маршал, в 1810 г. получивший от императора титул герцога Реджио), неся кисти от погребального покрывала, маршал Молитор, генерал Бертран и адмирал Руссен.

Появление колесницы воспринималось как Богоявление: французы, побежденные Веллингтоном и Пальмерстоном, как бы не замечали реальности, живя в мире иллюзий и мечтаний. После официального приема, когда повозка прибыла в часовню Собора Инвалидов, принц Жуанвильский сказал королю: «Сир, я Вам представляю тело императора Наполеона». «Я принимаю его от имени Франции», — ответил король твердым голосом¹²⁴.

¹²⁴ Antonetti G. Op. cit. P. 819. По версии принца Жуанвильского, предполагалось, что он должен

Об этом событии осталось множество свидетельств современников. Вот как они описывали эту церемонию. Дельфина де Жирарден в очерке от 20 декабря писала: «На церемонии присутствовало шестьсот тысяч человек, и из этих шестисот тысяч всего две сотни оказались смутьянами, которые пытались нарушить торжественную тишину своими криками» (Люди кричали: «Долой аристократов! Долой предателей! Долой Гизо!», имелось в виду нежелание Луи Филиппа и его министра втягивать Францию в европейскую войну и тем самым взять реванш за поражение Наполеона)¹²⁵.

Сын короля принц Жуанвильский в своих воспоминаниях также отмечал, что, когда процессия двигалась по Елисейским

был обратиться к королю с торжественными словами и услышать не менее торжественную ответную фразу. Но принца, по его словам, об этом просто забыли предупредить, поэтому он молча приветствовал короля взмахом шпаги. Поскольку молчаливая церемония выглядела нелепо, Луи-Филипп был вынужден импровизировать, произнеся несколько слов, опубликованных затем в официальной газете «*Le Moniteur Universel*». См.: *Joinville, prince de*. Op. cit. P. 192.

¹²⁵ Жирарден Д. Указ. соч. С. 346.

Полям, раздались крики: «Долой изменников!» Поскольку он долго отсутствовал во Франции, то сначала не понял, о чем идет речь. «Но мне объяснили, что эта манифестация была адресована моему отцу и его министрам, отказавшимся вовлечь Францию во всеобщую войну из-за событий на Востоке»¹²⁶.

Доротей Дино в своем дневнике записала, что в телеграмме, полученной ее сыном от префекта полиции, сообщалось: «Все прошло хорошо, исключая небольшую демонстрацию, устроенную пятьюдесятью людьми в блузах, которые на площади Людовика XV хотели устроить кордон, но были рассеяны»¹²⁷.

Дино писала в целом о ситуации, связанной с именем Наполеона: «Полностью забыли угнетение, всеобщее несчастье, захлестнувшее Европу на двадцать шесть лет; сегодня вспоминают единственно о его победах, делающих его память такой популярной. Франция, жадно думая о свободе, Франция, унижающаяся перед границей, прославляет человека, заковавшего эту свободу в оковы и явившегося самым ужасным

¹²⁶ Joinville, *prince de*. Op. cit. P. 193.

¹²⁷ Dino D. Op. cit. P. 435–436.

из завоевателей... То, что мне показалось красивым, это колесница. Мне нравится, что Наполеон возвращается во Францию на щите...»¹²⁸

Дельфина де Жирарден так писала о реакции парижан: «Как прекрасно было зрелище великодушного народа, с любовью приветствовавшего гроб победителя! Сколько рвения! Сколько волнения! Четырехчасовое ожидание под снегом ни у кого не отбило охоту присутствовать на церемонии»¹²⁹.

Сообщая о церемонии, Доротея Дино приводила впечатление мадам де Мольтен, придворной дамы королевы Марии Амелии, о разнице восприятия Наполеона и всей этой церемонии обывателями и членами королевской семьи, собравшимися в Соборе Инвалидов: «Насколько этот праздник был популярен на улицах Парижа, настолько же непопулярен он был там, где я находилась. Перед тем как зайти в церковь, собрались в пространстве собора, или скорее часовни без алтаря, уже использовавшейся по аналогичному поводу во время похоронной церемонии жертв Фиески. Королевская семья, министры, домочадцы, включая наставников,

¹²⁸ Ibid. P. 435.

¹²⁹ Жирарден Д. Указ. соч. С. 345.

все собрались и два часа ожидали... Никто не вспоминал об императоре...»¹³⁰

23 декабря Доротея Дино записала в своем дневнике о письме, полученном ею от политического деятеля и дипломата Сальванди. «Он сожалел, что было слишком много золота, золота повсюду; казалось, что распорядители праздника полагали, что это наилучшим образом подходит прославлению. Он пишет также, что ничего не было менее религиозного, чем эта религиозная церемония...»¹³¹

Об этом же Доротее Дино сообщал и сын короля Луи-Филиппа, герцог Ноайль. Он писал герцогине, что, когда публика ожидала повозку в Соборе Инвалидов, «все были заняты только холодом и как бы от него уберечься; что религиозное чувство было малозаметным, и что все думали только о светском действии...»¹³²

На религиозной церемонии, в которой было мало религиозного чувства, рядом с королем и его семьей находились Тьер, Гюго, Бальзак, Мюссе, Бодлер, Теофиль Готье. А вот Ламартин и Шатобриан заранее

¹³⁰ *Dino D.* Op. cit. P. 436.

¹³¹ *Ibid.* P. 440.

¹³² *Ibid.* P. 439.

предупредили о своем отсутствии. А. Дюма и Стендаль находились в Италии. Ветеранов в церковь не допустили, хотя там были и орлеанисты, и легитимисты. Иными словами, не было именно тех, кто действительно любил императора. Поэтому Мамлюк Али, оставивший свои воспоминания об этом событии, принципиально не стал ничего писать о церемонии в соборе Инвалидов. По его словам, ей не хватало благопристойности: «На спектакле в опере больше внимания и тишины, чем было 15 декабря в Инвалидах <...> Церемония закончилась, король с семьей ушли; все спешили по домам, как после театрального представления»¹³³.

Об отсутствии религиозного трепета и обилии позолоты писал в своем дневнике и секретарь посла Австрийской империи во Франции граф Рудольф Аппоньи: «В кортеже не было духовенства, двора, высших сановников; он состоял только из пешего и конного войска и Национальной гвардии, следовавшей с несколькими пушками, принца Жуанвильского верхом на коне в окружении двух адъютантов и моряков. Чтобы нарушить монотонность кортежа, к нему добавили муниципальную гвардию, несущую каждая на

¹³³ *Mameluck Ali*. Op. cit. P. 214–215.

конце древка надпись с названием одного из департаментов».

«Колесница была красивой и даже превосходной в своих деталях, но она была вся позолоченная и очень напоминала повозку с жирной говядиной! И Наполеон, привезенный издалека, чтобы служить зрелищем для парижан, для этой толпы, жадной до удовольствий и потрясений! Никогда траурная церемония не была менее трогательной и никогда эпические воспоминания об истории Франции не вызывали так мало энтузиазма: на лицах этого миллиона людей, прошедшего по Елисейским полям, я наблюдал только выражение любопытства», — писал Аппоньи¹³⁴.

По словам Виктора Гюго, в этой церемонии «не было правды, а потому и вышла она вся какой-то фальшью и надувательством. Правительство как будто испугалось вызванного им призрака. Показывая Наполеона, оно в то же время старательно скрывало его, намеренно оставляя в тени все, что было или слишком велико, или слишком трогательно. Грандиозная действительность всюду

¹³⁴ *Apponyi R. de. Les Français envient notre bonheur. Journal. 1826–1848. Présenté et annoté par Nicolas Mietton. P., 2008. P. 472.*

пряталась под более или менее роскошными покрывалами. Императорский кортеж, долженствовавший быть всенародным, ограничен одним военным, настоящая армия подменена Национальной гвардией, собор — домашней капеллой Инвалидов, наконец, действительный гроб подменен пустым ящиком». Подменили, по словам Гюго, даже лошадь, белого коня, покрытого фиолетовым крепом, которого большинство принимало за настоящего боевого коня Наполеона, «не соображая, что если б он прослужил Наполеону хоть только два года, и то ему теперь было бы целых тридцать лет — возраст почти невозможный для лошади». На самом деле это была всем известная старая лошадь, которая вот уже десять лет фигурировала в роли боевого коня на всех парадных военных похоронах¹³⁵.

* * *

Церемония перезахоронения останков Наполеона еще долго была самым обсуждаемым событием. Через несколько дней после церемонии Дельфина де Жирарден писала: «Париж по сей день только и говорит, что

¹³⁵ Гюго В. Посмертные записки. 1838–1875. М., 2007. С. 26, 37.

о знаменательном событии. Все спрашивают друг у друга: «Ну и как вы все это вынесли?» Для того чтобы вынести все с начала до конца, требовалось в самом деле немалое мужество; недаром сразу после церемонии все кругом сделались больны. Все разговоры начинаются с жалоб; каждый перечисляет недуги, какими поплатился за присутствие на церемонии. Лишь затем начинается обмен впечатлениями»¹³⁶.

Церемония не только долго обсуждалась. В течение нескольких дней после церемонии Рудольф Аппоньи был свидетелем того, что, по его словам, называют «паломничеством к могиле Наполеона». Дипломат наблюдал за происходящим из посольского особняка. Главное чувство, которое, по мнению графа Аппоньи, двигало толпой, побуждало людей часы проводить на морозе — это любопытство. «Это то же самое чувство любопытства двигало толпой, сдавливало ее, и люди бы друг друга затоптали, если бы не разумные и решительные меры, принятые для ее сдерживания. Шеренга из штыков предохраняла нескончаемую очередь, сформированную плотной массой любопытствующих»¹³⁷, от тех,

¹³⁶ *Жиарден Д. де. Указ. соч. С. 346.*

¹³⁷ *Apponyi R. de. Op. cit. P. 471.*

кто прибыл последним, но хотел оказаться впереди тех, кто уже несколько часов находился в очереди, ожидая, при морозе в минус пять-шесть градусов, счастливого момента, когда же можно будет пересечь решетку отеля Инвалидов, откуда открывалась церковь... внутри которой находился огромный позолоченный катафалк, окруженный трибунами и подмостками, покрытыми красивой фиолетовой тканью, окаймленной золотой бахромой и усыпанной восхитительными пчелами. Но, насладившись этой торжественной мизансценой, толпа выходит из церкви как из бального или зрительного зала! Могло ли быть иначе, если в пространстве нефа она не видела ни священника, ни религиозных атрибутов»¹³⁸.

Но более всего австрийский дипломат был поражен огромным людским потоком: «То, что мне показалось самым важным, я даже скажу, самым поразительным, это ужасная толпа, следовавшая за кортежем и двигавшаяся от моста Нейи до Триумфальной арки, толпа, похожая на вертящийся, бурлящий поток, из которого доносились крики, песни, брань. Ничто не могло противостоять неудержимому любопытству этой движущейся

¹³⁸ Ibid. P. 471–472.

массы. Взводы линейных войск, Национальной гвардии, солдаты... ограждения и наспех, с неверным расчетом установленные помосты были опрокинуты, сметены и истоптаны десятками тысяч ног мужчин, женщин, детей, составлявших единое тело, снабженное миллионом глаз. Эта нового вида гидра растянулась до площади Людовика XV, где она разделилась, чтобы потом рассеяться и растечься по саду Тюильри, по набережным и по улицам, стремясь укрыться от лютого холода»¹³⁹.

Итак, события, связанные с перезахоронением останков Наполеона, наглядно показали, что легенда была сформирована. «... история его завершилась и началась эпопея...» — писал Шатобриан¹⁴⁰.

Проницательная Дельфина де Жирарден очень тонко проследила процесс формирования «наполеоновской легенды»: «...история в конце концов примиряет своих детей со всем светом. Взять хотя бы этого подлого узурпатора, коварного корсиканца, отвратительного тирана, ненасытного людоеда, мерзкого крокодила; его проклинали, его ненавидели, ему изменяли, больше того,

¹³⁹ Ibid. P. 472.

¹⁴⁰ Шатобриан Ф. Р. де. Указ. соч. С. 325.

его забыли!.. И что же? Теперь те, кто его проклинал, им восхищаются, те, кто его ненавидел, ему поклоняются, те, кто ему изменил, его оплакивают, те, кто его осуждал, его воспевают... Какие удивительные превращения! А ведь прошло всего два десятка лет! Как! Неужели ненависть так непостоянна!..»¹⁴¹

Дельфина де Жирарден весьма точно подметила одну из главных причин популярности императора Наполеона I в массовом сознании французов. По ее словам, «он единственный был честен с народом, а не взывал к его рыцарскому великодушию и не обольщал его блистательными обманами». Она писала: «Наполеон сказал французам: "Сражайся за меня!" — и французы пошли за этим человеком с восторгом, и поклоняются его памяти по сей день, и будут поклоняться ей вечно, потому что он один понял их, он один не требовал от них никаких преступлений, он один не прививал им дурных страстей, он лишь приказывал им гибнуть с честью на поле боя, и они также повиновались бы»¹⁴² — в этом, может быть, кроется и разгадка непопулярности Луи-Филиппа, который призывал

¹⁴¹ Жирарден Д. Указ. соч. С. 348.

¹⁴² Там же. С. 345.

французов не к славе и смерти во имя побед, а к стабильности и умеренности.

Современники, а вслед за ними и историки, нередко критически отзывались об эстетике этой церемонии, видя в ней пример «дурновкусия» эпохи. К примеру, тот же Виктор Гюго назвал это событие «монументальной галиматьей». Но я согласна с мнением Ж. Пуасона, что нужно быть более снисходительным к художественным вкусам эпохи Луи-Филиппа. Труд архитекторов Луи Висконти (который станет автором саркофага Наполеона¹⁴³) и Анри Лабруста, по его мнению, заслуживает реабилитации, как и многие другие художественные произведения того времени¹⁴⁴.

* * *

Каковы же были результаты этого пропагандистского маневра? Помогло ли это Луи-Филиппу укрепить режим? Было ли это решение «короля-гражданина», который все больше и больше становился королем и все

¹⁴³ Об экспедиции, связанной с доставкой камня для саркофага см.: *Таньшина Н.П., Борисёнок Ю.А. Саркофаг Наполеона из «русского порфира» // Родина. 2018. № 5. С. 105–109.*

¹⁴⁴ *Poisson G. Op. cit. P. 245.*

меньше и меньше гражданином, «величайшей политической ошибкой», как о том позднее говорили? Да, если принять во внимание, что спустя восемь лет к власти придет племянник Наполеона. По мнению французского историка Г. Антонетти, Луи-Филипп играл с огнем, освобождая демонов, действовавших против него и в пользу другого «любителя прошлого», который в тот момент еще только ждал своего часа в крепости Ам¹⁴⁵. По словам другого исследователя, К. Модуи, Июльская монархия воспользовалась народной страстью, вызванной воспоминаниями о Наполеоне, но эта же легенда взрастила в ее недрах и бонапартистскую оппозицию¹⁴⁶. Действительно, две попытки бонапартистского заговора совпали с апогеем культа Наполеона во Франции. Пусть они и окончились неудачей, Луи-Наполеона они утвердили в мысли о его особом призвании и заставили задуматься об изменении тактики прихода к власти¹⁴⁷.

Однако гораздо более вероятно, что для самого Луи-Филиппа его отказ от либерализации режима и расширения избирательного

¹⁴⁵ *Antonetti G.* Op. cit. P. 819.

¹⁴⁶ *Mauduit X.* Op. cit. P. 269.

¹⁴⁷ *Hazareesingh S.* Op. cit. P. 254.

права в гораздо большей степени стали причиной кризиса режима и его дальнейшего краха, нежели культивирование «наполеоновской легенды». Принц-либерал, казалось бы, открытый передовым идеям, со временем превратился в авторитарного правителя, неспособного реалистично оценивать свое положение. Наполеон III учтет этот урок спустя двадцать лет и сможет трансформировать свой режим, опираясь на поддержку огромного большинства французов, но, в противоположность Луи-Филиппу, ввяжется в войну, закончившуюся для него и всей Франции катастрофой.

Вместе с тем, как справедливо отмечал Ф. Дарриула, вводя Наполеона в Пантеон национальных героев, Луи-Филипп рисковал пробудить у французов неблагоприятные для себя чувства и вызвать невыгодные для себя сравнения¹⁴⁸. Прославление побед Наполеона являлось для противников Луи-Филиппа дополнительным аргументом в их критике осторожной и компромиссной внешней политики Июльской монархии¹⁴⁹.

Не способствовала операция по перезахоронению останков Наполеона и укреплению

¹⁴⁸ *Darriulat Ph. Op. cit. P. 133.*

¹⁴⁹ *Ibid. P. 134.*

престижа семьи Луи-Филиппа, несмотря на то что популярность принца Жуанвильского в обществе еще больше возросла. Однако сам он, по словам современницы событий, мадам Адель де Буань, был не особенно этим польщен и иронично называл экспедицию «путешествием извозчика»¹⁵⁰. На суше принц быстро заскучал и добился разрешения вновь оказаться на своем фрегате. А последовавшая спустя два года трагическая гибель популярного в народе наследника престола, герцога Фердинанда Орлеанского, еще больше ослабила позиции режима в общественном мнении.

Не содействовала эта акция и легитимации власти Луи-Филиппа в глазах Европы. Ж. Пуасон называл подобное напоминание европейским державам о Наполеоне психологической ошибкой Луи-Филиппа. По мнению историка, возвращение останков Наполеона стало поворотным пунктом правления Луи-Филиппа и прелюдией к свержению его режима¹⁵¹.

Июльская монархия присвоила себе «наполеоновскую легенду». Однако она не согласилась с возвращением во Францию

¹⁵⁰ *Boigne E-A. Op. cit. Т. 2. Р. 614–615.*

¹⁵¹ *Poisson G. Op. cit. Р. 267.*

изгнанных членов семьи Бонапартов. Когда Жером, бывший король Вестфалии, выступил с петицией против закона о ссылке, Виктор Гюго 14 июня 1847 г. высказался в его поддержку в Палате пэров: «Несомненно, история первых пятнадцати лет этого века – это история, которую сделали вы, генералы, почтенные ветераны, перед которыми я склоняю голову <...> Эта история известна всему миру, и, наверное, даже в самых отдаленных уголках земного шара нет человека, не знавшего бы об этом. Даже в Китае, в пагоде, среди фигур божеств, вы найдете бюст Наполеона!»¹⁵²

Ирония судьбы: либерал Луи-Филипп создал официальный культ антилиберала Наполеона. И несмотря на то, что французские авторы, от Б. Констана и до Ж. Грюбнера, обвиняют Наполеона в том, что он задержал развитие либерализма во Франции и ее модернизацию, французам по сей день близок не либеральный Луи-Филипп, а антилиберальный Наполеон.

¹⁵² *Mauduit X. Op. cit. P. 268–269.*

**Наполеон Бонапарт
как художественный образ:
формирование «наполеоновской
легенды» во французской литературе
эпохи романтизма**

Итак, по сию пору Наполеон Бонапарт остается наиболее популярным историческим героем. Между тем, по большому счету людей привлекает не реальный исторический персонаж, Наполеон Бонапарт, а его образ, легенда и миф.

Художественная литература оказывает мощное влияние на формирование исторической памяти и исторических представлений. Например, именно романы писателей сформировали классическое видение трагических событий Варфоломеевской ночи; именно по романам Л. Н. Толстого в России судят о Наполеоне и Отечественной войне 1812 г. Эпопея Вальтера Скотта о Наполеоне формировала его образ в массовом сознании англичан. Именно Шатобриан, Мюссе, Бальзак, Стендаль, Гюго, Дюма, Беранже вместе с солдатами Великой Армии стояли у истоков легенды и мифа Наполеона. Некоторые из этих писателей были так или иначе связаны с наполеоновскими войнами. Гюго и Дюма были сыновьями генералов Империи, а отец

Жерара де Нерваля был медиком в Великой армии. Мюссе и Виньи родились в начале века и отразили настроения целого поколения, не участвовавшего в войне, но рожденного в годы войны и жившего в атмосфере побед.

Слова Альфреда де Виньи о поколении французов, детей империи, мечтавших о военной славе, но через войну не прошедших, на мой взгляд, являются квинтэссенцией этого духа: именно из этого поколения вышли писатели и поэты романтического направления, сыгравшие, наряду с ветеранами, ключевую роль в формировании легенды. С 1815 по 1850 гг. личность Наполеона была одной из центральных для представителей всех направлений романтической литературы¹⁵³.

Французский историк Сильвиан Паже обоснованно ставит вопрос: Наполеон — это исторический персонаж или литературный образ?¹⁵⁴ Действительно, со временем граница между исторической фигурой и поэтическим созданием стерлась. От истории к легенде, от легенды к мифу, — такова, по словам С. Паже, трансформация исторического пер-

¹⁵³ *Pagé S. Op. cit. P. 12.*

¹⁵⁴ *Ibid. P. 7.*

сонажа в мифическую фигуру в двух поколениях французских романтиков¹⁵⁵. При этом Наполеон всегда — персонаж амбивалентный, у одного и того же автора, в одном произведении, порой на одной странице.

Как писал французский историк Жан Демужен, Наполеон сожалел, что не имел при себе и для себя «великих литераторов и «великой литературы». Однако ближайшее будущее все компенсировало.

В 1817 г. широкий резонанс получили запрещенные позднее апокрифические мемуары Наполеона: «Рукопись, неизвестным путем доставленная со Святой Елены», написанные, по-видимому, Люлленом де Шатовье, женевцем, другом мадам де Сталь. В это же время в Милане начал писать «Жизнь Наполеона» Анри Бейль, известный под литературным псевдонимом Стендаль (1783–1842), однако этот текст был опубликован только после его смерти¹⁵⁶.

¹⁵⁵ Ibid. P. 13.

¹⁵⁶ Стендаль возобновит работу над книгой о Наполеоне в 1836 г.: 10 ноября этого года в газете «*La Préface*» он начал публиковать первые строки своей новой «Жизни Наполеона»: его материалы остались в Милане, и он, не зная, сохранились ли они, решил написать новую работу.

Стендаль, в отличие от большинства молодых писателей-романтиков, был свидетелем и непосредственным участником наполеоновской эпопеи. Он был зачислен сублейтенантом в драгунский полк. Влиятельные родственники из семейства Дарю хлопотали для Бейля назначение на север Италии. В 1802 г. он подал в отставку, но спустя три года снова вернулся на службу, на этот раз в качестве интенданта. В должности офицера интендантской службы наполеоновской армии Анри побывал в Италии, Германии, Австрии. В 1812 г. принял участие в русской кампании, побывал в Орше, Смоленске, Вязьме, был свидетелем Бородинского сражения, видел пожар Москвы, хотя собственно боевого опыта у него не было. Все это указал Стендаль в «Заметках о Бейле, составленных им самим», предваряющих «Жизнь Наполеона». Бейль, как пишет Стендаль, «уважал только одного человека: Наполеона»¹⁵⁷.

Для Стендаля император — в основе его жизни и работ. Это «самый изумительный по своей даровитости человек, живший со времен Юлия Цезаря, которого он, думается нам, превзошел. Он был скорее создан для

¹⁵⁷ Стендаль Жизнь Наполеона. Пер. А. С. Кулишер // Собр. соч. В 5 тт. М., 1993. Т. 3. С. 10.

того, чтобы стойко и величаво переносить несчастье, нежели для того, чтобы пребывать в благоденствии, не поддаваясь опьянению. [...] обладая некоторыми из тех пороков, которые необходимы завоевателю, он, однако, был не более склонен проливать кровь и быть безучастным к человечеству, нежели Цезари, Александры, Фридрихи, – все те, с кем его поставят рядом и чья слава будет меркнуть с каждым днем»¹⁵⁸. И в поражении Наполеон для Стендаля не менее велик: «По величию души и покорности судьбе, которые он проявил в несчастье, лишь немногие равны ему, и никто его в этом не превзошел»¹⁵⁹.

В 1823 г., как уже отмечалось, Лас Каз опубликовал «Мемориал Святой Елены», придавший мощнейший импульс «наполеоновской легенде». Книга выдержала четыре издания, выходивших с постоянно вносившимися исправлениями и добавлениями. «Мемориал Св. Елены» стал значительным событием для всего поколения молодых писателей. Целое поколение «сынов века», воспитанных на бюллетенях Великой армии, нашло в «Мемориале» тот отзвук битв, которого их лишила реставрированная монархия Бурбонов.

¹⁵⁸ Там же. С. 175.

¹⁵⁹ Там же. С. 176.

В разных видах мемуары Наполеона будут фигурировать в работах Мюссе, Гюго, Стендаля, Бальзака, Беранже. Гюго, Ламартин и даже Шатобриан в определенной степени, под его влиянием, станут создавать «золотую легенду».

Во многом под влиянием «Мемориала Святой Елены» происходила эволюция взглядов Виктора Гюго, игравшего существенную роль в конструировании «наполеоновской легенды» на протяжении всего XIX столетия. Характерно, что если отец писателя, как отмечалось выше, был генералом наполеоновской армии, то мать, дочь нантского судовладельца, придерживалась роялистских взглядов и ненавидела Наполеона. Это чувство передалось и сыну. Первый поворот во взглядах Гюго на Наполеона был связан именно со смертью его матери.

В июле 1825 г. Гюго опубликовал поэму «Два острова». Наполеон предстает здесь в образе романтического героя, который был «мечтателем на утре дней когда-то», грезил «*на Корсике родимой о власти мировой, о всей непобедимой своей империи под знаменем орла*», стал «*владыкой полвселенной*», но окончилось все крахом, как это бывает с романтическими героями, и Наполеон познал «*ничтожество величья своего*»:

Но, защищая есть отцов, как часовые,
Еще сумеем мы доспехи боевые
От оскорблений сохранить!¹⁶¹

Ода получила огромный общественный резонанс, став гимном «несокрушимо*му трофею*», выполненному из металла сотен пушек, захваченных Великой армией у неприятеля. Для поколения французов, родившегося около 1810-го года, ода Гюго стала поэтическим подтверждением их детских впечатлений. Для самого Гюго это стало гигантским шагом влево в его политических воззрениях: публично провозгласив себя сыном наполеоновского полководца, он тем самым размежевался с легитимистами:

И я б теперь молчал? Я, преданный доньне
Традициям своим фамильным, как святыне!
Кто за победою знамен родных следил!
Ей голос, вторя трубам, полон был отваги!
Кому игрушкой был — эфес отцовской шпаги!
Кто, быв еще ребенком, уж солдатом был! ¹⁶²

И Гюго так же, как поколение французов, рожденных в годы Империи, живет надеждами на будущие победы:

¹⁶¹ Гюго В. Поэзия // Собр. соч. в 14 тт. Т. 12. М., 2003. С. 25.

¹⁶² Там же.

Вперед, французы! — Нет орла теперь уж с вами,
Что поражал надменных вашими громами;
Но с вами — лилии, хоругвь осталась вам
И галльский наш петух, который мир весь будит;
Он обещает нам, что скоро солнце будет
Сиять, как в Аустерлице, нам!¹⁶³

Политическая эволюция Гюго отражала общую эволюцию романтизма: поначалу роялистский, постепенно он трансформировался в поэтический бонапартизм, оказав «наполеоновской легенде» литературную поддержку, без которой она не имела бы столь оглушительного успеха в дальнейшем.

В годы Реставрации романтическая литература начала свой путь, а ее расцвет пришелся уже на годы Июльской монархии. Культивирование наполеоновского мифа в литературе происходило параллельно формированию официального культа Наполеона при короле Луи-Филиппе. Как уже отмечалось, легитимируя Наполеона и помещая его в Пантеон национальной славы, Луи-Филипп, «король-узурпатор», легитимировал и собственную власть в глазах Европы. Он потворствовал национальному самолюбию, вновь давая почувствовать французам вкус славы,

¹⁶³ Там же.

величия, пусть и от прежних, былых побед, ведь наполеоновские прожекты в политических реалиях 1830–1840-х гг. были неосуществимы.

В самом начале 1830-х гг. во французской литературе появляется целый ряд произведений, посвященных положению ветеранов Великой армии, солдат и офицеров, вернувшихся с войны и оказавшихся в маргинальном положении, не у дел, без великой мечты, без идеи, привыкших к войне и живших ностальгическими воспоминаниями о ней. Офицеров, уволенных в запас и переведенных на половинное жалованье, во Франции именовали «полуокладными». Эти офицеры, составившие особую касту людей, стали героями произведений Оноре Бальзака, Проспера Мериме, Жорж Санд.

В феврале-марте 1832 г. в журнале «Артист» была опубликована повесть Бальзака «Полковник Шабер», в том же году вышедшая в свет под названием «Граф Шабер» в сборнике разных авторов «Всякая всячина»¹⁶⁴. В повести рассказывается о возвра-

¹⁶⁴ Под названием «Графиня-двумужница» повесть была включена в четвертый том «Сцен парижской жизни», изданный в 1835 г. В 1844 г. «Полковник Шабер» был напечатан во втором томе

щении с войны Гиацинта Шабера, графа Империи, кавалера большого офицерского креста Почетного легиона. Его считали погибшим при Прейсиш-Эйлау, но он выжил, выбравшись из общей ямы. Может быть, ситуация графа Шабера, рассмотренная буквально, не типична, но психологическое состояние героя передано Бальзаком пронзительно точно. Вот как сам Шабер описывал свое мироощущение: «Но, надо вам сказать, я, бывший питомец сиротского приюта, солдат, единственное достояние коего — мужество, семья — весь мир, родина — Франция, а предстатель и защитник — сам господь бог. Нет, неправда! У меня был родной отец — наш император!» Ветераны Великой армии во многом оказались в положении мертвецов, не могли найти себя в новом мире: «О, если бы он был здесь! Если бы увидел он своего Шабера — так меня он называл — в теперешнем моем виде, как бы разгневался он! Да что поделаешь. Зака-

«Сцен парижской жизни». Составляя план нового издания «Человеческой комедии», которому суждено было стать уже посмертным, Бальзак перенес повесть из «Сцен парижской жизни» в «Сцены частной жизни».

тилось наше солнышко, и всем нам теперь холодно»¹⁶⁵.

Шабер оказался совсем в другом мире, который он не знал, как не узнавал он и Париж: «С какой радостной поспешностью бросился я на улицу Монблан, где в моем особняке, вероятно, проживала моя жена! И что же оказалось! Улицу Монблан переименовали в Шоссе д'Антен. Я не нашел своего особняка. Его продали, снесли. Ловкие дельцы понастроили домов в моих садах»¹⁶⁶. Тогда он еще не знал, что его жена, Роза, хоть и получившая известие, что он жив, утаила это и вышла замуж за господина Ферро. Полковник мечтает вернуть владение своими делами и семьей, и за его дело берется стряпчий Дервиль, который вел и дело его жены. Когда он увидел, в каких условиях жил Шабер, то ужаснулся: «"И здесь живет человек, решивший исход битвы при Эйлау!" — подумал Дервиль, охватывая взглядом открывшуюся перед ним непривлекательную картину... [...]. В убогой каморке Шабера на источенном червями столе лежали раскрытые "Бюллетени великой армии", переизданные

¹⁶⁵ Бальзак О. Полковник Шабер // Собр. соч. в 10 тт. М., 1982. Т. 1. С. 257.

¹⁶⁶ Там же. С. 258.

Планше, — очевидно, единственная отрада полковника, хранившего среди этой нищеты ясное, безмятежное выражение лица»¹⁶⁷. И это не только положение Шабера, но и многих ветеранов, которых именовали «старыми обломками»: «Прохожие с первого взгляда признавали в нем прекраснейший обломок нашей старой армии, одного из тех героев, в которых отражена наша национальная слава, подобно тому как солнце сияет своими лучами в каком-нибудь осколке зеркала. Эти старые солдаты — и сама история, и сама живопись»¹⁶⁸.

В итоге он поддался уговорам жены, отказавшись от борьбы за свое состояние. Почему? У него произошел психологический надлом: «Мною неожиданно овладел новый недуг — отвращение к человечеству. Когда я вспоминаю, что Наполеон на острове Святой Елены, — все претит мне в этом мире. Я не могу более быть солдатом, вот в чем моя беда»¹⁶⁹. То есть это поколение людей с деформированной войной психикой. Как и следующее поколение, их дети, судьба которых описана Мюссе и Виньи.

¹⁶⁷ Там же. С. 264–265.

¹⁶⁸ Там же. С. 281.

¹⁶⁹ Там же. С. 296.

В результате Шабер доживал дни в доме призрения, потому что в новом мире места ему не нашлось. «Что за судьба! – воскликнул Дервиль. – Провести детство в приюте для подкидышей, умереть в богадельне для престарелых, а в промежутке меж этими пределами помогать Наполеону покорить Европу и Египет»¹⁷⁰.

Конечно, не все оказались в такой сложной ситуации. «Старые ворчуны», или «мусор», как их по-доброму называли, становились весьма уважаемыми людьми в своих местностях. Учителя, ремесленники, владельцы харчевен или мелкие земельные собственники, постепенно, с большим или меньшим успехом, они реинтегрировались в послевоенное общество¹⁷¹, как, например, полковник Дельмар, герой романа Жорж Санд «Индиана», первого произведения, подписанного ею этим псевдонимом. Роман вышел в свет в середине мая 1832 г. Его действие начинается осенью 1827 г. и завершается в конце 1831-го. Полковник Дельмар, муж Индианы, также бывший солдат Империи, старый вояка на половинном окладе. Материально он преуспел: «Он был женат на мо-

¹⁷⁰ Там же. С. 298.

¹⁷¹ *Poisson G.* Op. cit. P. 59.

лодой и красивой женщине, владел недурной усадьбой с прилегающими к ней угодьями и, сверх того, успешно вел дела на своей фабрике»¹⁷². Но психологически ситуация сходна с «мертвецом» Шабером. Он живет прошлым, ностальгируя по «дням блеска», ведь теперь «миновали дни его славы, когда он, молодой лейтенант, упивался победами на поле брани. Теперь он вышел в отставку и был забыт неблагодарным отечеством»¹⁷³. «Его воззрения ни на йоту не изменились с 1815 года. Он был заядлым противником нового строя, таким же упорным, как эмигранты Кобленца, над которыми он всегда зло посмеивался»¹⁷⁴. И он был все так же предан Наполеону: «Полковник был непоколебим в своих политических убеждениях, он не допускал нападок на любимого императора и защищал его славу со слепым упорством шестидесятилетнего ребенка. Ему стоило огромных усилий сдерживать ярость в гостинной госпожи де Карвахаль, где превозносилась только Реставрация»¹⁷⁵.

¹⁷² Санд Ж. Индиана // Собр. соч. в 14 тт. М., 1996. Т. 1. С. 46.

¹⁷³ Там же. С. 45–46.

¹⁷⁴ Там же. С. 138.

¹⁷⁵ Там же. С. 74.

Эти бывшие военные испытывали ненависть к аристократам и клерикалам, ассоциировавшимся у них с роялистами; им была присуща и «коммеморативная жестокость», а именно сохранение памяти о наиболее воинственных аспектах наполеоновской эры. Наполеоновская эпоха для них была почти исключительно связана с военной славой¹⁷⁶. Эта жестокость проявлялась в культе силы, брутальности, а «походная жизнь сделала грубость... житейским правилом»¹⁷⁷. Как пишет Жорж Санд, «выйдя в отставку, [Дельмар] стал превосходным, но строгим хозяином, перед которым трепетало все — жена, слуги, лошади и собаки»¹⁷⁸. «Эти люди, собранные воедино и направляемые могучей рукой, совершали сказочные подвиги и вырастали в гигантов в дыму битв. Но, возвратясь к мирной жизни, герои превращались в наглых и грубых солдафонов, рассуждавших и действовавших как машины. Хорошо еще, если они не вели себя в обществе как в завоеванной стране! Не они были в этом виноваты, а век, в котором они жили»¹⁷⁹. Жорж Санд составила бле-

¹⁷⁶ *Hazarresingh S. Op. cit. P. 291.*

¹⁷⁷ *Санд Ж. Индиана. С. 112.*

¹⁷⁸ Там же. С. 45.

¹⁷⁹ Там же. С. 110–111.

стящий портрет «полуокладных» офицеров, подчеркивая, что «господину Дельмару были присущи все достоинства и недостатки этих людей»: «Душевную деликатность он считал женским ребячеством и излишней чувствительностью... У него были широкие плечи, тяжелая рука, он прекрасно владел саблей и шпагой, к тому же отличался угрюмой обидчивостью. Он плохо понимал шутки, и потому ему вечно чудилось, что над ним смеются. Не умея ответить на шутку шуткой, он знал только один способ защиты: угрозами заставить шутника замолчать. Его любимые анекдоты и разговоры сводились всегда к рассказам о драках и дуэлях; вот почему соседи, упоминая его имя, обычно прибавляли эпитет "храбрый", ибо, по мнению многих, широкие плечи, большие усы, крепкая ругань и бряцание оружием по всякому поводу — неотъемлемые признаки военной доблести...»¹⁸⁰

У Жорж Санд нет апологии Наполеона; более того, по ее мнению, он исковеркал судьбу целого поколения, как и судьбу самой Франции: «Да и как защищали родину эти сотни тысяч людей, слепо осуществлявшие бредовые планы одного человека, если они сначала спасли Францию, а потом привели

¹⁸⁰ Там же. С. 111, 110.

ее к такому ужасному поражению»¹⁸¹. «Этот старый младенец ничего не понял в великой драме падения Наполеона. Он видел только военное поражение там, где одержала победу сила общественного мнения. Он непрестанно твердил о предательстве и проданной родине, как будто целая нация может предать одного человека, как будто Франция допустила, чтобы ее продали несколько генералов. Он обвинял Бурбонов в тирании и сожалел о славных днях Империи, совершенно забывая, что тогда не хватало рук для обработки земли и многие семьи сидели без хлеба... Он все еще жил во времена Ватерлоо»¹⁸².

19 июня 1833 г. в журнале «Литературная Европа» появился рассказ Оноре Бальзака «Ночной разговор, или История Наполеона, рассказанная в амбаре старым солдатом». Это повествование встретило живой интерес и его немедленно принялись перепечатывать в виде популярных брошюр тиражами до 20 тысяч экземпляров и распространять под другими названиями через уличных торговцев¹⁸³. Затем этот рассказ стал частью

¹⁸¹ Там же. С. 111.

¹⁸² Там же. С. 138–139.

¹⁸³ *Сиприо П.* Бальзак без маски. М., 2003. С. 270.

«Сельского врача», поступившего в продажу 3 сентября того же года.

Легитимист Бальзак, как и Жорж Санд, не был поклонником Наполеона. Но он стремился к славе, которую не мог обрести при Луи-Филиппе. И Наполеон для него в этом плане — персонаж показательный. Тема ностальгии по славному прошлому, представлявшемуся в идеализированном виде, — это одна из ключевых тем романтической литературы и произведений Бальзака. В «Сельском враче» он описал восприятие образа Наполеона крестьянами Дофине в конце 1820-х гг. Именно эти солдаты, вернувшиеся в свои деревни, и стали активными популяризаторами наполеоновского культа. В глухую деревню, что в 20 км от Гренобля, «ни одно политическое событие, ни одна революция не доходили до столь глухого нашего края, живущего вне социального движения. Сюда донеслось лишь имя Наполеона, ставшее у нас святыней по милости двух-трех солдат, здешних уроженцев, вернувшихся домой; целыми вечерами рассказывают они нашим простакам баснословные истории о деяниях императора и его армий»¹⁸⁴.

¹⁸⁴ Бальзак О. де. Сельский врач // Собр. соч. в 10 тт. М., 1995. Т. 8. С. 448.

В истории, рассказанной бывшим пехотинцем Гогла, ставшим сельским почтальоном, Наполеон — уже существо мифическое, он полубог, творящий чудеса: «Он множился, как пять евангельских хлебов, днем — командовал сражением, подготавливал его ночью, так что часовые только и видели, как он ходит взад и вперед, не спит и не ест. Вот солдат как уразумел эти самые чудеса, так с тех пор и стал его отцом почитать»¹⁸⁵.

Наполеон — не только полубог, он отец солдат: «А солдата он уважал, будто о родном сыне пекся, заботился: есть ли у тебя обувь, белье, шинель, хлеб, порох; а держал себя величаво, потому как его дело-то ведь и было царствовать. Но все одно! Любой сержант и даже солдат говорил ему “государь”, как вы иной раз говорите мне “другище”. И он слушал, когда ему советовали, спал, как и мы, на снегу, словом, с виду был обыкновенный человек... Не знаю, право, как это получается, но, бывало, поговорит с нами и будто жаром обдаст, и хочется нам показать ему, что мы его послушные дети, и страх нас не берет, и мы шли как ни в чем не бывало навстречу пушкам... Даже умирающие — откуда только у них силенки

¹⁸⁵ Там же. С. 553.

брались — вставали, чтобы отдать ему честь и крикнуть: “Да здравствует император!”[...] Да здравствует Наполеон, отец народа и солдата!»¹⁸⁶

Появление рассказа Бальзака в это время вовсе не случайно: он был опубликован за месяц с небольшим до водружения статуи Наполеона на Вандомской колонне. Это произошло 28 июля 1833 г., как раз в годовщину празднования «Трех славных дней». В это же время появилась пьеса Александра Дюма «Наполеон, или Тридцать лет истории Франции». Отец Дюма, Тома-Александр, с 1793 г. являлся дивизионным генералом, был назначен Наполеоном командующим кавалерией, участвовал в Египетском походе, его имя написано на южной стене Триумфальной арки, торжественное открытие которой произойдет спустя три года. Как отмечал отечественный исследователь С. Н. Искюль, впоследствии Дюма с неохотой вспоминал об этом опыте, поскольку шесть актов пьесы с их девятнадцатью картинами были громоздкими, речи персонажей слишком натянутыми. Однако в печатном издании пьеса читалась, имела определенный успех, поскольку в ней отразились малоизвестные

¹⁸⁶ Там же. С. 560, 567.

широкой публике факты наполеоновской эпопеи¹⁸⁷.

Наполеон подарил французам чувство величия, национальной гордости и славы. Герои романов Стендаля, Жюльен Сорель в «Красном и черном» (1830–1831) и Фабрицио дель Донго в «Пармской обители» (1839), жаждут славы¹⁸⁸.

Как отмечал французский исследователь Э. Керн, в поведении Жюльена Сореля то и дело проскальзывают наполеоновские жесты¹⁸⁹. С детства он мечтал о военной службе: «С самого раннего детства, после того как он однажды увидел драгун из шестого полка в длинных белых плащах, с черногривыми касками на головах — драгуны эти возвращались из Италии, и лошади их стояли у коновязи перед решетчатым окном его отца, — Жюльен бредил военной службой. Потом, уже подростком, он слушал, замирая, рассказы старого полкового лекаря о битвах на мосту Лоди, Аркольском, под Риволи и замечал

¹⁸⁷ Искюль С.Н. «Наполеон» А. Дюма: к истории издания // Дюма А. Наполеон. Пер. с франц. С. Н. Искюля. СПб., 2012. С. 6.

¹⁸⁸ Kern E. Op. cit. P. 65.

¹⁸⁹ Ibid. P. 66.

пламенные взгляды, которые старик бросал на свой крест»¹⁹⁰.

Даже если в какой-то момент он захотел стать священником, Бонапарт остался в душе Сореля навсегда, ведь мечты о человеке, который смог все, владели умами юношества: «В продолжении многих лет не было, кажется, в жизни Жюльена ни одного часа, когда бы он не повторял себе, что Бонапарт, безвестный и бедный поручик, сделался владыкой мира с помощью своей шпаги. Эта мысль утешала его в несчастьях, которые казались ему ужасными, и удваивала его радость, когда ему случалось чему-нибудь радоваться»¹⁹¹. «Исповедь» Руссо, собрание реляций Великой армии и «Мемориал Святой Елены» — «вот три книги, в которых заключался его Коран»¹⁹². Отставной лекарь обучал его тому, что сам знал, а это были итальянские походы 1796 г. Умирая, он завещал мальчику свой крест Почетного Легиона, остатки маленькой пенсии и тридцать-сорок томов книг, из

¹⁹⁰ *Стендаль. Красное и черное* // Собр. соч. в 5 т. М., 1993. Т. 1. С. 31–32.

¹⁹¹ Там же. С. 33.

¹⁹² Там же. С. 29.

которых самой драгоценной был «Мемориал Святой Елены»¹⁹³.

Свои первые победы над мадам де Реналь, первый поцелуй руки он сравнивает с наполеоновскими победами: «Да. Я выиграл битву, — сказал он себе. — Так надо же воспользоваться этим; надо раздавить гордость этого спесивого дворянина, пока он еще отступает. Так именно действовал Наполеон»¹⁹⁴.

В конце романа, когда в тюрьме Жюльен думает о самоубийстве, он вновь сверяет свои поступки с Наполеоном: «Покончить с собой! Нет, черт возьми, — решил он спустя несколько дней, — ведь Наполеон жил»¹⁹⁵.

Может быть, эти мечты о славе наиболее ярко проявились в творчестве юного поколения романтиков, Альфреда де Мюссе и Альфреда де Виньи.

«Исповедь сына века» Альфреда де Мюссе (1810–1857), где в первых главах мы видим настоящую апологию империи, была опубликована в 1835 г.¹⁹⁶ Как и другие романтики

¹⁹³ Там же. С. 27.

¹⁹⁴ Там же. С. 78.

¹⁹⁵ Там же. С. 491.

¹⁹⁶ В сентябре 1835 г. в журнале «La Revue des Deux Mondes» была опубликована вторая глава книги, а в следующем году — уже полный текст.

первой половины века, Мюссе выразил свое недовольство жизнью и меланхолию, обращаясь к периоду в истории своей родины, когда она сотрясала мир и им управляла.

Родившийся в 1810 г., Мюссе едва помнил Империю. Он так описывает свое поколение: «Во время войн Империи, когда мужья и братья сражались в Германии, встревоженные матери произвели на свет пылкое, болезненное, нервное поколение. Зачатые в промежутке между двумя битвами, воспитанные в коллежах под бой барабанов, тысячи мальчиков хмуро смотрели друг на друга, пробуя свои хилые мускулы. Время от времени появлялись их отцы; обгаренные кровью, они прижимали детей к расшитой золотом груди, потом опускали их на землю и снова садились на коней»¹⁹⁷.

При этом вся эта эпоха, все пятнадцатилетие нового века, сводилось для Мюссе к одному-единственному человеку: «Один только человек жил тогда в Европе полной жизнью. Остальные стремились наполнить свои легкие тем воздухом, которым дышал он. Каждый год Франция дарила этому человеку

¹⁹⁷ Мюссе А., *де. Исповедь сына века*: роман, новеллы, пьесы: Пер. с фр. В. А. Мильчиной. М., 1988. С. 29.

триста тысяч юношей. То была дань, приносимая Цезарю, и если бы за ним не шло это стадо, он не мог бы идти туда, куда его вела судьба. То была свита, без которой он не мог бы пройти через весь мир, чтобы лечь потом в узенькой долине пустынного острова под сенью плакучей ивы»¹⁹⁸. Это будет характерно и для последующей исторической науки: весь этот период в истории Франции и Европы сводился к истории Наполеона.

Мюссе показывает тень и свет этой эпопеи: «Никогда еще люди не проводили столько бессонных ночей, как во времена владычества этого человека. Никогда еще такие толпы безутешных матерей не стояли у крепостных стен. Никогда такое глубокое молчание не царило вокруг тех, кто говорил о смерти. И вместе с тем никогда еще не было столько радости, столько жизни, столько воинственной готовности во всех сердцах. Никогда еще не было такого яркого солнца, как то, которое осушило все эти потоки крови. Некоторые говорили, что бог создал его нарочно для этого человека, и называли его солнцем Аустерлица. Но нет, он создавал его сам непрерывным грохотом своих пушек, и

¹⁹⁸ Там же. С. 30.

облака появлялись лишь на другой день после сражений»¹⁹⁹.

В то же время, Мюссе не осуждает эксцессы войн и их последствия для Франции и всего мира, войну и ее жертвы он идеализирует: «Вот этот-то чистый воздух безоблачного неба, в котором сияло столько славы, где сверкало столько стали, и вдыхали дети. Они хорошо знали, что обречены на заклятие, но Мюрата они считали неуязвимым, а император на глазах у всех перешел через мост, где свистело столько пуль, казалось, он не может умереть. Да если бы и пришлось умереть? Сама смерть в своем дымящемся пурпурном облачении была тогда так прекрасна, так величественна, так великолепна! Она так походила на надежду, побеги, которые она косила, были так зелены, что она как будто помолодела, и никто больше не верил в старость. Все колыбели и все гробы Франции стали ее щитами. Стариков больше не было, были только трупы или полубоги»²⁰⁰.

Несмотря на то, что эти дети не знали войны, а, может, именно поэтому, они жили только представлениями о ней: «И тогда на

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Там же.

развалинах мира уселась встревоженная юность. Все эти Дети были каплями горячей крови, затопившей землю. Они родились в чреве войны и для войны. Пятнадцать лет мечтали они о снегах Москвы и о солнце пирамид. Они никогда не выходили за пределы своих городов, но им сказали, что через каждую заставу этих городов можно попасть в одну из европейских столиц, и мысленно они владели всем миром»²⁰¹.

Однако Мюссе ждало разочарование, ведь эпоха величия и славы прошла, а война осталась в прошлом: «Подобно тому как путник идет день и ночь под дождем и под солнцем, не замечая ни опасностей, ни утомления, пока он в дороге, и, только оказавшись в кругу семьи, у очага, испытывает беспредельную усталость и едва добирается до постели, — так Франция, вдова Цезаря, внезапно ощутила свою рану. Она ослабела и заснула таким глубоким сном, что ее старые короли, сочтя ее мертвой, надели на нее белый саван. Старая поседевшая армия, выбившись из сил, вернулась домой, и в очагах покинутых замков вновь зажглось унылое пламя»²⁰². И эти дети «смотрели на землю, на небо, на

²⁰¹ Там же. С. 31–32.

²⁰² Там же. С. 31.

улицы и дороги: везде было пусто — только звон церковных колоколов раздавался где-то вдали»²⁰³.

Книга Альфреда де Виньи (1797–1863) «Неволя и величие солдата» вышла в 1835 г.²⁰⁴ Виньи — последний отпрыск древнего аристократического рода; его дед, отец и дядя были военными. К моменту падения Империи он был уже 17-летним юношей. Он так писал о годах своего ученичества: «В последние годы Империи я был легкомысленным лицеистом. Война все перевернула в лицее, барабанный бой заглушал для меня голос наставников, а таинственный язык книг казался нам бездушной и нудной болтовней. Логарифмы и тропы были в наших глазах лишь ступенями, ведущими к звезде Почетного Легиона, которая нам, детям, представлялась самой прекрасной из всех небесных звезд»²⁰⁵.

²⁰³ Там же. С. 32.

²⁰⁴ *Vigny A., de. Servitude et grandeur militaire. P., 1835.*

²⁰⁵ *Виньи А.В. Неволя и величие солдата. Издание подготовили Б. Г. Реизов, А. М. Шадрин, А. А. Энгельке. Перевод, биографический очерк и примечания А. А. Энгельке. Статья Б. Г. Реизова. Л., 1968. С. 10.*

Война владела всеми помыслами юношей: «Ни одна рассудительная мысль не могла надолго овладеть нашими умами, взбудораженными непрерывным громом пушечной пальбы и гулом колоколов, которые отзванивали *Te Deum!* Стоило одному из наших братьев, недавно выпущенному из лицея, появиться среди нас в гусарском доломане и с рукой на перевязи, как мы тотчас же стыдились наших книг и швыряли их в лицо учителям. Да и сами учителя без усталости читали нам бюллетени Великой армии и наши возгласы «Да здравствует Император!» прерывали толкование текстов Тацита и Платона. Наши наставники походили на герольдов, наши классы — на казармы; наши рекреации напоминали маневры, а экзамены — войсковые смотры»²⁰⁶.

Именно тогда у молодежи зародилась непреодолимая тяга к славе и победам: «И вот с той поры во мне вспыхнула особенно ярко поистине необузданная любовь к военной славе; страсть моя оказалась тем более пагубной, что именно в это время Франция, как я уже говорил, начинала от нее излечиваться»²⁰⁷.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Там же.

Сразу после установления режима Реставрации Виньи поступил в Конную роту Королевских жандармов личного эскорта короля, а после Ста дней был зачислен в 5-й пеший гвардейский полк, где в 1822 г. получил чин лейтенанта; в 1823 г. переведен в 55-й линейный полк с чином капитана. Однако наступило разочарование, ведь Бурбоны, вернувшиеся на трон, не могли реализовать потребность в военной славе: «Лишь гораздо позднее я обнаружил, что вся моя служба в армии не что иное, как длительное заблуждение, и что я, обладая чисто созерцательной натурой, приобщился к жизни, требовавшей прежде всего деятельности. Но я шел по стопам поколения эпохи Империи, которое было рождено вместе с нашим веком и к которому принадлежал я сам»²⁰⁸.

Эта молодежь, сама не прошедшая войну, во многом ее идеализировала и воспринимала как норму жизни: «Война представлялась нам столь естественным состоянием для нашей страны, что, когда мы, привычно повинаясь нашему бурному влечению, прямо со школьной скамьи устремились в ряды армии, мы не могли поверить в длительный, ничем не возмутимый мир. [...] С каждым

²⁰⁸ Там же.

годом появлялась надежда на то, что война все-таки начнется, и мы не осмеливались расстаться со шпагой, опасаясь, как бы день нашего ухода в отставку не стал кануном выступления в поход. Мы тянули лямку и теряли таким образом драгоценные годы, мечтая о полях сражений во время смотров на Марсовом поле и растрачивая свою кипучую и бесполезную энергию в показательных учениях и в ссорах друг с другом»²⁰⁹. В 1827 г. по состоянию здоровья он вышел в отставку.

Не меньшим, если не большим создателем «наполеоновской легенды» был Пьер-Жан Беранже, чьи стихи, становившиеся песнями, сразу шли в народ. Первоначально они становились известны в устном исполнении, и нередко проходили годы между их созданием и первой публикацией²¹⁰. Как и другие творцы поколения романтиков, Беранже при-

²⁰⁹ Там же. С. 10–11.

²¹⁰ При жизни поэта вышло несколько сборников его песен: «Песни нравственные и другие» (1815); «Песни» (1821) и «Новые песни» (1829) — последние два издания сопровождалось судебными процессами; новый сборник песен вышел в 1833 г. Последняя небольшая прижизненная публикация песен относится к 1847 г.

ветствовал в наполеоновской эпопее эпический момент национальной истории как символ поиска свободы и оппозиции королевской власти. Скорее, именно протест против монархии Бурбонов, нежели восхищение Наполеоном вдохновлял его писать песни об императоре. Такова, например, «Белая кокарда»:

День мира, день освобожденья,
О, счастье! мы побеждены!..
С кокардой белой, нет сомненья,
К нам возвратилась честь страны²¹¹.

Или «Старый сержант»:

Что же слышит он вдруг?
Бьют вдали барабаны.
Там идет батальон! К сердцу хлынула кровь...
Проступает на лбу шрам багряный от раны.
Старый конь боевой шпоры чувствует вновь!
Но увы! Перед ним ненавистное знамя!..
Говорит он со вздохом, печален и строг:
«Час придет! За отчизну сочтемся с врагами!..
Смерть хорошую, дети, пусть подарит вам бог!»²¹²

²¹¹ Беранже П.-Ж. Песни. Барбье О. Стихотворения. Дюпон П. Песни // Библиотека всемирной литературы. Серия вторая. Т. 69. М., 1976. С. 98.

²¹² Там же. С. 186.

Ностальгия по славным годам императорской Франции в полной мере проявилась в песне «Старое знамя»:

На днях — нет радостней свиданья! —
Я разыскал однополчан,
И доброго вина стакан
Вновь оживил воспоминанья
Мы не забыли ту войну,
Сберег я полковое знамя.
Как выцвело оно с годами!
Когда ж я пыль с него стряхну?²¹³

Это стремление «стряхнуть пыль» со знамени и вновь ввязаться в бой, вновь развернуть знамя на Рейне — доминирующее чувство французов. Даже несмотря на то, что Наполеон умер, народ верит в его возвращение, как, например, в «Народной памяти»:

— Вот он! Увезли героя
И венчанную главу
Он сложил не в честном бое —
На песчаном острове.
Долго верить было трудно...
И ходил в народе слух,
Что какой-то силой чудной
К нам он с моря грянет вдруг²¹⁴.

²¹³ Там же. С. 149.

²¹⁴ Там же. С. 208. По мнению Э. Керна, песни Беранже также подготавливали приход к вла-

Середина 1830-х гг. — это время широко-го наполеоновского культа, апофеозом которого стало возвращение праха императора. У Стендаля был свой проект могилы для Наполеона: «В наше время, когда нет уже Микеланджело, надо с осторожностью прибегать к тому, чтобы прислушиваться к голосу общественного мнения. Вот мое предложение: воздвигнуть круглую башню высотой в 150 шагов и 100 шагов в диаметре, как у могилы Адриана (замка Святого Ангела) в Риме»²¹⁵.

Этому грандиозному событию предшествовало и литературное прославление. В самом начале 1840 г. вышла новая книга Александра Дюма — не театральная драма, а проза «Наполеон», основанная на воспоминаниях уже покойного к тому времени отца-генерала, его сослуживцев и немногих собственных воспоминаний с добавлением того, что уже было опубликовано во Франции²¹⁶. «Наполеон» — это не художест-

сти Луи-Наполеона Бонапарта. См.: Kern E. Op. cit. P. 80.

²¹⁵ *Stendhal*. Napoléon. Mémoires sur Napoléon. P., 1929. P. II.

²¹⁶ *Искуль С.Н.* «Наполеон» А. Дюма: к истории издания. С. 7.

венное произведение, а «жизнеописательная биография». Здесь нет ярких образов, психологических наблюдений, это, скорее, повествование историка, при этом сугубо оправдательное.

Виктор Гюго описал это событие в «Посмертных записках», назвав его «монументальной галиматьей». Но так он выразил свое отношение к самой церемонии, а Наполеону посвятил поэму «Возвращение императора»²¹⁷. В оригинале поэма занимает более сорока страниц, а в переводе Валерия Брюсова это весьма короткое стихотворение.

Бывало, города смирял ты без усилия.
Мадрид и Ратисбон, Варшава и Севилья,
Неаполь пламенный и Вена пред тобой,
О Цезарь! падали. Ты лишь наморщишь брови,
И ступит гвардия: при кликах славословий
Победой кончен бой!

Гюго вспоминает великие победы и завоевания Наполеона:

Одним сражением, как роковой десницей,
Ты повергал во прах столицу за столицей.
Шум Иены прогремел, — и гордую главу
Склонил Берлин; вели тебя неутомимо

²¹⁷ Hugo V. Le Retour de l'Empereur. P., 1840.

Аркола в Мантую, Маренго — в стены Рима,
Бородино — в Москву!

Однако труднее всего оказалось завое-
вать Париж, и удалось это сделать Наполео-
ну только после смерти:

Завоевать Париж — труднее! град священный
Победы требовал великой, несравненной.
Блистательная цель усилий крайних, он
Тогда лишь уступил, когда венец лавровый
Вновь увенчал тебя, как знак победы новой, —
В стране, где Смерти трон²¹⁸.

Чтоб покорить Париж, ты должен был из гроба
Завоевать умы, торжествовать над злобой,
Европы сделаться и сердцем и душой,
И перед миром встать, в своем величьи строгом,
Каким-то призраком, почти что полубогом,
Иль тенью неземной!²¹⁹

И завершается поэма настоящим прослав-
лением императора:

О солнце наших дней! Все звезды вихрем света
Ты должен был затмить: сиянье Лафайэта
И пламя Мирабо! и, разогнав туман,

²¹⁸ Торжественный привет. Стихи зарубежных поэтов в переводе Валерия Брюсова. М., 1977. С. 104.

²¹⁹ Там же. С. 104.

Из отдаленных стран подняться величаво,
Где славу вечную смешал с твоею славой
Безмерный океан²²⁰.

К проблеме ветеранов войны, «полукладных», в это время обратился Проспер Мериме, родившийся в 1803 г. и заставший Империю ребенком. 1 июля 1840 г. в журнале «La Revue des Deux Mondes», а потом отдельным томом была опубликована повесть «Коломба». Главный герой, офицер Орсо делла Реббиа, сын полковника, уволенного с половинным окладом и убитого на Корсике, прибыл на остров, где ему предстояло направить свою энергию в русло кровной мести. «Меня отставили с половинным жалованьем за то, должно быть, что я был под Ватерлоо и что я земляк Наполеона. Я возвращаюсь домой без надежд, без денег, как говорит песня»²²¹. Он был под Ватерлоо, несмотря на свою молодость; это была его единственная кампания, ведь в последний призыв Наполеон набирал 15-летних.

Юная англичанка, мисс Лидия, дочь английского военного, прибывшая с отцом на

²²⁰ Там же. С. 105.

²²¹ Мериме П. Коломба // Собр. соч. в 4-х тт. М., 1983. Т. 2. С. 315.

остров как туристка, первым делом посетила дом Бонапарта (ведь для англичан Наполеон – враг предпочитаемый: он был великий и они его победили), побывала в комнате, где он родился, и даже «более или менее безгрешными средствами» достала себе клочок от обоев из этой комнаты²²².

В 1839–1846 гг. Стендаль пишет «Пармскую обитель». Наполеон – преемник Цезаря и Александра: «15 мая 1796 года генерал Бонапарт вступил в Милан во главе молодой армии, которая прошла мост у Лоди, показав всему миру, что спустя много столетий у Цезаря и Александра появился преемник». «Чудеса отваги и гениальности, которым Италия стала свидетельницей, в несколько месяцев пробудили от сна весь ее народ; еще за неделю до вступления французской армии жители Милана видели в ней лишь орду разбойников, привыкших убегать от войск его императорского и королевского величества, – так по крайней мере внушала им трижды в неделю миланская газетка, выходившая на листке дрянной желтой бумаги величиною с ладонь»²²³.

²²² Там же. С. 325.

²²³ *Стендаль. Пармская обитель*. Пер. Н. Немчиновой. СПб.-М., 2018. С. 9.

* * *

Акция Луи-Филиппа по перезахоронению останков Наполеона не способствовала его популярности; более того, сравнения с императором были явно не в его пользу. Как мы помним, начало Реставрации было ознаменовано появлением работы Шатобриана, создателя «черной легенды». Он же подвел итоги Июльской монархии, но теперь уже создав «золотую легенду». Луи-Филипп потерял власть в результате Февральской революции 1848 г., а Шатобриан умер 4 июля того же года. Согласно его воле, «Замогильные записки», к работе над которыми он приступил еще в начале 1810-х гг. и которые приобрели свои очертания в 1830-е гг., подлежали публикации после его смерти. Если в работе «Бонапарт и Бурбоны» мы видим жесткую критику «ошибок глупца» и «преступника», то в «Замогильных записках» — уже восхваление нового Александра. Теперь уже перед нами активный создатель и популяризатор «золотой легенды». Он не то, чтобы забыл о том, что писал о Наполеоне раньше. Теперь он его оправдывает, точнее, объясняет, почему ему многое прощается. И не только им, Шатобрианом, но нацией как таковой. По словам писателя, французы старались не вспоминать, что Франция в итоге потерпела

сокрушительное поражение, и помнили лишь о былых победах: «Дабы не признавать, что по вине Бонапарта территория Франции и ее могущество уменьшилось, нынешняя молодежь утверждает, что, если силы наши его стараниями ослабли, слава лишь окрепла. «Разве молва о нас не гремит во всех уголках земли, — говорят они, — разве неправда, что на всех широтах французов и боятся, и на них равняются, перед ними заискивают?»²²⁴

Все годы революционного и наполеоновского лихолетья, все неисчислимые жертвы были компенсированы в глазах французов славой, которой их покрыл Наполеон. Спустя более чем столетие об этом же скажет генерал де Голль в беседе с Андре Мальро: «Он оставил Францию меньшей, чем он ее нашел, это так... Но это как с Версалем: его надо было создавать. Нельзя торговать величием»²²⁵.

Кроме того, для молодого поколения французов Наполеон являлся примером *self made man*, человека, который сам себя сделал. Шатобриан писал: «...чудесные победы

²²⁴ Шатобриан Ф. Р. де. Указ. соч. С. 322.

²²⁵ Malraux A. Les chenes qu'on abat. P., 1971. P. 102.

наполеоновской армии покорили воображение молодежи, научив ее преклонению перед грубой силой. Неслыханный успех Бонапарта вселил в каждого дерзкого честолюбца надежду подняться до тех же высот»²²⁶.

Как и другие писатели-романтики, Шатобриан отмечал, что немало способствовал популярности императора и печальный финал его жизни. По его словам, «чем больше узнавали французы о муках, которые Наполеон претерпел на Святой Елене, тем больше смягчались их сердца; воспоминания о тирании постепенно изглаживались из нашей памяти, уступая место образу полководца, сначала побеждавшего наших врагов, а затем, когда они, впрочем по его вине, ступили на нашу землю, защищавшего нас от них; мы воображаем, что, будь он жив сегодня, он избавил бы нас от теперешнего позора: невзгоды возвратили его известность, несчастья умножили его славу»²²⁷.

* * *

Несмотря на то что популярность имени Наполеона и «наполеоновская легенда» не означали популярности бонапартизма как

²²⁶ Шатобриан Ф. Р. де. Указ. соч. С. 321.

²²⁷ Там же.

политического течения, в 1848 г. легенда и имя Наполеона были использованы бонапартистами, чтобы избрать своего кандидата, Луи-Наполеона, президентом Республики. 2 декабря 1851 г. племянник Наполеона совершил государственный переворот, а ровно год спустя в результате плебисцита во Франции была восстановлена империя.

Именно в годы Второй империи создает свою апологию Наполеона Виктор Гюго. В 1852 г. Луи-Наполеон, заклейменный писателем «Наполеоном малым», отправил Гюго в ссылку. В Великобритании, на острове Джерси, он начинает писать «Отверженных».

В 1861 г. Гюго отправился на поле Ватерлоо, посетил все места, связанные с битвой²²⁸. В «Отверженных», появившихся в 1862 г., в конце знаменитой главы, посвященной Ватерлоо, Гюго подвел итог наполеоновской эпопеи: «Его личность сама по себе значила больше, чем все человечество в целом». Однако «избыток жизненной силы человечества, сосредоточенной в одной голове, целый мир, представленный в конечном счете мозгом одного человека, стали бы губительны для цивилизации, если бы такое

²²⁸ *Demougin J. Op. cit. P. 20*

положение продолжалось»²²⁹. Поэтому «победа Бонапарта при Ватерлоо уже не входила в расчеты XIX века. Готовился другой ряд событий, где Наполеону не было места»²³⁰.

Гюго обращает внимание на огромные жертвы, принесенные Наполеоном на алтарь своей славы, поэтому поражение при Ватерлоо для него закономерно: «Дымящаяся кровь, переполненные кладбища, материнские слезы — все это грозные обвинители. Когда мир страдает от чрезмерного бремени, мрак испускает таинственные стенания и бездна им внемлет. На императора вознеслась жалоба небесам, и падение его было предрешено». Наполеон, по словам Гюго, «мешал богу», а «чрезмерный вес его в судьбе народов нарушал общее равновесие»²³¹.

Наполеон, по мнению Гюго, «и возвысил и унизил человека»²³². Он превратил народ в «пушечное мясо, влюбленное в своего канонира». При этом, как и многие другие, Гюго подчеркивал, что солдаты отказывались

²²⁹ Гюго В. Отверженные. Пер. Д. Лившиц, Н. Коган, Н. Эфрос, К. Локса, М. Вахтеревой, В. Левики. СПб., 2013. С. 299.

²³⁰ Там же. С. 298.

²³¹ Там же. С. 299.

²³² Там же. С. 317.

верить в его смерть: «Где он? Что он делает? "Наполеон умер", — сказал один прохожий инвалиду, участнику Маренго и Ватерлоо. "Это он — да умер? — воскликнул солдат. — Много вы знаете!" Народное воображение обожествляло этого поверженного во прах героя»²³³.

Как и Шатобриан, и Стендаль, Гюго любит своего героя в его поражении, прославляя трагического героя, вспоминая Александра Великого, Юлия Цезаря и Ганнибала, которые тоже познали трагический финал²³⁴. «Поражение возвеличило пораженного. Бонапарт в падении казался выше Наполеона в славе»²³⁵. Торжествовавшим же победу он внушал страх: «Англия приказала сторожить Бонапарта Гудсону Лоу. Франция поручила следить за ним Моншеню. Его спокойно скрещенные на груди руки внушали тревогу тронам. Александр прозвал его: "моя бессонница". Страх внушало им то, что было в нем от революции. [...] Королям не любо было и царствовать, когда на горизонте маячила скала св. Елены»²³⁶.

²³³ Там же.

²³⁴ Kern E. Op. cit. P. 68.

²³⁵ Гюго В. Отверженные. С. 318.

²³⁶ Там же.

Сама же битва при Ватерлоо, убежден писатель, изменила облик вселенной. «Ватерлоо — это стержень, на котором держится XIX век. Исчезновение великого человека было необходимо для великого столетия»²³⁷. При этом Гюго очень точно описал послевоенную психологическую ситуацию: «Фон Европы после Ватерлоо стал мрачен. С исчезновением Наполеона долгое время ощущалась огромная, зияющая пустота»²³⁸. Наполеон стал кумиром молодежи. Однако, отмечает писатель, «странное явление — увлекались одновременно и будущим — Свободой, и прошедшим — Наполеоном»²³⁹.

Как показала история, имя Наполеона Бонапарта и в дальнейшем не утратило своего магнетизма. И уже не столь важно, идет ли речь о реальном историческом персонаже или мифе, образе, созданном писателями и поэтами-романтиками. Как писал Шатобриан, «мир принадлежит Бонапарту; то, чего не успел захватить сам деспот, покорила его слава; при жизни он выпустил мир из рук, но после смерти вновь завладел им. Говорите, что хотите — никто не станет вас слушать.

²³⁷ Там же. С. 307.

²³⁸ Там же. С. 317.

²³⁹ Там же. С. 318.

[...] Ныне Бонапарт уже не реальное лицо, но персонаж легенды, плод поэтических выдумок, солдатских преданий и народных сказок; это Карл Великий и Александр, какими изображали их средневековые эпопеи. Этот фантастический герой затмит всех прочих и пребудет единственно реальным»²⁴⁰. Эти слова, написанные почти двести лет назад, вполне применимы и к дню сегодняшнему. Граница между Наполеоном Бонапартом, реальной исторической фигурой, и художественным образом стерлась, но его имя продолжает будоражить умы...

²⁴⁰ Шатобриан Ф.Р. де. Указ. соч. С. 324.

Глава 3
**Наполеон в политической культуре
Франции: от Луи-Наполеона
до Эммануэля Макрона**

Наполеон в исторической памяти:
между Второй и Пятой республиками

Как уже отмечалось, в очередной раз «наполеоновская легенда» сработала уже после революции 1848 г. Луи-Наполеон вновь воспользовался ситуацией, и на этот раз ему сопутствовала удача. Революция освободила из тюрем политических заключенных, в том числе и сторонников Бонапарта, сразу же развернувших широкую кампанию в пользу своего лидера, обеспечив ему на майских выборах 1848 г. избрание в Учредительное собрание сразу от четырех департаментов. Уже через два месяца его кандидатура была выдвинута на пост президента республики, и на выборах 10 декабря 1848 г. он получил более 74 % голосов, оставив далеко позади всех других претендентов.

Бонапартисты умело использовали ностальгические настроения крестьянства в предвыборной кампании своего вождя. Дельфина де Жирарден писала в 1836 г., еще после первой попытки Луи-Наполеона захватить власть: «Сын героя (под героем имеет в виду Наполеона. — Н. Т.) может ему наследовать, ибо на него переходит часть отцовской славы, однако до племянников лучи этой славы не достягают. Герцога Рейхштадтского законным наследником престола делало не право, а власть воспоминаний. Увы, власть эта умерла вместе с ним, и родственникам ее не воскресить»²⁴¹. Оказалось, эта власть воспоминаний вовсе не умерла. 2 декабря 1852 г. принц-президент Луи-Наполеон был провозглашен императором французов под именем Наполеона III.

Култ Наполеона в годы Второй империи приобретает вычурные формы. Самый яркий пример — это картина «Апофеоз Наполеона I», написанная Жаном Огюстом Домиником Энгром в 1853 г. для потолка императорского салона в парижской Ратуше. Картина погибла в мае 1871 г. во время пожара в здании. В 1854 г. Наполеон инициировал публикацию переписки своего дяди, исключив

²⁴¹ Жирарден Д. де. Указ. соч. С. 56.

документы, которые могли спровоцировать полемику.

В конце 1840-х – начале 1850-х ветераны еще были среди самых активных сторонников «наполеоновской легенды». Их культура не ограничивалась частной сферой: во время выборов 1848 г., многие кандидаты вписывали в свои программы заслуги своих отцов в наполеоновских кампаниях²⁴². Хотя далеко не все ветераны были бонапартистами, большинство из них не являлись противниками Второй империи. В 1857 г. Наполеон III их отблагодарил, выпустив медаль Святой Елены. Она полагалась всем ветеранам войн Революции и Империи, сражавшимся под французскими знаменами между 1792 и 1815 гг., не важно, были ли они французами или иностранцами. Эта бронзовая медаль должна была носиться в бутоньерке с зеленой и красной лентами. В 1857 г. за медалью пришло 390 тыс. человек – весьма большая цифра, объясняемая юностью солдат в конце Империи²⁴³.

Как и при Июльской монархии, память о Наполеоне соотносилась с запросами дня. В 1869 г. Наполеон III, опасаясь, как бы

²⁴² Hazareesingh S. Op. cit. P. 294.

²⁴³ Poisson G. Op. cit. P. 60.

слишком грандиозное празднование столетнего юбилея со дня рождения его дяди не затмило его собственную звезду, устроил весьма скромные торжества. Еще одной причиной того, что празднование прошло без ожидаемой помпы, была либерализация политики Наполеона III. В целом, по словам К. Модюи, политический опыт Второй империи, «цезаризм под прикрытием бонапартизма», ограничивал Наполеона легендой²⁴⁴.

С установлением Третьей республики в 1875 г. память о Наполеоне приобретает иной характер. Республика апеллировала к «народному императору» для подъема национального духа и возрождения воспоминаний о национальной славе после поражения во франко-германской войне 1870–1871 гг.²⁴⁵ Молодые французы должны стать солдатами реванша. Реваншистский дух 1870-х гг. дал новый импульс культу Наполеона, даже если бонапартистской пропаганде не удалось смыть пятно поражения Наполеона III при Седане, как это было сделано в случае с Ватерлоо.

Как и предыдущие режимы, Республика приспособляла к своим задачам

²⁴⁴ *Mauduit X. Op. cit. P. 271.*

²⁴⁵ *Ibidem.*

легендарные страницы императорской эпопеи и использовала образ Наполеона в качестве «архетипа спасителя», говоря словами Жана Тюлара²⁴⁶. Наполеон — национальный герой. Он восстановил порядок после революционного хаоса; администратор и сторонник сильной власти, он создал учреждения, используемые на протяжении всего XIX века. Он воплощает величие Франции и поэтому универсален. В 1900 г. Эдмон Ростан (1868–1918) своей драмой «Орленок», императорской сагой в шести действиях, получившей широкое признание критики, придал новый импульс легенде.

Что касается ветеранов, то в 1901 г. один французский журналист отправился в Варшаву, где в возрасте 106 лет жил последний участник Наполеоновских войн, Венсан Маркевич. Он действовал в наполеоновских кампаниях с 1811 г., был в России, участвовал в Бородинском сражении, Лейпцигской битве, был награжден Орденом Почетного

²⁴⁶ По словам Ж. Тюлара, «Наполеон проторил дорогу Кавеньяку, Луи Наполеону Бонапарту, Тьеру, Петену и де Голлю [...] Наполеон — прообраз «спасителей», которыми, как вехами, отмечена история Франции XIX–XX веков». Тюлар Ж. Указ. соч. С. 350.

легиона, состоял в свите Наполеона на Святой Елене, а после его смерти вернулся в Европу, служил в русской армии в Царстве Польском в 1820-е, потом десять лет обитал во Франции, где участвовал в бонапартистских заговорах. Затем была Венгрия, Османская империя и армия Джузеппе Гарибальди. По словам С. Хазарисингха, было весьма символично то, что последний живой свидетель и участник императорской военной эпопеи был поляком. Это, по мнению историка, является доказательством не только универсализма «наполеоновской легенды», но и свидетельством идеологической трансформации Европы после 1815 г., а именно распространения идей свободы и национально-го освобождения на весь континент²⁴⁷.

Легенда затихла к концу века вместе со смертью последних ветеранов. Но с этого момента память о Наполеоне была инкорпорирована в политическую культуру Франции, и республиканцы не могли ее не использовать²⁴⁸. Начиная с Адольфа Тьера свидетельства современников уступают место работам историков, хотя императорская мифология затрудняет объективное изучение

²⁴⁷ Hazareesingh S. Op. cit. P. 317–318.

²⁴⁸ Ibid. P. 323.

Наполеона. Университет очень осторожно приобщается к этой проблематике посредством работы Альфонса Олара «Наполеон I и университетская монополия: происхождение и функционирование императорского Университета»²⁴⁹. В целом, в историографии Империи еще доминирует жанр биографии.

Как и прежде, Третья республика организовывала официальные памятные мероприятия, адаптируя наследие Наполеона к потребностям дня. Однако, по словам С. Хазарисингха, в 1904 г., в год столетнего юбилея Империи, республика, возглавляемая радикал-социалистами, предпочла прославлению памяти Наполеона «сердечное согласие» с Великобританией. Однако она изменила свой взгляд на него после окончания Первой мировой войны, в ходе празднования столетнего юбилея со дня смерти Бонапарта, черпая в наполеоновской эре воспоминания для освящения героических жертв французов во время войны²⁵⁰. В 1921 г. была выпущена медаль по поводу столетия смерти императора, однако в последующие годы медали

²⁴⁹ Aulard A. Napoléon Ier et le monopole universitaire: origines et fonctionnement de l'Université impériale. P., 1911.

²⁵⁰ Hazareesingh S. Op. cit. P. 13.

не выпускались; мода на них возродилась только в 1950-е гг.²⁵¹

Столетие смерти Наполеона было отмечено не только многочисленными публикациями. Режиссер Абель Ганс (настоящее имя — Эжен Александр Перетон), один из родоначальников французского кино, решил создать фильм о Наполеоне²⁵². При этом генералом Бонапартом он интересовался больше, чем императором Наполеоном. Генерал — это продолжатель Революции, отвергавший ее крайности; это харизматичный супергерой, восстановивший порядок и установивший сильную власть. Немой фильм «Наполеон» вышел на экраны в 1927 г., а в 1935 г. Ганс сделал звуковой вариант фильма.

С возникновением тоталитарных режимов в XX веке появился новый взгляд на Наполеона. Джордж Оруэлл в «Скотном дворе» вывел образ Наполеона-борова, устанавливающего тоталитарный порядок. То есть Оруэлл вписывает Наполеона в семью диктаторов XX века.

²⁵¹ *Poisson G. Op. cit. P. 62.*

²⁵² В 1897 г. братья Люмьер сняли «Свидание Наполеона и папы», открывшее непрерывный цикл фильмов о Наполеоне, из которых фильм А. Ганса стал самым известным.

В 1927 г., когда на экраны вышел фильм Абеля Ганса, немецкий публицист Вернер Хегеман констатировал, что немцы очарованы Наполеоном. Неудивительно, что Наполеон как образец сильной личности был взят на вооружение идеологами фашизма и национализма. При этом у немцев Наполеон вызывал двойственные чувства: не только притяжение и очарование, но и ненависть. Наполеон – великий человек, объединивший свой народ, но нанесший поражения немцам и итальянцам. Но немцы его победили, и эта победа способствовала их национальному единению. В период между двумя мировыми войнами победа над Наполеоном в 1815 г. напоминала, что реванш над Францией за поражение в Первой мировой войне был возможен²⁵³.

С конца 1920-х гг. начинают выходить сравнительные биографии Наполеона и Гитлера²⁵⁴. В 1941 г. Филипп Бюлер, шеф партийной канцелярии, написал биографию Наполеона «Гениальный Наполеон – светящийся след кометы», в которой Гитлер рас-

²⁵³ *Mauduit X.* Op. cit. P. 275.

²⁵⁴ Одна из последних работ: *Seward D.* Napoleon and Hitler: a comparative biography. London, 1988.

сма­три­вал­ся как про­дол­жа­тель На­по­ле­о­на. Од­на­ко вс­ко­ре кни­гу при­ш­ло­сь из­ять из про­да­жи по при­чи­не на­пра­ши­вав­ших­ся не­же­ла­тель­ных па­рал­лелей: бес­сла­вное от­сту­п­ле­ние На­по­ле­о­на из Рос­сии и ро­ко­вое по­ра­же­ние²⁵⁵. В це­лом же, спра­вед­ли­во за­ме­ча­ние Тьер­ри Лен­ца о том, что та­кие срав­не­ния про­сто без­ум­ны²⁵⁶. Как пи­шет Ан­ни Жур­дан, по­рой ав­то­ры та­ких ра­бот до­хо­дят до аб­сур­да в сво­их срав­не­ниях: оба бы­ли ино­стран­ца­ми в сво­их стра­нах; оба бы­ли не­бо­ль­шо­го ро­ста (К. Мо­д­юи в за­клю­че­нии сво­ей кни­ги спе­ци­аль­но по­свя­тил это­му во­про­су от­дель­ный пас­саж, от­ме­тив, что рост На­по­ле­о­на, 168 см, был сред­ним для то­го вре­ме­ни²⁵⁷); у обо­их был хо­ле­ри­че­ский тем­пе­ра­мент; как и Гит­лер, Бо­на­парт не вы­но­сил про­ти­во­ре­чий и под­чи­нил мир же­лезом и кро­вью²⁵⁸. А Тьер­ри Ленц и­ро­ни­чно до­ба­в­ля­ет, что ав­то­ры та­ких срав­ни­тель­ных био­гра­фий за­бы­ли ука­зать, что На­по­ле­он и Гит­лер не

²⁵⁵ *Воронаев С.* Энциклопедия Третьего рейха. М., 2005. Р. 95.

²⁵⁶ *Lentz T.* Napoléon et la France. P., 2015. P. 196–199.

²⁵⁷ *Mauduit X.* Op. cit. P. 281.

²⁵⁸ *Jourdan A.* Mythes et légendes de Napoleon. P. 12.

любили холод и ненавидели показываться обнаженными!²⁵⁹

Поражение Франции в 1940 г. совпало со столетием перемещения останков Наполеона со Святой Елены. Нацисты использовали этот юбилей, чтобы организовать возвращение в Париж останков Орленка, погребенного в Вене²⁶⁰. Как в свое время Луи-Филипп, Гитлер тоже хотел совершить этот символический акт, дабы польстить самолюбию французов. Однако, как и Луи-Филиппу, ему это не особенно помогло. В условиях оккупации и поражения память о наполеонидах больше не прельщала французов. В народе говорили: «Вместо угля нам привезли пепел» (имеется в виду уголь для отопления, что было особенно актуально в условиях зимы); «Нам вернули мертвого узника вместо узников живых»²⁶¹.

В целом, в период между 1940 и 1958 гг. французские власти регулярно использовали образ Наполеона-спасителя, дабы помочь французам пережить тяжелые моменты их истории. Режим Виши и маршал Петен

²⁵⁹ *Lentz T.* Napoléon et la France. P. 199.

²⁶⁰ См. об этом: *Poisson G.* Le retour des cendres de l'Aiglon. P., 2006.

²⁶¹ *Mauduit X.* Op. cit. P. 267.

проводили аналогии с 1799 годом: тогда Бонапарт положил конец Первой республике, чтобы спасти Францию. Маршал Петен упразднил Третью республику, чтобы облегчить положение Франции, оккупированной немцами²⁶².

После окончания Второй мировой войны генерал де Голль не замедлил использовать в своих целях образ Наполеона. В своих работах довоенного периода, посвященных военным проблемам, генерал неоднократно цитировал Наполеона, даже восхищался Наполеоном-военным, сохраняя дистанцию по отношению к Наполеону-императору²⁶³.

По мнению Э. Керна, в 1960-е гг. Наполеон постоянно страдал от конкуренции со стороны генерала де Голля, ставшего тогда национальным героем Франции. Опросы, проведенные в 2005 г. французским телевидением, показали, что французы оценивали де Голля как «человека века» и «самого великого француза всех времен». Однако, по словам Керна, популярность де Голля распространялась и на Наполеона, пусть временно и потесненного с пьедестала²⁶⁴. Между ними

²⁶² Kern E. Op. cit. P. 91.

²⁶³ Ibid. P. 92.

²⁶⁴ Ibidem.

есть много общего, как есть много общего между голлистской сагой и императорской легендой. Это несомненная важность внешней политики для обоих глав государств; это внутренние реформы, проводимые Первым консулом, а потом и генералом де Голлем (между 1958 и 1969 гг.). Идея национального величия, столь дорогая сердцу генерала де Голля, в начале XIX века была воплощена Наполеоном в жизнь так, как никогда ни до, ни после в истории Франции. Опять-таки, оба являются «спасителями» Франции, есть и дата «спасения нации»: 1799 г. у Наполеона и 1940 г. у де Голля. Сближает их и историческая память. Несмотря на неоднозначное отношение властей к Наполеону, «наполеоновская легенда» жива до сих пор. Голлизм, по сути, сошел со сцены, но политические элиты продолжают его мифологизировать и идеализировать²⁶⁵.

С. Хазарисингх, сравнивая Наполеона и де Голля, отмечает, что, несмотря на несомненную общность их идей, между ними было и много различного. Один любил, даже слишком, войну; другой ее ненавидел; один — циник с очень пессимистичным взглядом на природу человека, другой — глубоко

²⁶⁵ Hazareesingh S. Op. cit. P. 326.

религиозный человек. Очень по-разному их воспринимают французы. Если генерал вызывает восхищение и уважение, то император — самые противоречивые чувства. Из воспоминаний сына де Голля, Филиппа, известно, что генерал часто думал о Наполеоне, говорил о нем со своими близкими. Особенно он видел в Наполеоне «отца современного французского государства»²⁶⁶. Неслучайно в историографии появился ряд сравнительных биографий Наполеона и Шарля де Голля. Последняя — Патриса Генифе, опубликованная в 2017 г.

Известный французский политик и интеллектуал, единомышленник де Голля, Андре Мальро в своей книге «Сброшенные цепи» рассказывает, что в 1970 г., уже после отставки, генерал де Голль, рассматривая номер ежемесячника «*Le Journal de la France*» с портретом Наполеона на обложке, задал ему ставший знаменитым вопрос: «Что для вас значит император?» «Очень великий ум и очень маленькая душа», — ответил Мальро. Генерал на это возразил: «Для души у него не было времени...»²⁶⁷ По словам Э. Керна, уже в этих словах прослеживается уважение

²⁶⁶ Ibid. P. 325.

²⁶⁷ Malraux A. Op. cit. P. 102.

де Голля к человеку, обеспечившему Франции «вечную славу», даже если в итоге он, скорее, ослабил ее. Наполеон не был любимым историческим деятелем де Голля, это так, но первый президент Пятой республики — это, прежде всего, военный, который не мог оставаться равнодушным к многочисленным военным победам Наполеона и к непреходящей славе, которой он покрыл Францию.

Что касается ошибок Наполеона, то де Голль полагал, что все великие люди их допускают. По его мнению, большая ошибка Наполеона заключалась в том, что «он не смог выбрать между генералиссимусом и императором»²⁶⁸. В любом случае, де Голль полагал, что Наполеон продолжал оставаться символом славы Франции во всем мире, а его ошибки и поражения не вредили его посмертному величию²⁶⁹.

Наполеон оставался героем для французов все годы нахождения де Голля у власти. На его легенду работали учебники истории и историки, писатели и телевидение²⁷⁰. Однако празднование столетнего юбилея со

²⁶⁸ Kern E. Op. cit. P. 93.

²⁶⁹ Ibidem.

²⁷⁰ Ibid. P. 93–94.

дня рождения Наполеона в 1969 г. пришлось уже на президентство Жоржа Помпиду. Ирония судьбы заключалась в том, что де Голль, этот новый национальный герой Франции, покинул Олимп власти в тот самый год, когда должны были вспоминать рождение другого героя, Наполеона!

«Год Наполеона» официально начался 28 апреля: это был одновременно день отставки де Голля и день, когда Наполеон на пакетботе «Франция» прибыл в порт Аяччо. Закончился юбилейный год церемонией перемещения останков Орленка в крипту Инвалидов 19 декабря. В соответствии с пожеланиями де Голля правительство использовало все средства для прославления памяти победителя Аустерлица. В рамках «года Наполеона» было организовано 14 мероприятий в Париже, 26 — в Аяччо и, помимо этого, множество мероприятий по всей Франции²⁷¹. В Париже и провинции проходили различные акции. Самым значительным из этих событий стало выступление президента Помпиду в Аяччо 15 августа, в день рождения Наполеона. Это было первое официальное путешествие Помпиду в должности Президента республики, и

²⁷¹ Ibid. P. 94.

он выбрал Корсику. Он произнес две речи; одну – в мэрии, вторую – на площади Шарля де Голля, перед статуей Наполеона и его братьев.

Выступая на площади, Помпиду сосредоточился на идее о том, что Наполеон восстановил национальное достоинство Франции и сыграл важную роль в создании европейского единства – это, как известно, два важнейших постулата голлизма. Как заявил президент, «за несколько лет, почти за несколько месяцев, Первый консул создал современное французское государство»²⁷². Наполеон для него – это не только человек Революции, но и человек порядка и государственной власти. Он сохранил принципы революции: гражданскую свободу и равенство перед законом. Что касается отсутствия политической свободы, то Помпиду ответил словами Наполеона, записанными на Святой Елене: «Люди, упрекающие меня в том, что я не дал французам достаточно свободы, забывают, что в 1804 г., когда я надел на голову корону, девяносто семь французов из

²⁷² Napoléon, de l'histoire à la légende: actes du colloque des 30 novembre et 1er décembre 1999, organisé par le Musée de l'armée, Hôtel national des Invalides. P., 2000. P. 441.

ста не умели читать и знали только свободу безумия»²⁷³.

Гений Наполеона, заявил Помпиду, «определяет нашу историю и предвосхищает будущее Европы. Это ему мы обязаны учреждениями, которые и сегодня, претерпев неизбежные изменения, составляют основу нашего государства. Это ему французы обязаны национальным единством... Наша слава принадлежит только Франции, и нет более славного имени, чем имя Наполеона. Выйдя из ниоткуда, преодолев все, он стал всем»²⁷⁴. И закончил словами Наполеона из акта об отречении 22 июня 1815 г.: «Объединитесь во имя общественного блага и во имя того, чтобы оставаться независимой нацией»²⁷⁵.

В то же время наполеоновское наследие не во всем соотносилось с голлизмом. В частности, это касалось европейской политики Франции, активными сторонниками которой были Ж. Помпиду и в еще большей степени Валери Жискар д' Эстен. Апеллировать к памяти национального героя, завоевавшего Европу силой оружия, было затруднительно²⁷⁶.

²⁷³ Ibidem.

²⁷⁴ Ibid. P. 443–444.

²⁷⁵ Ibid. P. 444.

²⁷⁶ Kern E. Op. cit. P. 94.

Непростая ситуация была и в научной среде. Жан Тюлар в интервью газете «Le Monde» от 9 января 2019 г. вспоминал, что к этому времени «золотой век наполеоновских исследователей, таких как Альбер Сорель, Альбер Вандаль, Анри Уссе, Луи Мадлен и Ж. Ленотр прошел», а в Университете в 1969 г. не было ни одной кафедры, специализировавшейся на этом периоде. Сам он только в 1967 г. был избран в Сорбонну и посвятил себя, по его собственным словам, «возрождению наполеоновских исследований»²⁷⁷.

Французские историки с сожалением констатируют, что Первой империи уделяется все меньше внимания в школьных программах. По словам К. Модюи, несмотря на десятки тысяч томов, посвященных Первой империи, история Наполеона может быть резюмирована в нескольких строках. Например, в учебнике начальной школы 1950-х гг. история Наполеона была построена на двух тезисах: «Генерал Бонапарт выиграл все битвы. Он этим воспользовался, чтобы стать императором». И далее: «История императора Наполеона окончилась плохо. Это происходит со всеми, кто подавляет свободу».

²⁷⁷ *Tulard J.* La BD est devenue un véhicule de la culture historique // *Le Monde*. 2019. 9 janvier.

В другом учебнике содержится такое резюме: «Наполеон I, став императором в 1804 г., победил австрийцев, пруссаков, русских, но никогда не смог победить Англию. Но в итоге именно англичанам он и достался»²⁷⁸.

Неоднозначная ситуация наблюдается и в университетской среде. Как отмечает Натали Питето, Университет не любит Наполеона. По ее словам, за исключением Жана Тюлара, а до него Марселя Дюнана, ни один титулованный университетский историк не сделал карьеру по наполеоновской проблематике, а диссертации, защищаемые по этому периоду, сегодня весьма немногочисленны²⁷⁹.

200 лет Первой империи:
официальное отторжение
и народная страсть

Следующая важная дата в цепи коммемораций — это растянувшиеся на десять лет юбилейные мероприятия, связанные с Первой империей. Если в 1969 г. Помпиду четко показал, что есть ценного в наследии Наполеона, то на этот раз не было официального

²⁷⁸ *Mauduit X.* Op. cit. P. 7–8.

²⁷⁹ *Petiteau N.* Napoléon, de la mythologie à l'histoire. P. 7.

истолкования этого события. По словам С. Хазарисингха, именно в официальных коммеморациях нагляднее всего проявляется неоднозначность наполеоновского наследия. Наполеон, создавая новую династию, реставрировал монархический принцип, упраздненный республикой. 2 декабря, дата священная для Императора, стала печально известной благодаря Луи-Наполеону в 1851 г. Следовательно, республиканцы были не особо воодушевлены празднованием годовщины, напоминавшей им их собственные поражения²⁸⁰. По словам Ксавье Модюи, республиканцы лишь скрепя сердце могли праздновать юбилей сильного политика, восстановившего монархию²⁸¹. Если известный французский политик Жан-Пьер Шевенман²⁸² приветствовал в Наполеоне создателя современного государства и одного из пылких проводников идеи нации, то французский историк Морис Агюлон, специалист по

²⁸⁰ Hazareesingh S. Op. cit. P. 13.

²⁸¹ Mauduit X. Op. cit. P. 279.

²⁸² Ж.-П. Шевенман — левый политик, один из основателей современной Социалистической партии, в 1984–1986 гг. министр образования, в 1988–1991 гг. министр обороны, в 1997–2000 гг. — министр внутренних дел.

республиканским учреждениям и символике, сохранял дистанцию, принимая императора как человека 1789 года только условно и представляя его как ставленника контрреволюции²⁸³.

Однако именно тогда была начата публикация полной 15-томной переписки Наполеона (последний том вышел в 2018 г.); появились многочисленные биографии, был опубликован «Неизданный журнал о возвращении праха» мамелюка Али. Появились книги Анни Журдан, Натали Петито и Реми Далисон²⁸⁴ о трансформации памяти и «наполеоновской легенде» в XIX в.

Двухсотлетний юбилей Империи стал поводом для организации нескольких выставок, в том числе выставки в Лувре, посвященной картине Давида «Коронация Наполеона», а также экспозиции о пропаганде и «наполеоновской легенде», организованной в Историческом центре Национальных архивов. С. Хазарисингх, посетивший выставку

²⁸³ Hazareesingh S. Op. cit. P. 14.

²⁸⁴ Jourdan A. *Mythes et légendes de Napoleon*; Petiteau N. *Napoléon, de la mythologie à l'histoire*. P., 2004; Dalisson R. *Célébrer la nation: les fêtes nationales en France de 1789 à nos jours*. Préface de Sudhir Hazareesingh. P., 2009.

и полиставший книгу отзывов, был поражен тем, что Наполеон продолжал разделять французов. Одни сожалели о том, что глянцева часть его легенды продолжала жить во Франции. Другие, напротив, полагали, что выставка об императоре могла вызвать критику его политического и военного наследия²⁸⁵. То есть «черная» и «золотая» легенды продолжают иметь своих адептов во Франции.

В последующих коммеморациях вновь проявилось неоднозначное восприятие наполеоновского наследия. Власти во главе с президентом Жаком Шираком практически свернули все официальные мероприятия. В 2005 г. французское правительство не желало участвовать в праздновании 200-летия Аустерлица, ответило отказом на приглашение российского правительства во время празднования Бородинской битвы в сентябре 2012 г.

Празднованием юбилея битвы при Ватерлоо, организованного с большим размахом в июне 2015 г., окончились коммеморации 200-летия Консульства и Империи. Мероприятия, прошедшие в Бельгии, в 15 километрах от столицы Европы, продемонстрировали

²⁸⁵ *Hazareesingh S. Op. cit. P. 14.*

европейский, точнее, мировой, характер события, имевшего всемирные последствия. Однако французы отказались участвовать в церемониях, связанных с 200-летием Ватерлоо, под тем предлогом, что не празднуют поражение. С чем связана такая позиция властей? По мнению Эмиля Керна, Пятая республика с трудом принимает наполеоновское наследие: французским властям весьма тяжело вынести бремя наполеоновских завоеваний.

Какой итог можно подвести торжествам, посвященным юбилею Первой империи? Парадоксально, но Наполеон, этот сын Французской революции, не может найти себе место в современной Франции! Мероприятия продемонстрировали не только интерес и даже страсть французов к Наполеону, но и его отрицание. Э. Керн задается вопросом: почему Франция, страна, ставшая родиной «наполеоновской легенды», сегодня пытается так кардинально с ней порвать? Как французские элиты смогли распродать наполеоновскую память, в то время как французский народ сделал из Наполеона одного из своих самых популярных героев?²⁸⁶ Такой же итог коммеморациям подвел и известный французский историк Жак-Оливье Будон,

²⁸⁶ Kern E. Op. cit. P. 9.

профессор университета Париж-Сорбонна, президент Института Наполеона: празднования выявили расхождение между официальной позицией властей и общественным мнением²⁸⁷.

Э. Керн задается вопросом: была ли цепь коммемораций похоронным звоном для Наполеона и нужно ли ждать 2021 года, двухсотлетнего юбилея со дня его смерти, чтобы вновь разгорелось пламя интереса к его имени и его мифу? Или с императором покончили?²⁸⁸

Вовсе нет! Спровоцированная торжествами полемика вокруг имени Наполеона только усилила его позиции в современном культурном и медийном пространстве. Споры о нем не утихают. Сегодня, как и вчера, Наполеон продолжает разделять французов. У него есть почитатели и противники, но он никого не оставляет равнодушным. Как отмечает Ж.-О. Будон в предисловии к книге Э. Керна, император, без сомнения, является одной из самых популярных исторических фигур как во Франции, так и во всем мире²⁸⁹.

²⁸⁷ Ibidem.

²⁸⁸ Ibid. P. 219.

²⁸⁹ Ibid. P. 9.

С. Хазарисингх рассказывает в своей книге о том, что как-то его пригласил в гости один французский историк, поведавший, что, благодаря одному из бывших слуг императрицы Евгении, жившему в их деревне, его семья всегда коллекцией солдатиков из свинца, принадлежавших Римскому королю. Эти солдатики были специально заказаны Наполеоном для своего сына. По словам историка, даже для тех его друзей, которые никак не связаны с наполеоновской традицией, император остается предметом обожания. Когда он пригласил одного из своих давних парижских друзей, бывшего сенатора-коммуниста, на свою лекцию о наполеоновской легенде, тот ответил: «Я охотно приду. Но будь внимателен к тому, что ты будешь говорить! Я очень люблю Наполеона»²⁹⁰. В предисловии к своей книге он рассказывает, как в декабре 2004 г. в Париже он искал рождественский подарок для своих английских друзей и увидел двух дам, разглядывавших коллекцию наполеоновских сувениров. Одна сказала другой: «Что-то я у тебя такого Наполеона не видела». А та ответила: «Мой гораздо лучше, у меня из бронзы, он

²⁹⁰ Hazareesingh S. Op. cit. P. 12–13.

принадлежал еще моему прадедушке, офицеру Великой армии»²⁹¹.

Власти Франции вполне готовы использовать этот незатихающий интерес к имени Наполеона, ставшему общепризнанным и весьма прибыльным брендом. Об этом свидетельствует развитие наполеоновского туризма, которому благоприятствует создание наполеоновских маршрутов в Европе под эгидой Европейской федерации наполеоновских мест. Статуэтки, многочисленные сувениры в магазинах Аяччо, в сувенирных лавках Музея Армии и дворца Фонтенбло обоснованы скорее логикой бизнеса, чем подлинным духом празднований²⁹². По словам С. Хазарисингха, во Франции историческая память как таковая стала индустрией, и это касается любой значимой даты. В 2004 г. праздновали столетие Империи; в 2005 г. — сто лет партии социалистов. По словам историка, пока он любовался статуэтками Наполеона, предприниматели уже изготавливали бюстики Жореса²⁹³...

²⁹¹ Ibid. P. 11.

²⁹² Ibidem.

²⁹³ Ibid. P. 11–12.

250 лет Наполеону Бонапарту: по следам юбилея

Не успели отпраздновать (или манкировать) двести лет Первой империи, как подошла еще одна дата — 5 мая 2019 г., 250-летний юбилей Наполеона Бонапарта. Как отметили этот юбилей во Франции? Какова была позиция властей и мнение известных французских историков, отреагировавших на это событие по горячим следам в ряде интервью или выразивших свое мнение в личных беседах?

Все познается в сравнении. Для того, чтобы понять позицию властей, необходимо сравнить ее с той, каковой она являлась в 2004–2015 гг., когда праздновался двухсотлетний юбилей Первой империи. Как мы видели, мероприятия тех лет продемонстрировали не только интерес и даже страсть французов к Наполеону, но и его отрицание, а также расхождение между официальной позицией властей и общественным мнением. Что же произошло на этот раз?

Начнем с того, что 250 лет — это не совсем юбилей по французским меркам. По словам известного французского специалиста по истории Консульства и Первой империи, сотрудника Фонда Наполеона Пьера Бранда, дело в том, что французы празднуют

«столетия», отсюда и все юбилейные мероприятия: двести лет Французской революции, двести лет Первой империи, двести лет со дня смерти Наполеона. То есть французы ждут 2021 года, двухсотлетия со дня смерти Наполеона. Отсюда и весьма скромные торжества, посвященные 250-летнему юбилею, что продиктовано, по словам П. Бранда, вовсе не позицией властей, а именно тем, что это «не круглая» дата. Как отметил в своем интервью еженедельнику правоцентристской ориентации *«Le Point»* директор Фонда Наполеона Тьерри Ленц, власти оказывают поддержку в подготовке мероприятий 2021 г. По словам историка, в государственной администрации фонд «встретил людей мотивированных и готовых поддержать проекты, которые обычным бюджетам были не под силу». Так было, например, когда Фонд работал с министерством иностранных дел на Святой Елене; так было в том случае, когда Фонд помогал Национальным архивам реставрировать наполеоновские фонды; так было в ходе организации подписки в пользу реставрации могилы императора и наполеоновских монументов в Отеле Инвалидов²⁹⁴.

²⁹⁴ *Lentz T.* À la rentrée, les élèves vont découvrir un peu mieux Napoléon // *Le Point*. 15.08.2019 // <https://www.>

Власти — это, прежде всего, президент. Если в 2005 г., как уже отмечалось, Жак Ширак практически свернул официальные праздничные мероприятия (по словам Тьерри Ленца, может, это было и к лучшему, с учетом того, как официальные мероприятия проводились), то какова позиция президента Эммануэля Макрона, которого нередко сравнивают с Наполеоном? (По мнению французского историка Артура Шевалье, с которым мы еще познакомимся, точки соприкосновения между Макроном и Наполеоном были, когда Макрон был кандидатом в президенты и непосредственно после его победы на выборах. Теперь же историк «ждет Аустерлица» и задается вопросом, где же «маршалы» Макрона?²⁹⁵)

Президент Макрон, очевидно, отдает должное Наполеону. Не случайно во время официального визита во Францию президента России В. В. Путина вместе они посетили

lepoint.fr/histoire/thierry-lentz-les-elites-ont-souvent-le-napoleon-honteux-15-08-2019-2329965_1615.php

²⁹⁵ *Chevallier A.* Napoléon a été le héros des classes populaires // *Le Figaro*. 10.12.2018 // <http://www.lefigaro.fr/vox/histoire/2018/10/12/31005-20181012ARTFIG00339-napoleon-a-ete-le-heros-des-classes-populaires.php>

Галерею Сражений в Версале. Вместе с президентом США Дональдом Трампом Э. Макрон посетил Собор Инвалидов и, по сути, был гидом американского президента, что, по мнению Тьерри Ленца, подтверждает его хорошее знание наполеоновской проблематики. Такая позиция Макрона сразу привлекла к нему внимание общественности, тем более что президент стал первым главой государства, посетившим в этом качестве могилу Наполеона, начиная с конца XIX века, а именно со времени визита императора Николая II в Париж в 1896 г. По словам Тьерри Ленца, Макрон тем самым как бы говорит: да, мы знаем нашу историю, мы являемся ее наследниками, мы гордимся ею, ничего не утаивая и не занимаясь постоянным самобичеванием. Как отмечает историк, Эммануэль Макрон знает и, вероятно, любит историю страны, которой руководит. Но в то же время его позиция по отношению к Наполеону не всегда четко определена и подвержена конъюнктурным влияниям²⁹⁶.

Если президент Жорж Помпиду в 1969 г., в год столетия со дня рождения Наполеона, посетил его родной город Аяччо и произнес

²⁹⁶ *Lentz T.* À la rentrée, les élèves vont découvrir un peu mieux Napoléon.

там две речи, в которых сделал упор на том, что Наполеон является создателем современной Франции, то президент Макрон юбилейные торжества на Корсике не посетил. В этот день он был на юге Франции, где присутствовал на церемонии по случаю 75-й годовщины высадки союзников в Провансе. В присутствии глав Гвинеи и Кот д'Ивуара президент поблагодарил африканских солдат, участвовавших в освобождении Франции во время Второй мировой войны, и призвал мэров переименовать площади и улицы в их честь. «Без них мы не были бы сегодня свободными гражданами», — заявил он. Главные французские телеканалы вели прямые включения именно из Прованса, а не из Аяччо²⁹⁷.

В то же время нельзя сказать, что официальные власти проигнорировали праздничные мероприятия на Корсике, происходившие с 13 по 15 августа. На торжествах присутствовал глава Сената Жерар Ларше, то есть второе лицо в государстве после президента. В своей краткой речи политик напомнил, что Республика, да и сам Сенат, многим обязаны Бонапарту. Именно при императоре

²⁹⁷ Стыдится ли Франция Наполеона? // <http://m.ru.rfi.fr/frantsiya/20190817-styditsya-li-frantsiya-na-poleona>

была создана верхняя палата французского парламента.

Присутствие главы Сената было высоко оценено городскими властями. В частности, мэр Аяччо Лоран Марканжели подчеркнул, что он рассматривает это как великую честь и признак исторического примирения. «Республика сильна тогда, когда она признает всю свою историю. Наша страна не должна стыдиться своих поражений в войнах и не должна сожалеть о тех, в которых она победила», — заявил мэр Аяччо²⁹⁸.

О мероприятии, на котором присутствовали и потомки Наполеона, а именно Шарль Наполеон с сыном Жаном-Кристофом, главой Дома Бонапартов и его невестой (19 октября 2019 г. состоялось бракосочетание принца Жана-Кристофа и австрийской принцессы графини Олимпии Арко-Ценнеберг), рассказали в основном местные СМИ, а агентство France-Presse ограничилось коротким сообщением, что потомки Бонапарта приняли участие в «наполеоновских днях» на Корсике, в частности в реконструкции битвы под Аустерлицем. В этом событии участвовали 700 реконструкторов, приехавших со всей Европы. *Les Journées Napoléoniennes*, три дня,

²⁹⁸ Там же.

которые потрясли Аяччо, были незабываемыми! Конечно, это было вавилонское столпотворение, но столпотворение великолепное! Кони и люди не смешались: коней как раз не было, но население Аяччо, наверное, удвоилось: войсковые соединения из разных стран, особенно многочисленные — из Чехии, Италии и самой Франции, России, толпы туристов (в отелях Аяччо не было свободных мест!). Три дня праздничных мероприятий в режиме нон-стоп: дефиле войск, реконструкция сражений, балы, лекции, круглосуточная жизнь бивуака, грохочущий Аустерлиц, торжественная месса 15 августа, официальные церемонии с не менее официальными, но симпатичными лицами, праздничный фейерверк и концерт на площади Шарля де Голля! При этом город был абсолютно открыт, никаких заграждений и кучи полиции. Не знаю, каким образом, но мне удавалось оказываться в самой гуще событий: шествие по городу в непосредственной близости, или в тени, двух императоров, дяди и племянника; на торжественной церемонии открытия каким-то образом очутилась у самой трибуны, на реконструкции Аустерлица (историк и журналист Давид Шантеранн, главный редактор журнала «*Revue du souvenir napoléonien*» в качестве ведущего

был великолепен!) — вообще в зоне боевых действий, а на церемонии возложения цветов на площади Фоша — прямо у монумента императору! На узких средневековых улочках Аяччо встреча в веках выглядела потрясающе: толпы туристов, дамы в чепчиках и пышных юбках, наполеоновские маршалы, гвардейцы, плюмажи, волынки, барабаны и, конечно, Наполеон — *partout-partout*: вот император прогуливается по Аяччо, заходит в кафе и фотографируется с туристами, вот и сами кафе и отели, названные его именем, многочисленные сувениры — *partout*, его имя слышно *partout*... *Vive l'Empereur* во время дефиле кричали, но не сказать, чтобы часто²⁹⁹, а вот нынешний глава дома, 33-летний красавец Жан-Кристоф пользовался необыкновенной популярностью³⁰⁰! Жил в живописном, но вполне обычном отеле Сан-Карло Цитадель,

²⁹⁹ Как отметил Тьерри Ленц, говоря о праздновании 200-летия Ватерлоо, 200 тыс. зрителей собрались там не для того, чтобы кричать: «Да здравствует император!», что не имело смысла, но для того, чтобы понять, узнать, пережить опыт // *Lentz T. À la rentrée, les élèves vont découvrir un peu mieux Napoléon.*

³⁰⁰ О роде Бонапартов, включая нынешнего главу Дома Бонапартов, см.: *Branda P. La saga des Bonapartes. Du XVIIIe siècle à nos jours.* P., 2018.

никому не отказывал в фотосессии (ему, правда, всегда приходилось приседать — редкий турист дотянет до его почти двухметрового роста), всегда был очень приветлив и улыбчив! На торжественной мессе в кафедральном соборе епископ в своей проповеди упомянул и Аустерлиц, и Наполеона, и даже пошутил, чем вызывал одобрительный смех паствы. Потом вся эта огромная толпа направилась по узенькой улочке к дому, где родился Бонапарт (а накануне Филипп Перфеттини из *Palais Fesch-musée* прочел очень живую и яркую лекцию о детстве Наполеона и рассказал, как становятся императорами), где были возложены цветы, а потом и на площадь Фоша к памятнику Наполеона, после чего вип-персоны уединились на краткий фуршет в мэрии, но и для публики после зрелища был хлеб, причем угощение было тем же, что для избранных: вино, прохладительные напитки и пончики с фирменным корсиканским сыром броччио.

Но в целом в эти дни о Наполеоне газеты писали немного, а интервью с историками опубликовали издания, как правило, правой ориентации. Президент Макрон в тот день о Бонапарте не сказал ни слова. И, беседуя с друзьями и коллегами вечером 15 августа в Аяччо, я поняла, что их это сильно

задело. О том, что о Наполеоне мало говорят, с сожалением написал на страницах правой «*Le Figaro*» бывший вице-председатель Национального собрания и бывший госсекретарь по заморским территориям Франции при президенте Николя Саркози Ив Жего. Именуя Наполеона самым известным деятелем, «написавшим славные страницы национальной истории», среди наполеоновского наследия он особо отметил Гражданский кодекс, Банк Франции, разделение страны на префектуры. «Несмотря на темные и, естественно, спорные страницы в истории его правления, Наполеон и в начале XXI века остается легендой. После двух столетий бурной полемики его личность, наконец, становится полноправной частью истории», — подчеркнул Жего. В своей колонке политик также отметил, что «отрицание исторической памяти создает образ страны без корней, которая стыдится своего прошлого, отказывается прославлять героев из страха полемики и под давлением сторонников покаяния»³⁰¹.

Это заявление правого политика весьма симптоматично. В том, что касается восприятия и оценок Наполеона, очень ярко

³⁰¹ Стыдится ли Франция Наполеона?

проявляется политическая ангажированность французов. Как в целом Французская революция, Наполеон Бонапарт разделяет правых и левых, и отношение к нему зависит от политической ориентации. Если Доминик де Вильпен восторгается Наполеоном³⁰², то Лионель Жоспен, политик левого направления, в своей книге «Наполеоновское зло», опубликованной в 2014 г.³⁰³, обвинял Наполеона, среди прочего, в изобретении авторитарной формы правления. Французский писатель А. Шевалье назвал эту работу «симптоматичной книгой смущения левых по отношению к Наполеону»³⁰⁴.

Впрочем, как отметил Тьерри Ленц, каждый политик «имеет у себя в голове своего маленького Наполеона, не говоря уже о том, что некоторые мечтают быть им. Стыдясь его, они прячут его в недрах своих библиотек. Он, без сомнения, присутствует во всех исторических размышлениях политиков, если они

³⁰² Книга о Наполеоне Доминика де Вильпена была опубликована на русском языке: *Вильпен де, Д.* Сто дней, или Дух самопожертвования. М., 2003.

³⁰³ *Jospin L.* Le Mal napoléonien. P., 2014.

³⁰⁴ *Chevallier A.* Napoléon a été le héros des classes populaires.

видят дальше кончика своего носа и думают о чем-то еще, кроме своих избирательных кампаний»³⁰⁵.

* * *

Итак, вплоть до недавнего времени в целом для политических элит Франции Наполеон был персоной «неполиткорректной», диктатором и завоевателем. Сейчас ситуация в восприятии Наполеона и его оценка элитами меняется. Об этом говорили в своих недавних интервью по поводу юбилея известные французские историки, такие, как Тьерри Ленц, Пьер Бранда, Давид Шантеранн и ряд других. Пьер Бранда в интервью региональной ежедневной газете «*La Nouvelle republique*» заявил, что «сегодня меньше фанатиков и хулителей, даже по сравнению с 10 или 15 годами назад». По словам исследователя, «Наполеон возвращается в Историю»³⁰⁶. А упоминавшийся выше

³⁰⁵ Lentz T. À la rentrée, les élèves vont découvrir un peu mieux Napoléon.

³⁰⁶ Napoléon, la naissance d'un mythe // La Nouvelle republique. 11.08.2019 // <https://www.lanouvel-lerepublique.fr/a-la-une/napoleon-la-naissance-d-un-mythe?fbclid=IwAR0JRJTNwwcOaq3LVayq-doHrl-byPywgjNHUW5Div6g05lYdJqFmj39QJaU>

Ив Жего выразил надежду, что двухсотлетие кончины императора в 2021 г. станет поводом почтить в лице Наполеона Бонапарта героя и вернуть должное внимание к истории Франции³⁰⁷.

Историк и журналист Давид Шантеранн в предисловии к номеру журнала *«La Revue du souvenir napoléonien»*, посвященному юбилею Наполеона, ставит риторический вопрос: чем была бы Франция, Европа, да и весь мир без Наполеона, человека, который изменил ход истории? «Какова была бы судьба Революции, если бы на момент взятия Бастилии ему не исполнилось бы 20 лет? А эти сорок сражений, среди которых самые замечательные образцы военного искусства, эти славные страницы и прославленные герои? Как мы можем представить современное общество без Гражданского кодекса, без всех его знаменитых творений, список которых является очень длинным и среди которых фигурируют на почетном месте Банк Франции, Почетный легион, лицеи, государственный совет, префектуры. Чем бы был XIX век без романтиков — Стендаля, Шатобриана, Гюго, Байрона, Ламартина, Бальзака, Толстого, которые столько писали о нем? Он доминирует

³⁰⁷ Стыдится ли Франция Наполеона?

надо всем. Он повсюду. Он родился в Аяччо, ровно 250 лет назад»³⁰⁸.

По словам Тьерри Ленца, Наполеон является частью французской истории, и память жива как обо всем хорошем, так и обо всем плохом, что он сделал. В своей книге «Наполеон и Франция» историк подчеркивает, что «настало время для беспристрастного изучения наполеоновской истории. Надо отказаться от стереотипов и клише, от черной и белой легенд, надо, наконец, спокойно подумать о Первой империи и ее создателе»³⁰⁹.

При этом, по его словам, Наполеон — это не только прошлое, но и настоящее: он «порой говорит нам о нас, о французах и европейцах XXI века»³¹⁰. Наполеон, утверждает Тьерри Ленц, хотя этого или нет, является отправной точкой национальной памяти, и это связано не только с воспоминаниями о военных победах и славе, которой он покрыл французов. Наполеон для Тьерри Ленца — это, прежде всего, человек. Человек, совершавший ошибки и закончивший свою

³⁰⁸ La Revue du souvenir napoléonien. № 93. 2019.

³⁰⁹ Lentz T. Napoléon et la France. P. 7.

³¹⁰ Ibid. P. 8.

карьеру головокружительным падением. Но он является «редким в истории примером руководителя с очень хорошо устроенной головой». Наполеон — это человек синтеза и инноваций, это политик, знавший, чего он хочет, и претворявший свои планы в жизнь, причем не в одиночку, но предоставляя всему поколению возможность участвовать в этом процессе. Наполеон — это «гений и государственный менеджер в одном лице». При этом, отмечает Т. Ленц, необходимо учитывать обстоятельства прихода Наполеона к власти: война внутри страны и за ее пределами, пустая казна, полная дезорганизация государственного аппарата, более 100 тыс. французов, находившихся в эмиграции. И всего за два года Бонапарт направил Францию к разрешению этих проблем. Главное в Наполеоне для Т. Ленца — это его понимание необходимости синтеза между старым и новым, а также решительные действия и безукоризненное управление людьми и процессами.

В результате, как и многие другие историки, Т. Ленц утверждает, что Наполеон создал современную Францию, и не только Францию. При Наполеоне «произошла консолидация того, что и сегодня является основой институтов нашей страны и институтов

некоторых из наших соседей». Наполеон, по словам ученого, проводил «социальный проект, охвативший всю Европу», пусть он и окончился поражением. Как политик он — человек равенства, сторонник государства, свободного от религиозных споров, поборник жесткой административной и финансовой политики, сильной власти как таковой (которая, по мнению Т. Ленца, вовсе не была диктаторской). Наполеон — это сторонник правительства — которое в реальности делало то, что декларировало; наполеоновское правительство, это правительство, которое имело разумный и сбалансированный проект, располагало средствами для достижения общего блага; это правительство, воспринимавшее государство в качестве высшего арбитра, понимавшего социальные запросы и умевшего на них реагировать». Все эти критерии власти, по справедливому замечанию Тьерри Ленца, не потеряли своей актуальности и сейчас³¹¹.

Если Пьер Бранда и Тьерри Ленц — уже весьма опытные историки, то что думают о Наполеоне исследователи молодые? О том, что Наполеон является связующим звеном

³¹¹ *Lentz T.* À la rentrée, les élèves vont découvrir un peu mieux Napoléon.

между Францией Старого порядка и Францией революционной говорит 34-летний историк и муниципальный советник Ниццы, автор книги «История революций во Франции» Гаэль Нофри³¹². По словам историка, современная Франция чествует в Наполеоне своего создателя, а Франция вечная празднует юбилей одного из своих самых аутентичных героев. Бонапарт произвел настоящий переворот в мире и для мира. Переворот политический, военный и институциональный, но также нравственный, философский и гуманитарный. Его имя и память о нем синонимичны действию, взлету и быстроте³¹³.

По словам Г. Нофри, все усилия Наполеона были направлены на восстановление государства, то есть на то, чтобы позволить стране возобновить нормальный ход своего развития. Наполеон, по его мнению, был не только символом беспорядка и потрясения, но и человеком стабильности и порядка. Для Франции он остается автором ее

³¹² *Nofri G.* On a la tête qui tourne à l'évocation de tout ce que Napoléon a entrepris // Le Figaro. 22.08.2019 // <http://www.lefigaro.fr/vox/histoire/on-a-la-tete-qui-tourne-a-l-evocation-de-tout-ce-que-napoleon-a-entrepris-20190815>.

³¹³ Ibidem.

кардинальной трансформации, совершенной в самый сложный исторический момент. Наполеон, утверждает историк, «олицетворяет собой возвращение к национальной гармонии»³¹⁴.

В 2018 г. вышла книга Артура Шевалье под названием «Наполеон без Бонапарта»³¹⁵. Это уже вторая книга о Наполеоне автора, родившегося в 1990 г. В интервью «*Le Figaro*» от 12 октября 2018 г. издатель и писатель поделился своим мнением о Наполеоне.

Наполеон Бонапарт — это не только реальный человек, это миф, который начал конструировать он сам. Или, как верно заметил Пьер Бранда, миф начинает конструироваться еще с колыбели его матерью Летицией³¹⁶. А. Шевалье же не видит в Наполеоне ничего мистического. По его словам, «интерес к жизни Наполеона заключается как раз в том, что в ней не было ничего легендарного, чудесного и мистического. Она объяснима. Наполеон не является героем притчи, он человек, который максимально раздвинул пределы истории, написанной для него. Он стучал ногами

³¹⁴ Ibidem.

³¹⁵ *Chevallier A. Napoléon sans Bonaparte. P., 2018.*

³¹⁶ *Napoléon, la naissance d'un mythe.*

в двери, и они открывались. Он доказал, что ни один человек никогда не был столь прекрасен, как в момент, когда он бросал вызов своей собственной судьбе, когда отказывался играть роль, написанную для него учителями и отцами»³¹⁷. То есть, хоть это и американизм, но Наполеон – это типичный пример *self made man*. Так Наполеона воспринимают современные французы (и значки с такой надписью можно приобрести в сувенирных магазинах Аяччо), так его воспринимали солдаты Великой армии, хотя для них, конечно, он был не только отцом, но и Богом. То есть это человек, который сам себя сделал и который, как справедливо заметил Пьер Бранда, даже свои неудачи умел скрывать и превращать в успех³¹⁸.

Наполеон для А. Шевалье – это не миф, а модель. При этом он считает наполеоновское правление не завершением революции, а ее кульминацией. «Революция обязана сохранением своей модели, авторитетом своей политики и воплощением своих амбиций Наполеону I». Что касается войн Империи, то автор склонен их воспринимать в качестве

³¹⁷ *Chevallier A.* Napoléon a été le héros des classes populaires.

³¹⁸ Napoléon, la naissance d'un mythe.

продолжения войн Французской революции и, как и его старшие коллеги, не считает нужным их стыдиться³¹⁹.

Эти изменения весьма показательны: Наполеон вновь начинает восприниматься целостно. Ведь, как правило, долгие годы его личность фрагментировалась: и политиками, и историками он не воспринимается как единый человек: Бонапарт и Наполеон — это две разные планеты. Если с генералом Бонапартом связывались позитивные завоевания Революции, то император Наполеон являлся ее обратной стороной, эксцессом. Теперь же, на мой взгляд, происходит определенное возвращение к оценкам, свойственным временам Шарля де Голля и Жоржа Помпиду. Если мы сравним выступление Помпиду 15 августа 1969 г. и высказывания современных французских историков и ряда политиков, то они очень похожи, а слова президента Помпиду о Наполеоне как о создателе современного французского государства весьма созвучны сегодняшним настроениям.

³¹⁹ *Chevallier A.* Napoléon a été le héros des classes populaires.

* * *

Меняется ситуация и в образовании, в начальной, средней и высшей школе. Как уже отмечалось, вплоть до недавнего времени Наполеону не было места ни в школе, ни в университете. Наполеоновская проблематика, как и в целом проблематика Французской революции, политически ангажирована, и Университет в полной мере отражает эту ситуацию. Левые политики не принимают наследие Наполеона, и левые историки тоже. Например, университет Гренобля, который считается левым в плане политической ориентации, «изгоняет» Наполеона из учебной программы, студенты почти не изучают наполеоновскую эпоху, да и специалистов по этому периоду нет, а для университетской профессуры Наполеон никогда не являлся приоритетной темой.

Сейчас ситуация начала меняться. По словам Тьерри Ленца, Наполеон возвращается на первый план в школьные программы, прежде всего в начальные классы (там теперь отводится от 11 до 13 часов на тему «Французская революция и Империя: новая концепция нации»). Тьерри Ленц возлагает надежды на министра образования Жана-Мишеля Бланке, который выступает за меньшую политизированность школьных программ. По словам

историка, школьники не только откроют для себя Наполеона, но и в целом весь XIX век французской истории, который «выпадал» из учебных программ. Как отмечает Тьерри Ленц, ученики весьма удивятся, узнав, что во Франции между 1800 и 1870 гг. произошло еще кое-что, кроме завоевания Алжира. Не случайно статья в «Le Point» называется так: «С 1 сентября ученики узнают немного больше о Наполеоне». Важно еще научить и преподавателей, которые во время своей учебы также получили совсем немного знаний о Консульстве и Империи, Реставрации и Июльской монархии (поэтому на сайте Фонда Наполеона (<https://www.napoleon.org/>) есть много информации, полезной для преподавателей).

Да и самим историкам есть что изучать, ведь наполеоновская проблематика не была долгие годы приоритетной: изучали прежде всего Французскую революцию, но без Наполеона. Благодаря Жану Тюлару и его ученикам, а также Франсуа Фюре и его ученикам, Наполеон обретает свое место в научном пространстве. По словам Тьерри Ленца, сейчас обращаются к сюжетам, которые прежде считались банальными: политическая, административная, дипломатическая, юридическая и социальная история Наполеона, не

говоря уже о военной истории. Вот уже на протяжении десяти лет Фонд Наполеона выделяет семь ежегодных стипендий. По мнению историка, досадно, что только сейчас пришли к осознанию того, что изучение наполеоновской эпохи как переходной между Старым порядком и новой, революционной и постреволюционной Францией, необходимо для понимания истории страны как таковой³²⁰.

По словам Жана Тюлара, современная Франция, несмотря на отторжение Наполеона политическими элитами, остается «глубоко наполеоновской». «Территориальное, политическое, законодательное, институциональное наследие Наполеона для французского общества и мира в целом объективно беспрецедентно», — отмечает историк³²¹.

«Несмотря на все за и против, современная Франция — это он», — утверждает Пьер Бранда. Непосредственные достижения правления Наполеона являются неразрывной частью его магнетизма и его

³²⁰ *Lentz T.* À la rentrée, les élèves vont découvrir un peu mieux Napoléon.

³²¹ *Tulard J.* La BD est devenue un véhicule de la culture historique.

ауры. А «маленький капрал» является создателем современного государства. По окончании бакалавриата лицеисты могут благодарить (или упрекать) императора, который был создателем и лица, и бакалавриата. Префекты — Наполеон. Банк Франции? Тоже Наполеон, и таких примеров можно привести множество, — продолжает Пьер Бранда³²².

Не столь однозначно негативны и оценки европейской политики Наполеона. Если еще пять лет назад вспоминать о Наполеоне, покоровшем Европу силой оружия, было не политкорректно, то теперь такие заголовки, пусть и с вопросительным знаком, как «Наполеон — отец Европы?», воспринимаются не так скептически, как и размышления Наполеона о «федералистской европейской системе». Теперь историки говорят, что европейские планы Наполеона были созвучны идее Римского договора. «Он начинает воображать судьбу Европы по Римскому договору, с общей армией, экономикой и монетным союзом, с франком, который сейчас еще используется в Швейцарии»³²³.

³²² Napoléon, la naissance d'un mythe.

³²³ Ibidem.

* * *

2019 год был отмечен целым рядом научных мероприятий: выставки, конференции, лекции, мероприятия реконструкторов. «Фонд Наполеона» совместно с музеем Армии организовал подписку по сбору средств (по словам президента Фонда Наполеона Виктора-Андре Массена, требуется 800 тыс. евро³²⁴) для реставрации могилы Наполеона в Соборе Инвалидов к двухсотлетию юбилею со дня смерти Наполеона. Это важно, ведь каждый год, как подчеркнул президент Фонда Наполеона, могилу Наполеона посещает 1 млн туристов³²⁵. 1 июня 2019 г. в Париже состоялась церемония в честь сына Наполеона, герцога Рейхштадтского, ушедшего из жизни 22 июня 1832 г., а 22 июля общество «le Souvenir napoléonien» организовало торжественную процессию к его могиле в Соборе Инвалидов. 5 июля в Виттеле состоялся коллоквиум «Наполеон и образ», посвященный образу Наполеона в массовом сознании и пропаганде. В Аяччо, на родине Наполеона, с 13 по 15 августа, как уже отмечалось, была организована целая серия мероприятий.

³²⁴ Revue du souvenir napoléonien. № 93. 2019. P. 78.

³²⁵ Ibidem.

15 августа торжественная церемония состоялась в Соборе Инвалидов. Ассоциация имперских городов, созданная в 2011 г. в замке Жозефины Богарне Мальмезон и объединяющая 18 городов, среди которых Ницца, Ля-Рош-сюр-Йон, Рамбуйе, Сен-Клу, Шатору, Биарриц, Аяччо, учредила литературную премию за лучший роман о Наполеоне и Первой империи. Уже состоялся целый ряд научных конференций, в том числе международных. В частности, 8–13 июля в Гренобле проходил 17-й конгресс Международного наполеоновского общества. И это далеко не полный список. Появился целый ряд новых книг известных историков: Ж. Тюлара, Т. Ленца, П. Бранда. Драма Эдмона Ростана «Орленок» со времен ее создания в 1900 г., с Сарой Бернар в роли сына Наполеона, является одной из самых известных пьес французского репертуара, хотя, парадоксально, ставится очень редко. Однако в августе 2019 г. на разных сценах она шла семь раз³²⁶. Весьма популярна новая версия компьютерной игры о Наполеоне «Napoleonic Total War III»³²⁷.

³²⁶ L'Aiglon, l'ombre de Napoléon // Revue du souvenir napoléonien. № 93. 2019. P. 58.

³²⁷ Napoleonic Total War III // Ibid. P. 66–67.

Власти Франции вполне готовы использовать незатихающий интерес к имени Наполеона, ставшего общепризнанным и весьма прибыльным брендом. Об этом свидетельствует развитие наполеоновского туризма; многочисленные наполеоновские сувениры, продающиеся в магазинах Аяччо, в сувенирных лавках Музея Армии и дворца Фонтенбло, обоснованы скорее логикой бизнеса, чем духом празднований. В Монтерё, департаменте Луаре, в 2021 г. планируют открыть историческую деревню, посвященную императору. Работы оценены в 200 млн евро, для парка уже выделено 200 га вдоль линии TGV Париж–Марсель, а работы курируют Шарль Наполеон и Ж.-О. Будон (правда, как полагают Т. Ленц и П. Бранда, вряд ли парк будет открыт к 2021 г.). Кроме того, на Святой Елене с 2017 г. функционирует аэропорт — «самый бесполезный аэропорт в мире», как его окрестили журналисты, — все это французские власти вполне готовы использовать.

При том что Наполеон — это национальный бренд, нельзя сказать, что общество когерентно в своей оценке Наполеона; как политические элиты и историческое сообщество, оно тоже разделено и отношение политизированных французов к Наполеону неоднозначно. Этот раскол имеет как

политический ракурс: левые не принимают наполеоновское наследие, так и возрастной: поколение старше сорока относится к Наполеону терпимее, нежели молодежь. В целом, из бесед с французскими коллегами и друзьями у меня сложилось мнение, что у каждого есть свой Наполеон... Вот, например, мнение парижанина Тьерри Коллежья, приехавшего в Аяччо специально на юбилей. Тьерри — большой поклонник императора и организатор туристических маршрутов по Парижу времен Революции и Империи. По словам Тьерри, многочисленные туристы, приехавшие в Аяччо за своей порцией моря и солнца, получили гораздо больше, а «торжества должны напомнить французам и иностранным туристам о заслугах Наполеона: он вывел Францию из десятилетнего революционного хаоса, осуществил реформы с целью модернизации общества и государства, создал институты, эффективно функционирующие по сей день; способствовал развитию меритократии вместо традиционных привилегий Старого порядка, связанных с происхождением». Конечно, продолжает Тьерри, «Наполеон вверг Францию в невероятную и незабываемую авантюру, но без этого не было бы целого поколения писателей-романтиков, таких как Гюго, Бальзак, Стендаль

и т. д.». И, подводя итог, Тьерри Коллежъя привел высказывание Шарля де Голля: «Невозможно измерить все то, что Наполеон сделал для престижа Франции». Как видим, Тьерри почти дословно повторяет то, о чем писали упоминавшиеся выше историки и политики.

А вот мнение жителя Аяччо, бывшего учителя, а ныне пенсионера Жака Шарлона, активно участвующего в общественной и культурной жизни города. «Наполеон !! Кому не знакомо имя этого крупного политического и военного деятеля! О нем опубликованы сотни тысяч работ, и историки пишут как хорошее, так и плохое о Наполеоне, не прекращая его то восхвалять, то хулить. Его история настолько увлекательна, что не оставляет нас. Что касается меня лично, то «наполеоновская душа» сопровождает меня, можно сказать, с колыбели. И я горжусь тем, что 250-летний юбилей императора был торжественно отпразднован в его родном городе Аяччо. Это был незабываемый праздник для всех!» Отмечу, и Тьерри Коллежъя, и Жак Шарлон закончили свои размышления одной и той же фразой: «*Vive l'Empereur!*»

Вместо заключения
Феномен Наполеона:
что об этом думают историки?

Итак, если современные французские политические элиты стремятся дистанцироваться от имени Наполеона, более того, он их раздражает (хотя, как мы видели, в последние годы ситуация начинает меняться), то французский народ превратил его в одного из своих популярнейших национальных героев (в запросах поисковой сети Google Наполеон Бонапарт занимает второе место после Иисуса Христа).

Как объяснить безрассудочную страсть коммемораций 2015 г.? Почему французы, после многих лет военных наборов и войн, в которых они потеряли своих сыновей, братьев, отцов во всех концах Франции, сожалеют об императоре со времени его первого отречения и отправления на Эльбу? Тьерри Ленц в своем интервью отметил, что он поражен популярностью Наполеона и его дела. Книги о Наполеоне прекрасно раскупаются,

места памяти активно посещаются, события, посвященные императорскому периоду, имеют сумасшедший успех, залы конференций и публичных лекций переполнены. В 2015 г. реконструкция битвы при Ватерлоо мобилизовала 5 тыс. людей в униформе, причем все это были добровольцы, и собрала 120 тыс. зрителей³²⁸.

Наполеон больше, чем кто-либо другой, присутствует в географии Франции и особенно в географии Парижа. Бульвары носят имена маршалов Наполеона, улица Риволи, Лувр, Версаль, Парламент, Отель Инвалидов — какие монументы и исторические места этого самого красивого города мира не испытывают влияние Наполеона? Названия станций метро тоже показательны: Ваграм, Йена, Аустерлиц, Кампо-Формио, Пирамиды...

Наполеон — объект фильмов, выставок, конференций, статей в научных и гляцевых журналах, изданий для специалистов и широкой публики. Память о нем поддерживается специальными организациями: это университетские структуры, такие как Институт Наполеона, частные институты, такие как Фонд Наполеона.

³²⁸ *Lentz T.* À la rentrée, les élèves vont découvrir un peu mieux Napoléon.

Почему имя Наполеона так популярно в современном мире? По мнению Э. Керна, память о Наполеоне представляет собой парадокс: сегодня она больше интернациональная, чем национальная. В Париже, этом городе-маяке, многочисленных иностранных туристов привлекает не только Эйфелева башня и Нотр-Дам; многие из них стремятся посетить и Собор Инвалидов, чтобы увидеть могилу Наполеона. Наследники Европы, которую стремился завоевать Наполеон, приходят к месту погребения этого «великого человека»³²⁹.

По словам С. Хазарисингха, для многих французских историков и политических деятелей Наполеон остается «французской страстью». Как полагает историк, Наполеон всегда будет в центре полемики, поскольку чем больше о нем узнаешь, тем больше понимаешь, что это неисчерпаемый персонаж³³⁰. Но это не единственная причина, объясняющая его популярность.

Во-первых, он сам создал свою легенду, и эта легенда стала жить своей жизнью, вошла в плоть и кровь нации. При этом, как пишет Эмиль Керн, «изнанка» наполеоновской

³²⁹ Kern E. Op. cit. P. 9.

³³⁰ Hazareesingh S. Op. cit. P. 220.

эпопеи — кровавые войны, диктатура, убийства в Яффе, — все это отступает на второй план, будто забывается³³¹. По словам историка, Наполеон очаровывает не потому, что он великий «обычный» человек, а потому, что он сам создал сценарий своего появления как героя, полубога, предмета культа. Независимо от того, любят его или ненавидят, сила его мифа подавляет. Наполеон этого хотел, он сам творил свой миф, он навязал его современникам еще при своей жизни, обогащая его еще больше уже после своей смерти. Король Италии, император французов, Бог войны — Наполеон сам конструировал свой имидж³³².

Отсюда и вечные споры вокруг Наполеона. Он создает полемику, дебаты. Споры идут о том, кто он, наследник Революции или ее могильщик, деспот или реформатор, великий капитан или «кровавый ячмень», герой или диктатор, виновный в закате Франции, ответственный за поражение при Седане, работороговец. И тех, и других немало. Наконец, вечная полемика вокруг причин смерти Наполеона регулярно воспроизводится в СМИ. Его жизнь восстановлена буквально

³³¹ Kern E. Op. cit. P. 552.

³³² Ibid. P. 10.

по дням; его переписка опубликована, источники многочисленны. Соответственно, историкам известно все о Наполеоне, но они до сих пор пытаются его понять.

В 1819 г. в Англии появилась брошюра Ричарда Уатли (Richard Whately) «Исторические сомнения относительно Наполеона Бонапарта». Автор задается вопросом: можно ли доказать существование Наполеона? Сомнения относительно его существования являются сюжетом другой брошюры, появившейся в 1836 г. под названием «Как будто Наполеона никогда не существовало». Автор — Жан-Батист Пэрэ, библиотекарь города Ажен, доказывает, что Наполеон в действительности был солнечным мифом. «Наполеон Бонапарт, о котором столько всего написано, вовсе не существовал. Это только аллегорический персонаж, персонифицированное солнце». Какие доказательства приводит автор? У поэтов солнце именовалось Аполлоном, имя которого напоминает имя «Наполеон». Мать Аполлона — Лето. У римлян — Латоне, Летиция³³³.

К. Модюи отмечает, что в какой-то степени это так, ведь реальный Наполеон скрыт огромным пластом мифологии, он превратил-

³³³ *Mauduit X. Op. cit. P. 9–10.*

ся в легенду и неотделим от нее. Наполеон еще при жизни сам создавал свою легенду, и о нем говорили как о легенде³³⁴.

Этой же позиции придерживается и Э. Керн. По его мнению, Наполеон, в отличие от других великих исторических персонажей, живет в рамках мифа, наложившегося на историческую память. Он создал свою собственную судьбу, одевая ее в различные одежды. Если Людовик XVI представляется французам, по мнению Керна, исключительно в костюме мученика, то Наполеон многолик: вот он в самой гуще сражения, вот он покоряет Альпы, вот он в заснеженных равнинах России, вот он у египетских пирамид под палящим солнцем или позирует в костюме святого. Наполеон, по словам Керна, воспринимается как военный лидер, не непобедимый, но гениальный; глава государства, не идеальный, но переполненный энергией³³⁵.

Особенно Керна поражает тот факт, что Наполеон, завоевавший большую часть Европы, продолжает очаровывать не только французов, но и иностранцев. По его словам, «немцы, итальянцы, поляки, или, что

³³⁴ Ibid. P. 11.

³³⁵ Kern E. Op. cit. P. 12.

еще более удивительно, русские и англичане, европейцы в целом, — все они остаются во власти чар Наполеона, который их подчиняет, завораживает, причем даже больше, чем французов»³³⁶. По мнению Керна, огромная Россия сохраняет прочную связь с наполеоновской памятью. Он отмечает сложные отношения между Наполеоном и Александром; говорит о влиянии Войны 1812 года на менталитет русского народа, об огромных разрушениях, которым подверглась территория России вследствие французского нашествия, о разорении целых городов, в том числе сожжении Москвы. При этом в России, как пишет Керн, много музеев не Наполеона, но Отечественной войны 1812 г. По словам Керна, современные русские — самые восторженные почитатели Наполеона и самые страстные коллекционеры всего, связанного с его именем³³⁷.

Наконец, «лучшие враги» французов, англичане, по отношению к Наполеону испытывают нечто среднее между восхищением великим стратегом и ненавистью к диктатору, жаждавшему захватить Британские острова. Его имя до сих пор разделяет англичан, как

³³⁶ Ibidem.

³³⁷ Ibid. P. 13.

и французов. Тем не менее, как пишет Керн, самые разные британские историки утверждают, что Наполеон — это враг, предпочитаемый англичанами, поскольку он был врагом блестящим и они его победили. Главный музей Наполеона в Лондоне находится в доме «железного герцога» Артура Веллингтона, победителя Ватерлоо, который, кстати, с восторгом отзывался о своем противнике.

Жан Тюлар в предисловие к книге Ж. Пуассона также подчеркивает, что имя Наполеона обладает большей популярностью за рубежом Франции. Его лицо стало одним из самых узнаваемых и растиражированных французских «лейблов» в мире. Спустя двести лет после падения империи этот исторический персонаж и его период сохраняют неослабевающую привлекательность для новых поколений. По словам Тюлара, дебаты, происходящие вокруг имени Наполеона, во многом «искусственные». Они всегда устраиваются в угоду массовой публике, периодически такие споры организуются в прессе. Наполеон умер, отравленный одним из своих приближенных на Святой Елене? Правда ли он является сыном Карло Буонапарто? Его ли тело покоится в Соборе Инвалидов или это тело Киприани, его слуги? Все эти вопросы, по мнению Ж. Тюлара, только поддерживают

наполеоновское пламя, и даже если историки прольют свет на все эти вопросы, в СМИ постоянно будут появляться «сенсации», которые будут только подогревать интерес в Наполеону.

Другие авторы говорят о том, что легенда создавалась не столько Наполеоном, сколько писателями-романтиками, о чем уже писалось выше. По словам К. Модюи, история французов и отчасти европейцев этого периода сводится к одному человеку. Чтобы проиллюстрировать эту идею, достаточно вспомнить «Исповедь сына века» Альфреда де Мюссе: «Единственный человек был тогда в жизни Европы. Все остальные лишь старались вдохнуть воздух, которым он дышал»³³⁸.

Во-вторых, и это, на мой взгляд, самое важное — Наполеон позволил французам поверить в то, что они лучшая нация в мире, он дал им чувство национальной гордости. Альфонс Ламартин в январе 1839 г., выступая в парламенте, произнес свою знаменитую фразу, известную в сокращенном варианте: «Франция скучает» (в полном варианте она звучит так: «Франция — это скучающая

³³⁸ *Musset A. La confession d'un enfant du siècle. P., 1836. P. 8.*

нация»). Это во многом объясняет причину непопулярности в национальной памяти короля Луи-Филиппа и объясняет популярность Наполеона, при котором французам было точно не до скуки. Главное, Наполеон подарил французам чувство величия или, говоря словами Стендаля, изменил мораль французского народа. Как писал Гейне, «последний крестьянский сын совершенно так же, как и дворянин из древнейшего рода, мог достигнуть... высших чинов и приобрести золото и звезды. Поэтому-то в каждой крестьянской хижине и висит портрет императора. [...] В его портрете многие, может быть, чтут лишь померкшую надежду на собственное величие»³³⁹.

Следующий момент — это непреодолимый магнетизм и харизма его личности, в которой, по словам Хазарисингха, не было ничего театрального. Но только одной харизмой трудно объяснить наполеоновский культ³⁴⁰. Наполеон — это не просто действующее лицо истории, он ее создатель, он сам ее писал. Анни Журдан отмечала: «Войти в историю, делать историю, подняться над соотечественниками, над личностью,

³³⁹ Гейне Г. Указ. соч. С. 181.

³⁴⁰ Hazareesingh S. Op. cit. P. 11–12.

над событиями, — это исключительный талант³⁴¹. Более того, современная Франция, несмотря на отторжение Наполеона политическими элитами, остается, как отметил Жан Тюлар, «глубоко наполеоновской». «Территориальное, политическое, законодательное, институциональное наследие Наполеона для французского общества и мира в целом объективно беспрецедентно», — отмечает историк³⁴². Его имя, по словам Ж. Тюлара, символизирует вклад Франции в мировую историю. Историю Наполеона, по мнению Тюлара, невозможно ограничить дворцом Тюильри; ее необходимо рассматривать «под планетарной призмой»³⁴³. Это всемирное наследие Наполеона и его известность по всему миру также объясняет феномен популярности его имени в исторической памяти.

С. Хазарисингх выделяет три фактора успеха «наполеоновской легенды». Главный момент — это опыт Ста дней в 1815 г. Второе — принятие республиканцами наполеоновского наследия. Третье — народная страсть и креативность, проявляющаяся

³⁴¹ Цит. по: *Mauduit X. Op. cit. P. 283.*

³⁴² *Tulard J. La BD est devenue un véhicule de la culture historique.*

³⁴³ *Ibidem.*

в том, что почитание Наполеона часто сопровождается переосмыслением его личности и наследия, и это наследие — универсально: из воина он превращается в миротворца, гаранта порядка, создателя свободы и гражданского равенства; из завоевателя — в благодетеля и освободителя народов; создателя Великой нации, певца европейского единства; из императора — в защитника ценностей великой Революции. Вышедший из скал Святой Елены, он символизирует вечное возвращение к божественным истокам³⁴⁴. Эти противоречия, по словам автора, не настолько парадоксальны, как может показаться на первый взгляд. Ведь сам Наполеон был человеком удивительной пластичности, способным на радикальные метаморфозы. Его меняющаяся легенда опирается на изменяющуюся историческую реальность. Но разве не верно и то, задается вопросом историк, что в его загадке и кроется большая часть его притягательности?³⁴⁵

³⁴⁴ Наглядным образом это воплотилось в цветной гравюре «Наполеон I, выходящий из могилы» Жан-Пьера Жазе (Jazet) и Жан-Жака Верне (Werne), по картине Ораса Верне (1840), музей дворца Мальмезон.

³⁴⁵ Hazareesingh S. Op. cit. P. 15.

* * *

Какой же итог можно подвести? Для всех французских режимов после 1815 г. вопрос о том, как себя идентифицировать по отношению к Наполеону Бонапарта, а потом его памяти, был весьма неоднозначным. За исключением периода Реставрации, власти, как правило, принимали то, что им импонировало в его наследии, отказываясь от всего неподходящего.

В годы Реставрации обладание предметами наполеоновского культа воспринималось властями как принадлежность к «мятежникам», врагам режима, и множество французов пострадали просто потому, что владели бюстом, статуэткой, носовым платком или табакеркой с изображением Наполеона. Июльская монархия осуществила официальную реабилитацию памяти Наполеона, доведя ее до культа. Французы воспламенились наполеоновскими воспоминаниями. Они питались Стендалем, Гюго, Бальзаком и «Мемориалом Святой Елены». Сначала они покупали картинки с изображением Наполеона и предметы, связанные с его именем, а потом эта ностальгия по империи воплотилась в империю настоящую, уже Вторую, созданную племянником Наполеона.

Тех времен больше нет. Давно закончился этот «длинный XIX век», когда французский народ не прекращал вдыхать то, что Луи Арагон назвал «пьянящим запахом наполеоновского пороха». Наполеон, продолжая разделять французов, остается одним из популярнейших национальных героев и живет, по словам С. Хазарисингха, как некая отправная точка в коллективном сознании. Он всегда представлен в «витрине» национальной памяти. Французы им гордятся, даже если они не так многочисленны в своем паломничестве к Собору Инвалидов, куда устремляются больше иностранцы. Эта «витрина» равным образом касается частной сферы, когда французы хранят какие-то реликвии, передают из поколения в поколение вещицы или предания, связанные с именем Наполеона³⁴⁶.

Не столь однозначно и восприятие Наполеона политическими элитами Франции. Если еще несколько лет назад они стремились дистанцироваться от имени Наполеона, то 250-летний юбилей показал, что ситуация в обществе меняется. Наполеон, говоря словами Пьера Бранда, возвращается в Историю, частью которой он не просто являлся, он создавал ее, как создавал современное

³⁴⁶ Ibid. P. 2.

французское государство. Наполеон дал французам чувство национальной гордости и национального величия, зарядив их мощнейшей порцией национального адреналина. Вот и современные французы, на мой взгляд, снова хотят ощутить это чувство величия, как раньше, при Наполеоне и де Голле. Поэтому абсолютно прав Тьерри Ленц, утверждая, что Наполеон — это не только прошлое. Переосмысление роли и места Наполеона в истории является в определенной мере переосмыслением роли и места Франции в объединенной Европе и формирующемся многополярном мире.

Осталось подождать совсем немного, юбилея 2021 года, чтобы проверить, насколько глубоки эти изменения. Конечно, вряд ли огромный поток туристов хлынет на Святую Елену. Хотя, кто знает, ведь как говорил корсиканец Наполеон Бонапарт, «невозможное — это не по-французски». А это очень льстит национальному самолюбию.

* * *

Саша Гитри, известный французский актер, писатель и режиссер, в своей книге «Наполеон» более чем полвека назад написал: «Представим себе некую фабулу: человек родился на острове, мечтал всю свою жизнь

Вместо заключения

завоевать остров, вернулся на остров и, против своей воли, умер на острове»³⁴⁷. На первый взгляд, так оно и было, с оговоркой, что он хотел завоевать не остров, а весь мир (в тогдашнем его понимании). И он его завоевал, не реально, но своей легендой, памятью и мифом...

³⁴⁷ *Guity S. Napoléon. P., 1955. P. 20.*

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

- Бальзак О.* Сельский врач // Собр. соч. в 10 т. М., 1995. Т. 8.
- Бальзак О.* Полковник Шабер // Собр. соч. в 10 т. М., 1982. Т. 1.
- Беранже П.-Ж.* Песни. *Барбье О.* Стихотворения. *Дюпон П.* Песни // Библиотека всемирной литературы. Серия вторая. Т. 69. М., 1976.
- Виньи А. В.* Неволя и величие солдата. Издание подготовили Б. Г. Реизов, А. М. Шадрин, А. А. Энгельке. Перевод, биографический очерк и примечания А. А. Энгельке. Статья Б. Г. Реизова. Л., 1968.
- Гейне Г.* Французские дела // Собр. соч. в 6 т. М., 1982–1983. Т. 4.
- Гюго В.* Поэзия // Собр. соч. в 14 т. Т. 12. М., 2003.
- Гюго В.* Посмертные записки. 1838–1875. М., 2007.
- Гюго В.* Два острова // Электронный ресурс: <http://wysotsky.com/0009/087.htm#02> (Дата обращения 09.02.2019).
- Гюго В.* Отверженные. Пер. Д. Лившиц, Н. Коган, Н. Эфрос, К. Локса, М. Вахтеревой, В. Левика. СПб., 2013.

- Дюма А. Наполеон. Пер. с франц. С. Н. Искюля. СПб., 2012.
- Жирарден Д., де. Парижские письма виконта де Лоне. М., 2009.
- Мериме П. Коломба // Собр. соч. в 4 т. М., 1983. Т. 2.
- Мюссе А. де. Исповедь сына века: роман, новеллы, пьесы: Пер. с фр. В. А. Мильчиной. М., 1988.
- Санд Ж. Индиана // Собр. соч. в 14 т. М., 1996. Т. 1.
- Стендаль. Красное и черное // Собр. соч. в 5 т. М., 1993. Т. 1.
- Стендаль. Жизнь Наполеона. Пер. А. С. Кулишер // Собр. соч. в 5 т. М., 1993. Т. 3.
- Стендаль. Пармская обитель. Пер. Н. Немчиновой. СПб.-М., 2018.
- Торжественный привет 1977 — Торжественный привет. Стихи зарубежных поэтов в переводе Валерия Брюсова. М., 1977.
- Шатобриан Ф. Р. де. Замогильные записки. М., 1995.
- Apponyi R. Les Français envient notre bonheur, Journal. 1826–1848. Présenté et annoté par Nicolas Mietton. P., 2008.
- Boigne E-A. Mémoires de la comtesse de Boigne. Т. 1–2. P., 2005.
- Chateaubriand F. R., de. Buonaparte et des Bourbons. P., 2004.
- Constant B. De l'esprit de conquête et de l'usurpation dans leur rapports avec la civilisation européenne. P., 1814.
- Dino D. (duchesse de Talleyrand et de Sagan). Cro-
nique de 1831 à 1862. Т. 1–4. P., 1909–1910.

- Guizot F.* Mémoires pour servir à l'Histoire de mon temps. T. 1–8. P., 1858–1867.
- Hugo V.* Le Retour de l'Empereur. P., 1840.
- Joinville, prince de.* Vieux souvenirs. 1818–1848. P., 2008.
- La légende de Napoléon vue par Hugo, Dumas, Balzac, Stendal / Choix de textes par Gérard Genembre. P., 2002.
- Mameluck Ali.* Journal inédit du Retour des Cendres 1840. P., 2003.
- Musset A. de.* Confession d'un enfant du siècle. P., 1836.
- Stendhal.* Napoléon. Mémoires sur Napoléon. P., 1929.
- Vigny A., de.* Servitude et grandeur militaire. P., 1835.

Литература

- Вильген Д.* Сто дней, или Дух самопожертвования. М., 2003.
- Искюль С. Н.* «Наполеон» А. Дюма: к истории издания // Дюма А. Наполеон. СПб., 2012.
- Таньшина Н. П., Борисёнок Ю. А.* Саркофаг Наполеона из «русского порфира» // Родина. 2018. № 5.
- Таньшина Н. П.* Наполеоновская легенда во Франции в годы Июльской монархии // Новая и новейшая история. 2016. № 5.
- Таньшина Н. П.* Наполеон Бонапарт в исторической памяти: между мифом, брендом и легендой // Новая и новейшая история. 2019. № 3.

- Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М., 2012.
- Черкасов П. П. Александр II и Наполеон III. М., 2015.
- Antonetti G. Louis-Philippe. P., 2002.
- Branda P. La saga des Bonaparte. Du XVIIIe siècle à nos jours. P., 2018.
- Branda P. Napoléon et ses hommes: la Maison de l'Empereur, 1804–1815, P., 2011.
- Branda P. Les secrets de Napoléon. P., 2014.
- Branda P. Joséphine: le paradoxe du cygnet. P., 2016.
- Broglié G. L'Orléanisme. La ressource libérale de la France. P., 1981.
- Caldwell R. J. The Era of Napoleon. A bibliography of the History of Western Civilization, 1799–1815. New York, London, 1991. T. 1–2.
- Chevallier A. Napoléon sans Bonaparte. P., 2018.
- Chevallier A. Napoléon a été le héros des classes populaires // Le Figaro. 10.12.2018 // <http://www.lefigaro.fr/vox/histoire/2018/10/12/31005-20181012ARTFIG00339-napoleon-a-ete-le-heros-des-classes-populaires.php>
- Darriulat Ph. Les patriotes. La gauche républicaine et la nation. 1830–1870. P., 2001.
- Demougin J. Napoléon, la légende. P., 2005.
- Gonnard Ph. Les origines de la légende napoléonienne. L'oeuvre historique de Napoléon à Sainte-Hélène. P., 1976.
- Grubnerg G. Napoléon Bonaparte. Le noir génie. P., 2015.
- Hazareesingh S. La légende de Napoléon. P., 2008.
- Jospin L. Le Mal napoléonien. P., 2014.

- Jourdan A.* L'Empire de Napoléon, 1799–1815. P., 2008.
- Jourdan A.* Mythes et légendes de Napoleon. P., 2004.
- Kern E.* Napoléon. Deux cents ans de légende. Histoire de la mémoire du Premier Empire. P., 2016.
- Lentz T.* Napoléon et la France. P., 2015.
- Lentz T.* Bonaparte n'est plus! Le monde apprend la mort de Napoléon. Juillet-septembre 1821. P., 2019.
- Lentz T.* À la rentrée, les élèves vont découvrir un peu mieux Napoléon // Le Point. 15.08.2019 // https://www.lepoint.fr/histoire/thierry-lentz-les-elites-ont-souvent-le-napoleon-honteux-15-08-2019-2329965_1615.php
- Martin-Fugier A.* Louis-Philippe et sa famille. 1830–1848. P., 2013.
- Mauduit X.* L'Homme qui voulait tout. P., 2015.
- Ménager B.* Napoléon du peuple. P., 1988.
- Milza P.* Napoléon III. P., 2004.
- Napoléon, de l'histoire à la légende: actes du colloque des 30 novembre et 1er décembre 1999, organisé par le Musée de l'armée, Hôtel national des Invalides. P., 2000.
- Nofri G.* On a la tête qui tourne à l'évocation de tout ce que Napoléon a entrepris // Le Figaro. 22.08.2019 // <http://www.lefigaro.fr/vox/histoire/on-a-la-tete-qui-tourne-a-l-evocation-de-tout-ce-que-napoleon-a-entrepris-20190815>.
- Pagé S.* Le mythe napoléonien. P., 2013.
- Petiteau N.* Napoléon, de la mythologie à l'histoire. P., 2004.

Основные источники и литература

Petiteau N. Les Français et l'Empire, 1799–1815. Avignon, 2008.

Petiteau N. Lendemain d'Empire. Les Soldats de Napoléon dans la France du XIX^e siècle. P., 2003.

Poisson G. L'Aventure du Retour des cendres. Préface de Jean Tulard. P., 2004.

Poisson G. Le retour des cendres de l'Aiglon. P., 2006.

Tulard J. L'Anti-Napoléon: la légende noire de l'Empereur / présentée par Jean Tulard. P., 1965.

Tulard J. De Napoléon et de quelques autres sujets. P., 2019.

Tulard J. La BD est devenue un véhicule de la culture historique // Le Monde, 2019. 9 janvier.

Научное издание

Наталья Петровна Таньшина
НАПОЛЕОН БОНАПАРТ
Между историей и легендой

Директор издательства *В. В. Чубарь*
Выпускающий редактор *Л. А. Галаганова*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Подготовка издания ИП *Трофимов В. Ю.*

Подписано в печать 24.10.2019.
Формат 84×108 1/32.
Усл. печ. л. 11,8. Гарнитура «PT Sans».
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № 8604.

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н

Отпечатано с готовых диапозитивов
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru,
8 (495) 988-63-76, т/ф. 8 (496) 726-54-10

В СЕРИИ PARVUS LIBELLUS

Вышли в свет:

- Клейн Л. С.* Илиада — эпос и история
Клейн Л. С. Троянская война: эпос и история
Дворниченко А. Ю. Rus Lietuvos: Великое княжество Литовское от рассвета до заката
Шишкин В. В. Средневековая Франция (V-XVI вв.)
Банников А. В. Быть легионером
Банников А. В. Римская армия от Адрианополя до «Стратегикона»
Власов Н. А. Отто Фон Бисмарк. Путь к вершинам власти
Ауров О. В. Испания в эпоху вестготов
Губарев О. Л. Рюрик Скъёльдунг
Дмитриев В. А. Военный флот Сасанидов
Рудольф фон Кеммерер. Клаузевиц
Леопольд фон Ранке. Фридрих Великий
Рихтер Г. М. Евгений Савойский
Хейк Эдуард. Медичи
Клейн Л. С. Шлиман в России и мире
Юрченко А. Г. Василиск античных врачей и магов
Шульц Ганс. Валленштейн и эпоха Тридцатилетней войны
Отто Хинце. Гогенцоллерны. Начало: От первых Цоллернов до Тридцатилетней войны
Холмогоров Е. С. Игра в цивилизацию
Холмогоров Е. С. От Спарты до Византии. Очерки империй железного века
Сергеев Е. Ю. Непокоренный остров: героическая оборона Мальты во Второй мировой войне

Готовятся к изданию:

- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* «Се яз раб Божий...» Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры
Клейн Л. С. Концепция замкнутых культур: от Данилевского до Хантингтона
Банников А. В. Армия Восточной Римской империи от Юстиниана I до «Стратегики»
Кереньи Карл. Исследования лабиринта. Лабиринт как линейное отражение мифологической идеи
Юрченко А. Г. Василиск — алхимическая мутация

Наполеон притягивает и отталкивает, завораживает и вызывает неприятие, но никого не оставляет равнодушным. В 2019 году исполнилось 250 лет со дня рождения Наполеона Бонапарта, и его имя, уже при жизни превратившееся в легенду, стало не просто мифом, но национальным, точнее, интернациональным брендом, фирменным знаком.

Как происходило развитие этого мифа? Какова роль ветеранов Великой армии и литераторов эпохи романтизма в формировании наполеоновского культа? Как французские власти на разных этапах относились к имени и наследию Наполеона? Какова позиция современных властей Франции? Как французы отпраздновали 200-летие Первой империи и 250 лет со дня рождения Наполеона Бонапарта? Что об этом думают современные историки и как они оценивают причины популярности Наполеона во всем мире? Все эти вопросы поднимаются на страницах этой книги.

ISBN 978-5-8071-0468-7



9 785807 104687